





ЮРИЙ КОБРИН

ГЕНЫ
ГАННИБАЛА

Избранное

Москва



2013

UDK 821.161.1 (474.5) -1

Ко-21

Кобрин Юрий Леонидович

ГЕНЫ ГАННИБАЛА

Избранное – М., Вест-Консалтинг, 2013. – 336 с.

В книгу избранных стихов известного русского поэта, живущего в Литве, вошли произведения из одиннадцати сборников, изданных в Вильнюсе и Москве. Многие стихотворения переводились на английский, немецкий, испанский, польский, литовский и другие языки. Ю.Кобрин – автор 880-страничной малой антологии литовской поэзии “Я вас переводил...”

Юрий Кобрин – академик Европейской академии естественных наук (Ганновер, ФРГ), награждён Рыцарским крестом ордена Великого князя Литовского Гядиминаса (2003 г.), орденом Дружбы (2008 г.), ему присвоено почётное звание “Заслуженный деятель искусств Российской Федерации” (2005 г.), он лауреат медали Й.В. Гёте (Германия, 2010 г.), “Поэт Русского Зарубежья 2007 года” (Международное общество пушкинистов, Нью-Йорк, США), лауреат премии московского журнала “Смена”.

Автор экслибриса Витаутас Калинаускас

Фотохудожник Владимир Царалунга-Морар

На обложке фрагменты первого в мире памятника Ганнибалу и Пушкину в Вильнюсе, созданного по идее и проекту Ю.Кобрин, скульптором В.Наливайка и архитектором К.Микшисом. Установлен 5 мая 2011 г.

Сергей Исаков. Портрет поэта. 2001 г., холст, масло.

ISBN 978-609-408-372-3

© Юрий Кобрин, 2013

© Фонд К.Воробьёва,

оригинал-макет, вёрстка, 2013

© Издательство «Вест-Консалтинг», 2013

ЭХО ПОЭЗИИ



Юрий Кобрин: послесловие к себе

Мы познакомились на III Международном русско-грузинском фестивале поэзии в июне 2009 года и сразу «узнали» друг друга и подружились, будто были всегда знакомы. До этого мы оба участвовали в Первом фестивале русской книги в Баку в 2006-м, но странным образом даже не заметили друг друга в большой и разношерстной делегации.

В Грузии в тот год стихи читали у моря. Поэты выходили на небольшую, залитую полуденным солнцем эстраду и, пытаясь не упустить вырываемые игривым античным ветерком листы, которые сжимали левой рукой, правой – жонглёрски удерживали у рта микрофон. При этом дамам еще надлежало следить за эфирными летними туалетами, очень занимавшими Эола... Мужская половина читала чаще всего в потертых джинсах, мятых шортах, теннисках или даже футболках. И тут вышел он, в летнем бумажном, песочного цвета пиджаке, с прекрасно подобранным по тону шейным платком и в изящных мокасинах на голую ногу, со стальными, портретно зачесанными сединами. У другого этот джентльменский «набор» показался бы пижонством, он же носил свой облик естественно и прирожденно, как римский сенатор – тогу. Был он смуглым и сдержанным, и улыбался краешком горьких губ, читал собранно и очень серьезно. Позднее, познакомившись с творчеством Юрия Кобрина, я понял, что, кроме врожденной элегантности, это восходит еще к его учителю и пожизненному кумиру Арсению Тарковскому, чей внешний выразительный облик неразделим с его мировосприятием и поэтической манерой: «Проходя мимо, поэт по-соколиному зорко взглянул на меня и склонил голову с безукоризненным левосторонним пробором в знак прощания». Ведь Тарковский с женой не просто вышли, рассчитавшись с официанткой за дежурные рожки с грибами, а «прошествовали из зала» вильнюсского ресторана. Так эта первая встреча описана самим поэтом в «Ализариновых чернилах».

А тогда, в Грузии, на фоне сиятельно-эпического

моря, мне вспомнился Бунин, его запись в дневнике 1922 года: «Тот, кто называется «поэт», должен быть чувствуем, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и т. д. На что же мне нужны изливания души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным?»

Всё в манере, в жесте, в подаче себя, внутреннего и внешнего, миру.

Аристократизм, прирожденный и благоприобретенный, – это крайне редкое сегодня качество, такое же редкое и напрямую с ним связанное, как школа, высокая традиция, и оно прямо противоположно нивелировке, стандартизации, типизации, «демократизации», глобализации, в конечном счете, дебилизации окологкультурной и мимолитературной среды. Именно им, этим благим качеством, в полной мере и в высокой степени наделен Юрий Кобрин, кавалерственный поэт, орденосец, лауреат известных литературных премий и носитель научных и прочих званий – всего того, что надо не только заслужить, но и уметь очень достойно и скромно носить.

Новую книгу своих избранных стихов и переводов с литовского он назвал «Постскрипtum» – т.е. то, что следует за написанным. А написано десять поэтических сборников (многие его стихи переведены на основные европейские языки) и издана почти 900-страничная антология литовской поэзии, названная просто и красноречиво – «Я вас переводил...»

«Русский сын земли литовской», он, как и мы, живет «на земле, переполненной скотством, где второй из прохожих – мудака, продающий свое первородство», где «с молотка ведь шестую часть света пустили», где попораны ум и честь и где «правит зависть в обнимку с уродством». Как и нам, поэту здесь скучно, темно и неловко, его душит «рукодельная петля» неразделимых и взаимоуничтожительных жизни и творчества, и поэтому он честно говорит пойманной гипотетической золотой рыбке: «Знаешь, лучше тогда умереть, если жить для того, чтобы выжить». И зачем она «мчит без шофера «скорая» к тому, кого уже нету?»

Где иду, там разреженный воздух,
тени душ, бывших стран, мёртвых тел.
Ежедневье с прозрением грозным,
что уже все я в жизни успел.

«Самоизгой», он «спешит стряхнуть слезу с пера» и «осознать тщету и брение держав», он клеймит «наследственную быдлость», это «время режиссёров без спектаклей, время стихотворцев без стихов», когда пышно и бесстыдно «клубится внекультурное пространство, гугукает в тумане сером шваль» и зловеще процветает «искусство нюханья ануса у золотого тельца».

Можно ли сказать прямее и сильнее? Можно ли честнее? Сомневаюсь.

Поэтому, как и нам, ему сегодня «больно на русском молчать языке». И все-таки он торжественно и мудро оговаривается: «Не путай страну с государством, где ты, как свеча на ветру». Ту страну, где «русское детство, литовское небо, невыразимо сиренева грусть».

Юрий Кобрин поэт умный и думающий, пишущий густо и одиноко, поэт, взявший на себя всю извечную и бессменную ответственность, означенную автором «Маленького принца», стёртого небом последнего полета. Но его блистательные риторические выпады, ироничные обличения, безукоризненно поданные выкладки совестливого рассудка, его яркая публицистичность гармонично уравниваются лирической стихийностью, душевными порывами-прорывами и желанными в такой большой, почти итоговой книге стихов ловкими «неуместностями»:

А нежных чувств полураспад
опасней, чем смертельный яд.
Прощальным наслаждаясь часом,
плывешь неторопливым брассом
вдвоём с подругой наугад
в ту ночь, где мотствует набат.

Стих Кобринина, как отмечали многие критики, крепкий, лапидарный и, я бы сказал, безмолвный («мною возвращенное безмолвное искусство»): «Что эта власть, что та... Которая мерзее?» Он, этот стих, часто

обрывается безответным вопросом, но ещё того чаще –
вопросительным ответом

Что такое русская поэзия?

 Душ сгоревших белая магнезия,
ночи без ночлега с папиросами,
 жизнь с неразрешимыми вопросами,
искорка, погасшая под бровью
 вслед за потухающею кровью,
запятые, точки бесполезные,
 строчки с самой юности любезные
Пушкина, Кольцова, Пастернака,
 выгнанная на мороз собака...

Большие вещи ритмически перемежаются в книге
с малыми формами, чуть озорными выжимками-ми-
ниатюрами и лирическими выпадами:

Черты ненужные сотру,
какие б царь ни принял позы,
чем был бы памятник Петру
без пушкинских стихов и прозы?

Вспомнив Пушкина, хочется упомянуть яркое,
психологически очень непростое, но лирически
крайне убедительное стихотворение «И вновь о
Натали» из цикла «Гены Ганнибала», вызвавшее ярое
неприятие у «защитников» и блюстителей абсолютной
бронзовости великого поэта, обвинивших Кобрин
чуть ли не в «crime de lèse-Majesté» (фр.: «оскорбление
Величества»). Цитировать текст невозможно, по-
скольку, в логике внутренней повествовательности,
одна строка неотторжимо вытекает из другой, и стих
этот любовно-сожалеющий, а ни в коем случае не
обличительный: после «пустышка» следует нежное
«глупышка», а далее – ласково-бережное «простушка».
Очарованность поэта, во всех смысловых оттенках
слова, – это сущность и содержание стихотворения.
Поэта, сумевшего «отдать бессмертию» Натали вместе
с «бесславием Дантеса»: «но в этом Пушкин. Вы бы так
смогли?»

«Пушкинскую руку Жму, а не лижу», – воскликнула
Марина Цветаева, которую, в числе прочего,

эмиграция травила за «Моего Пушкина» и вообще за ниначтонепохожесть (слово из статьи Кобрин о Нарбуте). Есть «свой», уникальный и любовно сопережитый Пушкин и у Юрия Кобрин, как у нас у всех, поэтому он мог бы повторить, со всей цветаевской сокрушительной страстью: «— Пушкиным не бейте! Ибо бью вас – им!»

«Дневник любви», состоящий во многом из лирики блаженной памяти 60–70-х годов, переходит в яркие картинки странствий, совершаемых уже в 80–90-е – из зловеще-велеречивого перестроечного маскарада, полного безалкогольных, сберкассовых, пенсионных, МММ-овских и прочих чудес в решетке, в эти дорожные сны вживания-выживания, выпукло и контрастно отражающие запредельно благополучный мир и объединенные в цикл «И дым отечества». Но самая болезненная и болевая тема «Постскриптума» – это «русское гетто», тот нелицеприятный и упорный рассказ про фальшь «нашей и вашей свободы», «про родину свою литовскую – ту, что нас видела в гробу». Глубокие и выстраданные вещи «Постскриптума» посвящены вопиющей теме выживания русских под заёмным фиговым листком-флажком «прав» и «демократий», где «ночь порукой круговой связала прочно всех в стране-самоубийце» и где «оскал времен» превращается в злую и безответную «пытку сердца»:

Нас страшили «изменой Родине»,
но она изменила сама.
В Рождество вымерз куст смородины,
не сойти бы, ей-ей, с ума...

Вряд ли ему простят и примечание-напоминание к стихотворению «Перед вечным простором», пусть даже набранное петитом: «Панеряй – окраина Вильнюса, где гитлеровцами и литовскими белоповязочниками было уничтожено около 100 000 человек, преимущественно евреев».

Над вечным покоем,
невечный,
ты молча стоишь.

Тут нельзя не отметить, что Юрий Леонидович Кобрин уже давно ведет у себя в Литве подвижническую

деятельность во имя и во славу русской поэзии и русской культуры, нарываясь порою на рифы русофобии, непонимания и даже ненависти и оставляя на их остриях ключья духа и плоти, плоти, претерпевшей уже смертельные угрозы: «Я, старый атеист, у Бога на пороге... Молю Тебя, продли, продли мои дороги!» И хотя «хворь – это тварь со множеством харь», хотя «ещё вчера тускнело зренье, от смерти был на волосок», хотя «хирург по локоть самый в горло влез», неодолимо и живительно сердечное движение, запечатленное в одном из самых пронзительных стихотворений книги – «Сиреневом хуторе»:

На хутор, в зелёные ветки,
 чтоб дома с тоски не завывать,
 деление раковой клетки
 на воздухе остановить...

На хутор, на хутор, на хутор!
 В молочном тумане земля,
 где кофе несут нам, как будто
 в кафе «Клозери де лиля».

Как шприц, человек одноразов.
 Зачем ты над чашкой молчишь?
 Тебе ж обещал я в алмазах
 сиреневый город Париж...

Обо всем этом – целомудренно, страшно и просто, как и обо всех тех, кто уже встал до нас в предвечную «очередь, где все знакомы», как и о любимом «дружище, добром котище» Кеше:

Похоронили тебя мы под ёлкой
 в белой простынке, чтоб не было колко.
 Больше писать я об этом не буду.
 Спи, желтоглазое рыжее чудо.

На днях мне прислали «приглашение» на очередной фестиваль русской поэзии в одной из европейских столиц: нужна заявка и с нею столько-то евриков за участие, плюс – за «дружеский» ужин, плюс проживание, экскурсия и пр. Как бы между строк пожелание – чтобы повеселее и про женщин; можно спеть, можно сплясать и, наверно, можно показать язык. Не более восьми

минут... Воистину «без божества, без вдохновенья». Поэзия подобных сборищ – это свистопляска, цирк и развлекуха, профанация Слова, это что попало, кто угодно и что угодно, вроде позорных лужковских «биеннале», где один недоросль, например, гуляя по сцене, читал Евангелие наоборот, с конца в начало, и на этом шабаше «поэзии» не хватало только Распятия, подвешенного вверх ногами.

Не наша с тобою вина,
что чудище обло, стозевно.
Какие грядут времена
на многострадальную землю?

И все-таки, все-таки, в голом кружеве взаимопереплётенных судеб, «жизнь – карнавал. И этот праздник – наш!», а «за поэзию в любое время года мы шампан стаканского нальём», пусть даже не «Аи» и не «Вдову Клико», но так или иначе – голубопламенный лицейский пунш.

Это ощущение праздника духа и души, этот безусловный примат вечного, богоданного над безликой болотной средой, «где дух повержен и где торжествует плоть, но оплетённая невидимую сетью», – общее ощущение от «Постскриптума» Юрия Кобрин, этого развернутого и распахнутого лирического послесловия к себе, своей судьбе, к полувеку творческих радостей и мук, к своей выстраданной и слепой тропе сквозь зияющие пустоты падений и парений, на тех перепутьях и бездорожьях, где «рождённый в мучениях дар свой не дай погубить никому» и где всякий честный путь – путь крестный.

На насыщенно-зелёной обложке книги фотография поэта, слушающего пошипывающий граммофон отыгранных времен, музыку Леты, а заднюю украсил изысканный портрет работы Сергея Исакова, что возвращает нас к теме облика-образа, и я не могу не закончить этим скромным и очень личным посвящением

ЮРИЮ КОБРИНУ, ПОЭТУ И ПОРТРЕТУ

Когда отливает несущая на фиг и сушая волна, риторика, о да, трезва и норовиста, но ждёшь доверчиво, что из-за стёртого, обмызганного бесами угла, из-за себя, из-за меня, объявится повеса и поэт, остатнее же облетит, как ветошь вчерашних раздумий. С шейным платком, в мокалинах гусиных, бритый опасно бритвой Тарковского – он, элегантно-безысходный, шагнёт со своего портрета, прикуривая эфемерно на заднике поздней сирени, которая пахнет разлукой.

Лифляндия, Курляндия, Русляндия – обид не счесть, подмен не перемерить, и плещут волны умной нелюбви, и что-то из штанин упорно достаёт наш непростой советский человек в пятнистой кепке демократа из очень дорогого second-hand.

А с Юрою, кто с ним не любит беззвучно отхлебнуть позднебарочного кофе, скажем, на Замковой улочке? Но какое же было б блаженство скушать с ним в непроглядном когда-то, крякнув, живительной водочки, видя в опрокинутом окне перламутровый дождик времени, отзанавесивший небо и душу. Самый литовский из русских или же самый наоборот, нас подружила нечаянно Грузия – бредом поэтов, ветром Гомера в чающем взоре колхидских коров.

Александр Радашкевич.

Рецензия на книгу

Юрий Кобрин «Постскриптум». В.

Фонд К.Воробьёва, 2010, 458 стр. Тир. 1200 экз.

М. «Зинзивер» № 2, 2011.

Эволюция души

В новой книге известного русского поэта из Литвы Юрия Кобрина представлено творчество разных лет — от 60-х годов прошлого века до 2010 года.

В сборнике напечатаны стихи, переводы поэзии классика литовской поэзии Юстинаса Марцинкявичюса, а также эссе об Арсении Тарковском, с которым Юрия Кобрин связывали долгие годы дружеского общения.

Завершают том статьи о творчестве автора, в том числе рецензия Даниила Чкония на книгу “Высокое давление”, опубликованная в 2008 году в “Дружбе народов”.

Палитра стихотворных жанров, в которых работает Юрий Кобрин, на удивление велика и разнообразна. Он пишет и венки сонетов, и верлибры, и моностихи, и двустишия, и фигурные, и заумные стихи. Форма, конечно, не самоцель для мастера, а только способ выразить состояние души.

Душа это главное.

Эволюция души поэта представлена в книге ярко и красноречиво. И в определенном смысле трагически.

В характерном стихотворении 1978 года поэт открыт нараспашку, радуется жизни, как ребёнок, видит только хорошее.

Удивителен мир
и в разлуках, и в радостях встреч,
и в безумствах любви,
и когда ты от смерти на волос.

Лирический герой раннего Кобрин восторжен и окрылен идеями, замыслами, эмоциональными порывами. Словом, “юноша бледный со взором горящим”. Со временем он претерпевает существенные изменения.

После перестроечных лет интонация поэта резко меняется. Окружающий мир позднего Кобрин не только не удивителен, он одиозен и зачастую страшен. От лирических восклицаний поэт переходит к острой, социально-публицистической гражданской поэзии. Поэзии прямого высказывания. Стихи позднего

Кобрин обнажены как исповедь человека, которому нечего терять. Он называет вещи своими именами. Белое — белым, а чёрное — чёрным.

Поэт — созданная Богом лакмусовая бумажка мироздания. Он не может ошибиться и показывает только то, что есть на самом деле. Что есть в сердце и вокруг.

Если ранний — лирический — Кобрин изобилует метафорами, сравнениями (вспомним замечательный верлибр: “поцелуй твои легки и упруги, как теннисные мячи, / стремительно касающиеся земли / и взлетающие в глубину-голубизну неба”), то сейчас он пишет жёстко и нелицеприятно, как мужественный и непродажный репортер из горячей точки. Тут уже не до метафор.

Пришли такие времена,
Кто крут, того и кнут!
Какая в том твоя вина,
Что ты остался тут?..
Что для себя завоевал?
Горбатился в цеху.
И проклинал лесоповал,
И тех, кто наверху.

Так Юрий Кобрин в стихотворении “Празднующим 9 мая” говорит о ветеранах Великой Отечественной войны, оставшихся в Литве. Он защищает русского ветерана, всем сердцем протестует против квасных патриотов, забывших, какой ценой была завоевана победа. В том числе и для коренного населения.

Вместе с тем в других стихотворениях поэт дает и беспощадный вердикт негативным тенденциям развития российского общества.

Не буду приводить много цитат. Напомню только двустихие “Отношения”, на мой взгляд, очень ёмкое, выразительное и горькое, как, собственно, все стихи поэта, написанные в XXI веке.

Бог не выдаст, свинья не съест.
Русский русскому lupus est.

Русский русскому волк. Разве это не точно сформулировано и не отражает реальное положение

вещей в современном российском обществе? Разве это не характеризует тенденцию отношений между людьми (и не только русскими!) в постперестроечное время?

Обижаться на поэта не стоит. Нечего на зеркало пенять... Поэта надо услышать. И сделать выводы.

Особый разговор — переводческая деятельность Юрия Кобрина. Он один из немногих поэтов-переводчиков с литовского, который знает язык оригинала. Глубоко и всесторонне изучил культуру страны, в которой живёт. Кобрин переводил Юозаса Мацкявичюса, Юозаса Некрошюса, Пранаса Ращюса, Рамуте Скучайте, Эдуардаса Межелайтиса, составил Малую антологию литовской поэзии. Вот уже несколько десятилетий в поле зрения Юрия Кобрина стихи Юстинаса Марцинкявичюса, творчество которого представлено в книге. Многие произведения этого литовского поэта Кобрин сумел сделать фактом русской поэзии. В этом, наверное, заключается высшее мастерство поэта-переводчика. Представлены и силлабо-тонические стихи Марцинкявичюса, и его верлибры.

Особенно запомнилось стихотворение “Пророк”:

Странник одной дороги.

Человек одного слова.

Остановив, спрашиваем:

где твои губы,

где твое сердце,

где твои глаза?

Чудак:

он указал на нас.

Поэты, как и пророки, отдают свои эмоции, свои лучшие слова обычным людям. Думаю, в этом кредо и предназначение не только Юстинаса Марцинкявичюса, но и замечательного русского поэта Юрия Кобрина. Книга “Постскриптум” тому подтверждение.

Евгений Степанов.

“Дружба народов”, М.,

№ 3, 2011

„...До тютчевских высот...“

Первое стихотворение „Колка дров“ Юрий Кобрин написал в 1959 году на Сахалине. Его же впоследствии и опубликовал. Около 600 стихов, до напечатания второго, уничтожил, сознавая их несовершенство. Ампутация жестокая, но спасительная. И книги издавал с интервалом в пять и восемь лет. А кое-кому кажется, что путь в литературу у Юрия Кобрин был гладким. Так вот его „Дневник любви“ по цензурным и прочим соображениям в издательстве „Советский писатель“ „промурыжили“ 17 лет! Выстоять помогли дружба с Василём Быковым, Константином Воробьёвым, внимание Арсения Тарковского, Анастасии Цветаевой, Александра Межирова, Бориса Слуцкого. Вспоминается и Иосиф Бродский, с которым Юрий Кобрин участвовал в обсуждениях на I-ой конференции молодых писателей Северо-Запада в Ленинграде в 1965 году. Будущий нобелиат только три дня назад как вернулся из ссылки... Из тридцати пяти участников одного из девяти семинаров, которым руководил Александр Кушнер, свои стихи на заключительном пленуме читали трое: Иосиф Бродский, Александр Морев и Юрий Кобрин. Тонкий ценитель поэзии прозаик и драматург Андрей Яхонтов как-то подметил: „Стихам Юрия Кобрин и прежде была свойственна заострённость в осмыслении духовного бытия современников, нынче же лапидарная ясность, благородство и достоинство его строк поднимаются до тютчевских высот самовыражения. В „Декабрьских стихах это очевидно: „Снежок идёт, и ночь порукой круговой// связала прочно всех в стране-самоубийце,// но я люблю её, как тот глухонемой,// что жестом только с ней и может объясниться“. Это классика“. А поэт Владимир Дагуров, выступая в Русском Пен-центре в Москве, вспоминал слова Роберта Рождественского: „Об этом поэте из Вильнюса ещё будут писать монографии, аристократизм и демократизм строк определяют и его человеческое поведение. Или наоборот“. Всё сбылось... И диссертации пишут, и сам „поэт из Вильнюса“ — действительный член Европейской академии естественных наук, заслуженный деятель искусств России, а Нью-Йоркское общество пушкинистов назвало его „Поэтом русского зарубежья 2007 года“.

Не ошибся Василь Быков, будущий корифей белорусской и советской литературы, когда в письме вильнюсскому другу в декабре 1966 года выразил своё впечатление от знакомства со сборником „Очереди за небом“: „Прочитал за один присест. С удовольствием – знакомые мне стихи и

с наслаждением – незнакомые. Молодец! Особенно хороши „Тайны“, „И вошла в эти комнаты...“, „Прозрение“. Это – высокая поэзия... В общем – рад за тебя, Юрий! Обнимаю – твой Василий.“

К 50-летию творческой деятельности Юрий Кобрин подготовил однотомник избранных стихов.

Владлен Кафтанов,

доктор филологических наук,

Москва

Из рецензии на стихи Юрия Кобрин.

В. „Республика“, 219(3560), 2009.

«... КАК
ТОТ
ГЛУХОНЕМОЙ...»



МИЛОСЕРДИЕ

Я, слава Богу, реже стал писать,
тащить с глубин души на воздух строчки,
выталкивать их голосом в наезд,
слова ж придушат в дых поодиночке!
К чему тогда дыхание «рот в рот»?
До толерантности силён синдром прокрустов!
Воспринимают всё наоборот,
а мнилось, с ними говорил по-русски...
Наглеют сикофантка, аноним...
Чего, радетель, сырых ты бояси?
За мздюшку ту, что барски кинул им,
они ж не уберутся восвосяи...
И «независимый» издатель труханул:
так знает он, чего читатель хочет!
А может, ветер не туда подул?
Моя строфа в лицо ему хохочет...
Я вас жалею. Реже стал писать,
моя строка стремится к острой точке.
Кого тащить наверх, кого спасать,
когда вы продались поодиночке?
Свободы раб и стойкий паладин,
из Тьмы на Свет блестит твоя дорога,
кремнистый путь, и внемлешь ты один,
чтоб умереть, как Блок, без некролога.

20.04.2012

ТВОРЦЫ

« Поэту вздумалось описать любопытное собрание б у к а ш е к. – Сам ты б у к а ш к а закричали... и стихи твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь».

А.С. Пушкин.

«Опровержение на критики» (т. VII, стр. 116).

Минус по Цельсию брод сковал,
 лёд подловат однако...
 Бесстрашно пишут под Бродского,
 страшно под Пастернака.
 Синтаксис, рифмы строчек
 брошу вам для заправки.
 Мой неудобный почерк
 не поддаётся правке.
 А призёра районной
 премии Фетакафки
 некому урезонить
 в литературной лавке,
 где верещит о Серёже,
 треплет Ю.П. Кузнецова,
 врёт, что в синяк синей рожи
 Юрою был поц-це-ло-ван!
 Пилят творцы опилки
 не с верстака ли Рубцова?

И тараторят пылко,
выпив на рупь целковый.
Вот строкорез к обороне
зычно скликает рать,
к сцене побатальонно
любо в строю шагать!
Возведена их бездарность
в степень. А это – стиль!
Им ли не зависть бес в дар нёс?
Пилят опилок пыль...
Что осквернённый Маркучий
взят на «ура» графоманом?
Знал времена и покруче
и зарубцовывал раны!

Ты ж, не боясь слова броского,
ни телогрейки, ни фрака,
чти, перечитывай Бродского,
Лермонтова, Пастернака.

17.08.2010

НАСЛЕДНИКИ КУЛЬТУРЫ

В этой маленькой русской колонии,

*Интересы такие мизерные,
 Чувства подленькие, лицемерные,
 Ищут все лишь еды и тепла.*

Игорь Северянин

... что ж они срываются на визг,
 комплексы и тешат, и голубят?..
 Ничего не создали за жизнь
 ни на цент, ни на дырявый рубль.
 «Мы – оплот, наследники культуры!»
 Печень им изъел чужой успех...
 «Почему ему?» - взвинтились дуры
 поздние на ярмарке утех.
 С русской ландсбергисточкой на пару
 мажут за спиною сплетен слизь.
 Северянин, помнишь эти нравы?
 Право слово, неизменна жизнь...
 Бледная насельница Маркучай
 истеризмом испепелена,
 слёзно о духовности мяучит...
 Спички отбери на всякий случай,
 подожжёт господский дом она!
 Пироманией обурена...

Их любовь к России эротичней
снов подростка, изнывает низ...
Удовлетворяются привычно,
очи закатив истомно в высь.
Рядом друг с матрёшечным сознанием
так и прёт вперёд в калашный ряд
и перелицованное знамя
тычет на восход и на закат.
Вот в приспособлении к спесивой
полузнати льстятся там и тут,
ловко спекулируют Россией -
эхма, с двух сторон им подадут...

Падчерицы, пасынки Сальери,
не снижайте едкой страсти пыл!
Вы на личном, собственном примере
доказали, что не зря я жил.

05.05.2011

ПАМЯТНИК ¹

*Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?*

*Знавший, невское – проклятым.
-Пушкин – в роли русопята?*

М. Цветаева.

Я вернулся из ссылки в город
из Маркучяй, где три меня,
из тех дней, где глумливым хором
вас гнобила, за всё вина,
власть невеликодушной черни.
Не один раз пустел пьедестал...
Вам - мой автопортрет вечерний,
хохоча, его начеркал!

Мздовоздатель, в ночи спесивой
неконфетный, дуэльнo-злой,
нагловзорый и некрасивый
перед выстрелом – я такой!
Что же ржёт, словно мерин сивый,
дурачок с проливной слюной?
И, когда вы едите картофель, -
нищих хлеб в юдоли земной, -
поглядите на прадеда профиль:
он сажал клубни чёрной рукой!

¹ В 1992 г. бюст А.С.Пушкина в парке под горой Гядиминаса был демонтирован и ночью вывезен в предместье Маркучяй. 5 мая 2011 г. первый в мире памятник Ганнибалу и Пушкину был открыт у стен Пятницкой церкви, где крестили арапа Петра I. В музее теперь три бюста поэта.

То, что грезилось пьедесталом,
на который взойдёт народ,
присностыдной памятью стало,
вырисовываясь в эшафот.
Скалозубый, победновзорый,
несть в языке лести моём,
я прощаю, скрытых позором,
русской рифмы резким крестом.

05.05.2011

НАГРАДЫ

Александру Радашкевичу

И клумпы вешали мне на уши и лапти
два ордена двух стран легли на грудь...
Пытались и залапать, и облапить,
от их объятий не передохнуть.
«...не дорожи любовью народной...»
Она подлей истории самой;
гнусна она и столь же благородна...
Ну и идёшь к ней, шлюшке, на постой.
Какой пусть никакой, а – академик!
З.д. искусств России – не хухры! –
которой верен не за ради денег,
да и Литве не за понюх махры.
Не честь мне оказали, дав награды,
я оказал им честь, приняв их лесть!
Ты скажешь: «Отказаться было б надо...»
Но мир – театр. И роль моя в нём есть.
Не затравить. Не взять и тихой сапой.
Сам вышел из игры. Сам превозмог.
Латаю я простреленные латы...
Железный волк меня коснулся лапой.
И лёг. У ног.

21.05.2011

ГОТОВНОСТЬ

Неудачных стихов написал я немало,
зачастую судьба к поражениям вела.
Но учился, сжав рот, начинать всё сначала
на том месте, где и лебеда не росла.
Я ещё не готов уходить в созерцанье
размягчённо плывущих в даль облаков.
Я для вас оставляю хвалу с порицаньем,
к поражениям готов....

27.05.2011

НИЧЕЙ

Я в городе ничей...
Постыдно быть в нём вашим.
Бессонница ночей –
дань мёртвым дням вчерашним.
Забвения вода
угомонит едва ли...
И я вернусь сюда
таким, каким не знали.
Я был здесь тенью слов,
и я хранил молчанье,
когда пустоголов
плевался порицаньем.
Как испытанье, в дар
ниспослан был мне канцер
Но я сдержал удар,
не умер иностранцем.
И русский свой язык
я сохраню дотолё,
покуда не отвык
болеть чужою болью.
Я вхруст молчал стихи,
и в кислой атмосфере
не умирал с тоски,
взхалёб жил в полной мере!
Заплёван мой порог,
заклёван неслучайно.
Я всё исполнил в срок
в молчанье и в звучанье!

21.04.2012

НА СВОЁМ МЕСТЕ

Слыть поэтом третьего ряда
в постсоветское время лестно...
Снадобье отличу от яда
и тщеславия тлен - от чести.

Мне в поэзии места не надо,
не автобус она, где тесно.
Пропускаю вперёд всех, кто сзади,
я давно на своём месте...

17.04.2012

СТОЙКОСТЬ

Умирает первою романтика,
а последней, - кажется, - надежда.
Я скручу их наподобье бантика,
и продолжу жить без них,
как прежде.

24.04.2011

ВЕЛИЧИЕ

Чем малочисленной народ,
тем величавей прошлое...

30.11.2012

ЕДИНСТВО

Осень. Слякоть. Грязь. В аптеку хвост.
Пройден путь земной до половины.
Перец. Соль. Чеснок. Рецепт прост.
Только в гриппе люди и едины.

30.11.2012

МУЛЬТИКУЛЬТУРА

Польской речью сердца не обидишь,
по-литовски водочки налей...
Вспомним, как загнали в гетто идиш,
и по-русски плакал соловей...

21.05.2011

ДУБОРУБ

В его любви к берёзкам – сладость фальши,
в словесной патоке слова струятся с губ.
Под лавкой отыскал топор пропавший
с чужими щепками сермяжный дуборуб.

10.12.2012

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Он в сердце мотив тот советский,
прости, дорогая страна...
И берег нам нужен турецкий
и Африка тоже нужна.

Алания-Анталья, 23.05.2011

ПАУЗА

Писать стихи в себе,
не выносить на лист...

Такое вот внутри
я вырастил искусство.

Сомнителен мне тот,
кто всякий день речист:

всё правильно в словах,
а скребани их – пусто.

Писать стихи в себе
и паузу держать

да так, чтоб над тобой
хрусталик в люстре треснул,

и осознать тщету
и брение держав –

они тебе, ты им –
вдвойне неинтересны.

Гражданствовать к кому?
К подкладливым и к тем,

кто их всегда имел
и в праздники, и в будни?

Когда попал, мин херц,
под шестерни систем,

silentium¹ храни...
Страшной молчанье будет!

А паузу держать
и пять, и десять лет

учился, рот зажав,
чтоб не сорвался с уст вой.

Но снизошёл с небес
луч, несказанный свет

на мной возвращённое
безмолвное искусство.

21.03.2009

¹ Молчание (лат.)

НА ТРОПЕ

В Новый Год не наешься икоркой,
из мешка не достанешь слова,
словно фокусник. Истина — в горькой,
примитивной как 2 x 2...

Сам-один в белонощной метели,
сам-один выкликаю звезду.

Как вы дружбы со мною хотели,
вместе выпить себе на беду!

Где иду, там разреженный воздух,
тени душ, бывших стран, мёртвых тел.

Ежедневье с прозрением грозным,
что уже я всё в жизни успел.

На тропе, устремлённой в небо,
на тропе, устремлённой к земле,
я гордыню измучен не был,
но и жить не хотел во мгле!

Ваша кровь без гемоглобина,
вот и дышите вы едва,
со смирением голубиным
никнет слабая голова...

До отчаянности пугливый,
озираясь из-за плеча,
вы несёте глагол молчаливый
в русскобуквенную печать.

А в эпитетах — серая скука
и такой безвкусный крахмал,
что обсыпанная пылью муха
сдохла. Кот лизнул и сблевал.

А статьишек тупые иголки,
полукрик, полувизг? Полный бзык.

Мой катрен не разбить на осколки
в переводе на местный язык...

Путь во вьюге. И снег вам в ноздри!
Не увязывайтесь за мной.

Русской лирики льются звёзды,
ослепляя вечный конвой...

И у библиотечной полки,
где на “К” взрастил колкий куст,
одиноким прилягу волком,
на дворняг сто раз огрызнусь.

01-03.01.99

ДЕКАБРЬСКИЕ СТИХИ

Рождественская ночь, так что же горько мне?..
Звезда стекла с окна и со стекла струится,
свеча оплывшая — от капельки на дне
бокала на столе — бросает тень на лица.
Я вижу, тать в нощи скрипит пустым пером,
про монастырь делега пишет Свято-Духов¹.
Из книжницы — среди дня! — уже который том
к т о вынес под полой, пропахшей потом тухлым?
Строчит пустым пером, присвоенной строкой
с газетной полосы к т о зло клеймит и учит
добру? А к т о его ввёл собственной рукой
в притвор, не распознав в нощи породы сучьей?
Введение во храм не Богородицы
позволил, пастырь, ты, а лесбиянки старой,
и получается из церкви вроде цирк,
и обхохочешься от этой страшной пары...
В какой паноптикум Ты поместил, Господь,
меня на склоне дней двадцатого столетья,
где дух повержен и где торжествует плоть,
но оплетённая невидимую сетью.
Адамов повторял из года в год я труд
и веровал, что плод не обернётся прахом,
мне снился соловей, садящийся на грудь,
когда лежал в саду под ветвью без рубахи.
Рождественская ночь, и ты, моя душа,
печальница моя, мой гений одинокий,
давай за нас с тобой мы выпьем не спеша
и посидим вдвоём в сомнении глубоком.
Снежок идёт, и ночь порукой круговой
связала прочно всех в стране-самоубийце,
но я люблю её, как тот глухонемой,
что жестом только с ней и может объясниться.

24.12.93

¹ Вильнюсский православный монастырь. Основан в XVI веке.

ВЕЧНОСТЬ

Ты — пылинка у Бога на скатерти,
жизнь ни смахнуть, ни стереть...

Чем же ты лучше отца и матери,
чтобы не умереть?

24.10.00

СВИСТНУЛ РАК

...вот и свистнул на горе рак.
Оглянулся, всё не так, как же так?
И запахло не сиренью, — землёй...
Я же был ещё вчера не такой!
Вот лежу под простынёю гол и мал,
в плотку впился зло свободный радикал.
Он безудержно фашиствует во мне,
расползаются мурашки по спине...
Изловчился и поймал из них одну, —
сам тебя я с бела света сощелкну!
Растопырил клешни хам — чёрный рак.
В кипяток тебя б, пятак-распротак,
да укропчик бы туда и сольцу,
покраснеешь, всё к лицу подлецу!
А свободный радикал, изувер,
говорит: “Избавлю вмиг от химер,
онемеешь, ослабеешь и помрёшь...”
Я хриплю-сиплю: “А хрен меня возьмёшь!”
Вот хирург по локоть самый в горло влез,
медицинский замечателен прогресс!
...я в палате, я очнулся, я живой...
Доктор шутит: “Ты красивый, молодой!”
Отвечаю через силу: “Ох, не ври,
все морщины честно спрятаны внутри!
Мастерски замаскирован скрытый брак,
что там свистнул на горе рак?”

22.10.00

ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Н.К.

Мы созданы друг против друга,
нам тесно вдвоём на земле,
и чувств остывающих уголь
тускнеет в печальной золе.

Мы созданы друг против друга,
такая уж выпала жизнь,
вращающаяся по кругу,
за поручни только держись...

Мы созданы друг против друга.
Натягивая удила,
не знаем, чья это заслуга
нас друг против друга свела.

Читай напряжённую повесть
про бешеную карусель,
измучив друг друга на совесть,
какую преследуем цель?

Мы созданы друг против друга,
со взглядом сшибается взгляд,
косится зрачком конь муругий,
безумен у белого взгляд.

Но — лопнула резко подпруга,
и времени грохнул заряд,
волною швыряясь упругой
в тела, что, обнявшись, летят.

Над бездной летят друг для друга!
Какая прекрасная жизнь...

Над взорванной площадью круга
и после меня держись!

24.10.00

РИТОРИКА

Время девальвации основ,
время режиссёров без спектаклей,
время стихотворцев без стихов,
вы и сами знаете, не так ли?..

07.07.00

ТЕРПЕНИЕ

Н.К.

Всю страсть спрессовали в словесный заряд,
такое в беспамятстве вместе творили,
что каждый другого убить был бы рад
за то, о чём через секунду б забыли.

В духовной тщете — мы часть голытьбы —
рвались, чтоб испить из иного колодца,
губами прильнуть к измененью судьбы,
с которой, известно, напрасно бороться.

Всё мнилось, наладятся наши дела:
не золото нас защитит, а полуда
от окиси жизни, что ржой зацвела,
покуда в друзья набивался Иуда...

Защитнее олово то серебра,
скромна из советского быта посуда,
мы честно желали друг другу добра,
как дети в сочельник, в надежде на чудо.

Терпенью учусь у травы и вола,
на сердце не копится злая остуда,
не зря же до срока сирень расцвела,
и голубь взлетел неизвестно откуда.

21.05.2009

НА СОБСТВЕННОЙ ШКУРЕ

Дом на Ужуписе¹ номер шестнадцать,
дом восемнадцатый — через забор.
Общее детство и, если признаться,
детские шрамы саднят до сих пор.
С лестницы скатимся; в польском Замуре²
кислый крыжовник нам скулы сведёт,
и обожжёт горло первый окуроч,
если „нельзя“, — делай наоборот!

Ты — на воротах, мяч латан, заигран.
„Щёчкой“ в него нападающий бьёт.
Выскочил Хомичем³ Игорь Сапрыгин,
рухнул на мяч, как Матросов на дзот.

Выйдешь во дворик, услышишь, увидишь —
голубь, курлыча, над крышей плывёт...
Мальчик еврейский лопочет на идиш,
через полвека он в Хайфе умрёт.

Послевоенное детство... Целебен
у Трёхкрестовки сиреневый куст.
Русское детство, литовское небо,
невывразимо сиренева грусть.

Кто под окном надрывается: — Юрий,
выйди скорей, на реке — ледоход!
Кто из нас умный, а кто из нас дурень?..
Время крутое берёт в оборот:
не изменяя детской натуре,
каждый своею дорогой идёт.
Всё испытали на собственной шкуре,
если „нельзя“, — делай наоборот!

24.10.2007

¹ Район в Вильнюсе.

² За Стеной (польск.).

³ Легендарный вратарь конца 40-х — начала 50-х годов прошлого века.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Вот избранное я уже сложил
и знаю: до сих пор пока не жил.
Не пряча глаз, на жизнь гляжу иначе,
что значит и писать ещё не начал.

21.05.96

ГРАФОФРЕНИЯ

*„Читающий написанное для Шариковых,
сам становится Шариковым“.*

„Зоотечественник“ — крут мордой! —
в стихотворный впивается жмых.
Любит в литературе мёртвых,
ненавидит до слёз живых.
Эх, пройдошливый зложелатель,
ты из горьковской пьесы „На дне“.
За стихата твои, приятель,
пьют, не чокаясь, в тишине.

За тобою – стукач нештатный,
всем властям нужный искусствовед,
сдув соплю на усах, гонит штампы,
слямзенные из старых газет.
И одна из общественниц вдовых
гордо тянет таких на помост,
тёткам, пенсионерам суровым
разжижает „культурностью“ мозг.

Стыдно, милые, гаже вони
дух от строк, морочащих зал,
с простатитом в башке долдонит,
словоблудие правит бал!

Графофреники, в щели пролезли вы,
и несметна юркая рать...
В горло русской вцепились поэзии,
вас бы розгами с солью драть!
Называют поэтом, бесценный
„зоотечественник“ ты мой,
не того, кто читает со сцены,
а кого ч и т а е т другой.

21.03.2009

СООТЕЧЕСТВЕННИКУ

Когда имперское сознание
жить с хуторским обречено,
не хорони себя заранее,
в Россию прорубай окно.
Смотря на башню Гедимины,
не забывай о башне Спасской,
жуй честный хлеб и сало с тмином,
живи как жил, не по указке.

14.02.99

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

А.Битову

Что такое русская поэзия?

Это каждый день ступать по лезвию,
властвовать собой и знать безумие,
айсберг расплавлять в жерле Везувия!

А ещё — высокое смирение
и гордыни дерзкое сомнение,
противленью Богу, с сердцем битва,
а в конце — раскаянье, молитва.

Что такое русская поэзия?

В дебри разъяснений не полезу я.
Лучшие читатели империи —
бенкендорфы, дубельты и берии...

В каждую строфу ломились в гости
так, что женских рифм трещали кости!

Знали даже скрытых в неизвестности
сыновей и пасынков словесности.

Что такое русская поэзия?

Девочка в цветах босая, резвая
и шалава грязная, запойная,
грусть-тоска по родине разбойная,
белый вальс, смущенье гимназистки,
жар любовный в скомканной записке.

Что такое русская поэзия?

Душ сгоревших белая магнезия,
ночи без ночлега с папиросами,
жизнь с неразрешимыми вопросами,
искорка, погасшая под бровью
вслед за потухающею кровью,
запятые, точки бесполезные,
строчки с самой юности любезные
Пушкина, Кольцова, Пастернака,
выгнанная на мороз собака...

15.10.99

САМОУБИЙЦА

Кто виноват, что делать? На вопрос
накинул рукодельную петлю
и знаком восклицательным вознёс
в немую прорубь неба жизнь свою.
Вопроса крюк ввинтился в потолок,
а восклицательный злой точечкой маячит.
А что, когда в последней неудаче —
цель творчества? Прости, помилуй, Бог,
ужель она в такой самоотдаче...

23.03.2009

ЧАСТНОЕ ЛИЦО. 6 ИЮНЯ

Как сорок лет назад, так и сегодня
 мои стихи приемлемы едва ль
 экс-тихарькам, общественникам, сводням.
 Наташа, разведи мою печаль!
 От Сахалина, от Литвы, к Колхиде
 задышлив и упорен сучий гон...
 Наследственная быдлость очевидна,
 подмётных писем неизменен тон.

Пещерные из большевиколита,
 вас, поротых в парткомах, Богу жаль.
 Завистливостью всклень глаза налиты.
 Наталья, утоли мою печаль!
 Клянётся чернь Ахматовой и Блоком,
 строф не поняв. А как травила их...
 По следу шла, чтоб под Владивостоком
 в помойной яме русский стих затих.¹

Они бы обличали Гончарову,
 тащили на товарищеский суд,
 допытывались с прямотой суровой,
 в чём с иностранцем отношений суть?
 Но Пушкиным клянутся. И в зыбучей
 тоске дантески — цианид-миндаль...
 Перевербовкой организм измучен,
 „скурватору“ привет мой передай!

Она – то пролетарка, то дворянка,
 он – то сексот, то предков скрывший князь.
 Кто квас сосёт, кто кофе – спозаранку,
 а под ногтями, – как ни чисть их! – грязь.
 Доступны два притопа, три прихлопа...
 Каких цветов их личный триколор?
 И в блейзерах, и в клумпах по-холопыи
 лояльны власть имущим с давних пор.

¹ Обезумев от голода, став доходягой, О.Мандельштам погиб в транзитном лагере на Второй речке под Владивостоком.

Скажи им правду и – заголосили!..
По-швондерски раззявив гиблый рот.
Ошмётки, выbleванные Россией,
считают, что они и есть народ.
Не вас, не вас призвали всеблагие,
как собеседников, на званный пир...
Отсрочены минуты роковые,
не содрогнулся в отвращенье мир.

Толчётся под оплётанною бронзой
рифмач убогий, рыло, – а не лик!
А где вы были ночью той беззвёздной,
когда взвалили бюст на грузовик?
Бессмертна чернь, и в страсти примитивной
скулёж вдогон – коллективистский визг –
не оскорбит, он мерзок и противен,
как в подворотне хулиганов свист.

... был на Олимпе и прошёл Колхидой,
где над воронками густился небосклон,
где спермой золотой, из солнца выйдя,
залил мне лист разгульный Аполлон...
Песок скрипит, мерцает, тлеет искра
на завитке спалённого руна;
стал пеплом сад цветущий и́ скарб,
мне льют в стакан стон дымного вина.

Клубится внекультурное пространство,
гугукает в тумане сером шваль.
Иду в себя из разных наций, странствий,
что ж, Таша, утоляй мою печаль!
Как сорок лет назад, так и сегодня
не заровняете меня заподлицо.
Не изменяю внутренней свободе,
я ergo sum.² Я – частное лицо.

о. Крит – Вильнюс – Колхида. 2007-2009

² Следовательно, существую (лат.).

ИМПЕРАТОР

Черты ненужные сотру,
какие б царь ни принял позы,
чем был бы памятник Петру
без пушкинских стихов и прозы?

05.05.00

ГЕНЫ ГАННИБАЛА

1. У ЧЁРНОЙ РЕЧКИ

*“Умирая, Пушкин просил морошки...”
Из воспоминаний современников.*

I

Слова, птенцы мои озябшие,
ваш путь к теплу и к счастью долог.
Взлетели снегири и зяблики,
чтоб утолить рябиной голод.

Но ягода такая красная...
Но ветвь в мороз такая голая!
Что в клювы ягода опасная
вкатилась раскалённым оловом.

И птицы враз обезголосели.
Застыл на горле сгусток крови.
Мир из объёмного стал плоским,
миниатюрным из огромного.

В зрачки жестоко солнце падает.
И кто от этого не вздрогнет!
Ещё не выдумано снадобье,
чтоб зябликам вернуть здоровье.

И в забытьи знакомом, чутком —
“... морошки бы. Испить воды”.
Гортань суха. Стук сердца жуток.
И вздох как вскрик. Туман как дым.

Он разве знал, неловко падая
на свой последний в жизни снег,
что зяблики пушистым градом
с ветвей падут в ладони мне.

II

Давай мы всё переиначим.
Решим наоборот задачу,
чтоб тот неправильный ответ
стал правильным. И чтобы не т
вдруг стало да. Тем паче,
что мы нисколько не заплачем.
Когда подступит к горлу ком —
его улыбкой разобьём
и радость с горем разопьём
вдвоём...

Звени, фужер!
На этажерке,
страшнее орудийных жерл,
стоят тома. Прости, мон шер,
что нож в паштет, как шпага, воткнут,
что съедена уже селёдка,
что выпита до капли водка...
Но плюнем мы на политес:
ему не место нынче здесь.
Твое собранье сочинений —
страшнее, чем любой нарсуд.
Рождён единожды был гений...
И в этом, к сожалению, суть.

Но всё же мчатся к Чёрной речке,
не веруя в итог, в конец,
сто тысяч мальчиков беспечных...
О Пушкин, отведи свинец.

1967

2. В ЧАС СЕРДЦА

Когда нам суета сует прискучит,
в воскресный день поедem мы в Маркучяй¹.

Там дом старинный на холме парит,
там медь сосны вызванивает в небо,
там колокол в часовне стонет немо,
там замкнут круг. Его не повторит
мой современник. Гены Ганнибала,
гонением страстей вас разметало
по разным странам. Чернотой металла
сухие губы время обметало,
и косточка височная мозжит.

Не хочется ни спорить, ни перечить,
внимать глупцу, вникать в пустые речи.
Гляди — прозрачна под откосом речка,
гляди — рябина празднично горит!
Одна земля... Она питает корни.
Она одна и дух, и тело кормит.
Одна она по-честному пристрастна,
земля одна — во времени, в пространстве.
Единственную как же не любить!

Но я гуляю в обществе фантаста,
а он совсем иное говорит.
Он худ и юн. Он в меру авантюрен.
Он презирает всякую натуру,
в которой искривляется пространство
и невозможен старомодный быт...
Парит усадьба над холмом покатым;
не улетает — ждёт: взойдёшь пока ты.
Там над могилой крест; он — как локатор!
... Григорий Александрович лежит...

Сюда в Маркучяй прибегают дети.
Разъята ль связь? Никто вам не ответит.
Но дети помогают быть на свете
и тем, чей голос незаметен, тих.
Почаще приезжайте вы в Маркучяй.
Здесь — дети, дети многому научат.

... не пережить бы их...

1974

¹ Усадьба на окраине Вильнюса, в которой жил сын поэта Г.А.Пушкин с 1887 по 1905 г. Ныне — мемориальный музей А.С.Пушкина.

3. И ВНОВЬ О НАТАЛИ

А Пушкин знал, — пустышка Натали.
После него к ней не проявит интереса
никто, когда не встать под пистолет Дантеса,
женатого на “ручке от метлы”.
Беременной тщеславной Натали,
кормящей толстой, ей ли до измены?
Но сплетни — дура! — проникают в стены
и эхом отзываются, как “пли!”
Да, Пушкин знал: в казарму Натали
кавалергардскую пошла для интереса...
Зачем она бисексуального Дантеса
жалела, не сказала: “Отвали!”?
И Пушкин знал, что если с Натали
делить до старости придётся век суровый,
стихам — звездеч... Они бы не смогли
рождаться рядом с бывшей Гончаровой.
Как Пушкин знал, — простушка Натали!
Ах, косоглазке бы, хоть часть ума сестрицы
Александрины, поменять бы девкам лица,
то, Господи, печали утоли!..
И он встаёт. Глупышку Натали
усталыми глазами, точно лань ласкает,
был очарован Гончаровой... Но Ланская
сильнее в Ташечке, так надо ли
непонимающую Натали
отдать бессмертию с бесславием Дантеса,
сенатором умершего вдали,
но в этом Пушкин. Вы бы так смогли?

20-28.03.98

4. 21 МАЯ

Как в камеру хранения, в постель
сдаю скелет я с воспаленьем лёгких.
В мозгу жужжит однообразно шмель
и, кажется, что на траву прилёт ты.
Лежу, не Прометей, не инвалид,
и печень не бесчинствует в циррозе.
Ещё, как говорится, свеж на вид,
как будто хлопнул стопку на морозе.
Болезнью странной жизнь удручена:
с утра ещё я размышлял о Трое,
а вечером казалось, ну — хана...
И думал о поминках, что устроят;
как на халяву станут пить друзья
заклятые (скорблю о настоящих...).
Какую речь провякает “друг”, мля,
такую, будто сам он лёг в мой ящик!
Сорочка, галстук, в искорку костюм —
привычно-элегантная одежда —
лежу в гробу, приходят мне на ум
слова поэта, умершего прежде.
“Какие речи, блин произнесут
на склоне дней двухиксного столетья!
В дни юбилейные проникнут разве в суть
судьбы среди дантесов и полетик?”
Он, выводя рукою смугловатой
строку, которой был и сам не рад:
“Поэзия должна быть глуповатой...”
Прохмыкал:

— Коль читатель глуповат.

А потому отложим мы поминки,
смелей скелет из гроба подымай!
Сниму костюм, и джинсы цвета синьки
я натяну. Вновь чуден месяц май...
Заклятый друг, сегодня в день рожденья
я нанимаю с шиком экипаж,
я выбрался из камеры хранения,
жизнь — карнавал. И этот праздник — наш!

21.05.98

6. ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Новый год, Рождество, а после —
пьяный праздник Татьянин день.
Редко ходим друг к другу в гости,
всё наводим тень на плетень,
а ведь прежде играли в кости
на “одень меня” и “раздень”.
Засыпаю спокойно без Фрейда
я с лицом обращённым назад,
безопасный, бесстрастный, безвредный,
безоружный, непьющий солдат.
Предзакатною вспышкой гормонов
словно в честь Октября дам огня!
Не вступить ли мне в секту мормонов,
в ней — святые последнего дня...
И влекомый к тебе в день искомый
я фуражку, ремень подарю
вместе с телом, сбжавшим из комы,
из тюрьмы-вытрезвителя-дома,
марширующим по Лабдарю¹.
Ведь нельзя пребывать постоянно
нам в юдоли скорби и слёз...
Так что выпьем с тобой, Татьяна,
пусть жена ревнует всерьёз!..
А наутро хлебнём рассолу,
с нами Пушкин! — И будь здоров!
Как прекрасен живой весёлый
блеск внезапный его зубов!

13.01.99

¹ Благотворителей — улочка в Старом городе Вильнюса.

“ГУЛЬБЕ”. СТАРАЯ АПТЕКА

*“Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты...”*

Ф.Тютчев.

Вильна, Wilno, Vilnius и окрест —
могендовид, полумесяц, крест.
Три названья города... Историк,
если не предвзят, их не оспорит.
Как ни назови, а суть — одна,
коль маразмом не больна страна.
“Гульбе” — “Лебедь”. Старая аптека.
Все лекарства есть для человека.
Он, венец, подкидыш сатаны!
Взял Господь найдёныша в сыны,
чтоб перевоспитывать с рожденья
целый век до самого успенья...
Протестант, хасид и старовер
в стихотворный вмещены размер.
К православному прижат католик,
к ним прилип безбожник-алкоголик.
И магометанин с кришнаитом
связаны одним вилёнским бытом.
Разноречье, общий разговор,
как на митинге, — то блажь, то вздор:
— Дайте нам от времени пилюли,
мы стояли здесь ещё в июле!..
И звучит в разноязычном гуле:
— Все пилюли, понас¹, кули-мули!
На часах безумен циферблат:
стрелок нету. Время — рай и ад.
Часовой запущен механизм,
аферизм похож на афоризм.
Еретик, а не твоя ли мина
тикает под башней Гедимины?
Человек — подкидыш... И окрест —
могендовид, полумесяц, крест...
Время не сдержать и не ускорить.
Будь на “вы” с историей, историк!

31.03.98

¹ Господин (лит.).

СТИХИ

Не тексты стихи, не фразы,
а жизнь вопреки всему...
В них — к сердцу спускается разум,
сердце восходит к уму.

12.10.00

ПРОЩАНИЕ С ВЕКОМ

*Nullus diabolus — nullus Redemptor.*¹

Двадцатый век, как подлый мент,
 наотмашь бьёт в поддых, в натуру.
 И водку пьёт интеллигент —
 свидетель кризиса культуры.
 Запикассил и задалил,
 заленинил век мозг до дури,
 и Серафим свои шесть крыл
 сложил де-факто и де-юре.
 А был же, был вишнёвый сад!
 И небо грезилось в алмазах.
 И всяк обманываться рад
 готов с рождения был сразу.
 К чему привел дивертисмент
 смен вех, пустивших жизнь по кругу,
 врачу расскажет пациент,
 задвинувший природу в угол,
 где чёрный властвует квадрат,
 усатится страна рябая,
 которой правят наугад,
 то подлецы, то краснобай
 И водку пьёт интеллигент.
 Его стакан своим не мерьте!
 Лишь ощутите на момент:
 культура — отношенье к смерти.
 На овидь смотрит Серафим...
 И ветви сада содрогнулись,
 и звёзды застит серый дым,
 когда я с губ роняю:

— Nullus.

Коль нету дьявола, тогда
 поверь, что и Redemptor nullus.
 Душа босая, будь тверда,
 когда твердят, что ты рехнулась.
 А то, что пьёт интеллигент, —
 он всё ж трезвее недоумка!..
 И век, разжалованный мент,
 на “посошок” поклянчит рюмку.

15.03.98

¹ Нет дьявола — нет и Спасителя (лат.).

О ВЛАСТИ И ПАТРИОТАХ

Что эта власть, что та... Которая мерзее?
Любой служить готов стукач и патриот.
Но — лишь шатнись оплот! — он даст обратный ход
и в ляжку павшей вцепится сучары злее.

Толпа, от смелости такой шалея,
изгадившегося героем назовёт,
заглядывая в провокационный рот.
Но Лета, Стикс, Кокит утопят лже-Орфея.

Кровавый Флегетон¹, кого же тихарёк
потянет за собой, за кем следит зрачок
филёровский в стране властителя Аида²?

И слышен злобный стук уже из-под земли.
Нет, поглотить дерьмо те реки не смогли,
и толерантно всплыл безвидный, что обидно.

02.04.98

¹ Лета, Стикс, Кокит, Флегетон — реки Аида.

² Аид — букв. “безвинный”, “невинный”, “ужасный”. В греческой мифологии — владыка царства мёртвых, а также само царство.

УБЕЖДЕНИЕ

Мои богатые друзья,
я знаю непреложно:
жить на поэзию нельзя,
но жить стихами можно!

05.10.97

НАД ОБРЫВОМ

Русский театр сокрушается в Вильнюсе —
ни карниза, ни фриза, ни архитрава.
Что не продали, то исподволь вынесли
или трактором утрамбовали в гравий.
Фундамент взломали в бульдозерной ярости,
аплодисменты и те — в зияющей яме...
Занавес-облако вздувается парусом,
три сестры мечутся в авангардистской драме.
Цивилизатор в поддых впендюрил культуре,
вставшей в позу... Чайка вскрикивает с надсадом,
дядя Ваня с обрезом, что браток в натуре,
бежит босой по пенькам вишнёвого сада.
Над обрывом века зритель растерянный
остановлен бесчеловечной нотой
циркулярной пилы в визжащей мистерии,
разрубающей мозг шашкой Чарноты.
Над обрывом века, хоть стой, хоть падай
на ветру без имени и без отчества.
И оглох в ночи взыскующий града.
Но еще не слеп, как кому-то хочется.

03.04.99

ВОЛНА И ЗОНТИК

„Небо в Литве не для всех голубое“, —
нам ли не знать изречение такое...
Лютыми льются лавинами ливни;
злейте, наглейте, а я — терпеливый.
Всяк норовит чужой хапнуть зонтик,
рифмой поддых таких урезоньте!
Нас проверяют на зуб и на ощупь,
в мутной водичке мне кости полощут.
Нас, тех, кто видел небо в алмазах,
мелко желают хором и сразу.
В зубы им врежешь, то лестью сугубой
наспех мазнут толерантные губы.
Мелко завидуют. Вот вам — мой зонтик!
Пяльтесь под ним в свой горизонтик.
Над несклонённой моей головою
плещется небо волной голубою.

07.10.2009

МКС¹

Друскининкай. Роняет клён лист,
тропинка к озеру пестра.
Кормилец Ландсберга Чюрлёнис
с портрета хмурится с утра.
Глаза имеют пищи вдоволь:
сто лет прошло, а жизни пресс
не легче тяжкой скорби вдовьей,
и дятлом заколочен лес.
Минорный лад, ты с птичьим хором
сорвался с нотного листа,
космогонических теорий
не затупилась острота...
Казалась бы, вчера готов царь
простить марксистский интерес
неискушённого литовца,
забредшего в бомондный лес
санкт-петербургских вернисажей,
“...но! Голь на выдумки хитра,
а после, дома, что он скажет
в краю, где хмуры хутора?!”
И псы-филёры держат стойки:
— Чурлянис вышел со двора!
А гулко окающий Горький
спешит стряхнуть слезу с пера.
Сто лет прошло, а где же сказка
тех фантазийных королей?
Вновь видит мальчика-подпaska
босым, худым среди полей...
И от простуды ноет челюсть,
можжит от бляенья козла,
переступающего через
уже раздавленных тела.
Но чюрли-чурль, но в Ратничеле,
вода, как и тогда светла...

20.10.00

¹ Монограмма, которой Миколоюс Константинас Чюрлёнис подписывал свои произведения.

ЗАКАЛКА

Я терпел поражения,
но не сдавался.
Потому, в общем счёте,
не проиграл...
Если молотом били,
пружинил. Ковался,
превращался, без ржавчины,
в чистый металл.

21.01.10

ВОЗМОЖНЫЙ РОМАНС

До хрипа стонали:

“ За ва-а-шу и на-а-а-шу свободу!”

И “ваша” — у вас,

а “наша” досталась уродам.

А тем, кто вчера,

осмелев,

мнил себя диссидентом,

на горло накинули

национальную ленту.

И гласная “а”

из согласных,

подобная птице,

рванула так ввысь,

что очухались мы за границей!

Ну, как тебе “лайсве”¹,

создавшая русское гетто?

Оно с сорок первого

было заложено в смету

отцом-архитектором

тощего музыковеда,

затылок наевшего

на европейских обедах.

Ах, русское гетто,

здесь ego² влачит имя-игу.

Шаляпинским басом

торгует шельмец-прощельга.

И Кипрас Петраускас

перевернулся в могиле:

“Как быстро, однако,

о дружбе народов забыли!”

А в фондах, альянсах,

союзах и прочих там центрах

лояльность к властям

проявляют за медные центы.
И с телеэкрана
поют в микрофонную дырку
“За ва-а-шу и на-а-а-шу...”?
Нет, песню, сложил что Кудирка³!
Ах, русское гетто...
А было ведь русское поле...
За вашу и нашу свободу,
 за землю и волю
влачи свое иго и его,
до дна выпей чашу,
занюхивай
 родиной бывшей и общей,
мать вашу...

24.05.98

¹ Свобода (лит.).

² Я (лат.).

³ Винцас Кудирка (1858-1899) - писатель, общественный деятель. Его “Героическая песнь” стала гимном Литовской Республики.

С ЧЕСНОЧНОЙ КОЛБАСКОЙ В ПАРИЖЕ

*“ И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?)...”*

А. Блок.

Бульвар Распай. А утро — раннее —
и не твоё, и не моё.

Париж; нестойкое сознание
определяет бытиё...

На Пляс Пигаль я, в час назначенный,
который и не снился мне,
несу в кармане франк заначенный,
бутылку булькну с бульвардье¹.

И, закусив колбаской ржавую,
чесночной прелестью дыша,
покличу я вон ту, рыжавую,
и расскажу ей, не спеша,
про родину свою литовскую —
ту, что нас видела в гробу...

Мадлен не знает про таковскую
и морщит складочки на лбу.

А может, рассказать про спикера?

Мамзель смеётся, тронув брошь:

“Ты, мон ами², о ком? Проспись сперва,
ваш Ландс-берг-ис, наверно, бош?..”

Я ей талдычу про Адамкуса...

Ля фам³ хохочет: “Дай куснуть
твоей колбасочки,

а там, в кустах,
куснёшь и ты меня за грудь!”

Ей говорю: “Без психиатра
умом Россию не понять:

нет ни отца у ней, ни матери,
с какой же стати будет стать?!”

Франко-балтийское содружество,
ты русской музе по ... плечу.

И чувствую: Парижу нужен стал
уже хоть тем, что не молчу,
как в той стране, где всё заранее,
как прежде, определено,
где бытие и есть сознание,
что, впрочем, даже не смешно.

24.05.98

¹ Праздношатающийся, любитель прогулок по бульвару (фр.).

² Мой друг, приятель (фр.).

³ Женщина (фр.).

КОГДА-ТО

Жил когда-то на улице Гоголя,
на Качалова в гости ходил...
Мне дано было, мало ли, много ли...
Я не знаю, я всё забыл,
как спускался вниз по Гагарина
на, менявший названья, проспект
по к о г д а – т о
в чёрных прогарилах,
оттого-то и прост текст...

12.01.10

СИМОН ДАХ¹

Юозасу Мацявичюсу

Профессором поэзии назначен
был Симон Дах. Курфюрстом. Оный знак
внимания не так уж много значил:
Дах в тридцать три сам знал, что — не дурак.
Ревнитель брэнности вершил, как надо дело;
рождённый в Мемеле² был в тактике мастак,
чтоб славить Анике изгибчивое тело,
смирennemудрием смыкал порой уста.
И, сознавая, что любая власть от Бога,
с почтеньем пел её лукавец Симон Дах
шесть дней в неделю, но!.. В седьмой свободой слога
в беседке среди тыкв шалил, как вертопрах.
И в “Кюрбислаубе” метр с церковным органистом
на корках вырезал прелестниц имена,
нескромный счёт ведя... Он был в любви неистов!
И под смычком рвалась скрипичная струна...
Не в том своей судьбы он видел назначенье,
чтоб ректорствовать и скользить по гребням лет
в пучину забытья. Нет, он без сожаленья
дни сокращал в ночах в безумии побед
над мнимой скромностью, стыдливостью движенья
навстречу и назад, в зрачках сгущая свет...
А русский ветер дул, смущал двоих под тогой
на вымятой траве, врывался в Кёнигсберг!
И Прегеле текла. Славянский парус строго
взирал на непривычный московитянам герб.
Два цвета — чёрный с красным — Терпение и Вера,
как предопределенье, образовали крест
Любви, а не Насилья и этой славной мерой
оцениваться будет всегда поэта жест.

“Не плачь, сотри слезу, скинь с платья хризантемы
прилипший лепесток, тебя монастырю
теперь я не отдам. Моё проникло семя
в столетия, за что, Господь, благодарю.
Пусть западный свистит и русский свищет ветер,
сейчас тебе, душа моя, бокал вина налью.
За этот грех лишь мы одни с тобой в ответе,
но грех ли, что поверили дрозду и соловью...”

Так говорил поэт. А ректором назначен
герр Симон был за то, что никогда курфюрст
и не подозревал, что ничего не значил
для Даха этот пост. А больше значил куст —
свидетель бренности, его грехопадений:
под ним не ведал Дах ни грусти, ни сомнений.

1989

¹ С.Дах (1605-1659) — немецкий поэт, ректор кёнигсбергской Альбертины; был славен как искусный ритор, изумительный скрипач, основатель поэтического сообщества “Ревнители бренности”. В домике, подаренном служителям муз М.Адерсбахом, советником курфюрста Георга Вильгельма Бранденбургского, называемым друзьями “Кюрбислаубе” — беседа среди тыкв — чтение стихов, музицирование, винопитие с очаровательными дамами нередко продолжались до утра.

Энциклопедия Г.Нирбока.

² Официальное название г. Клайпеда до 1923 г.

НА ВЫСТАВКЕ

Вино, сырочек, хлеб и соль,
анчоус, сало, репа,
консервативный Пикассо
и авангардный Репин...

07.10.00

НА ВЗЯТИЕ ТЕЛЕБАШНИ

... болела голова, и пахло едкой серой.
Россия и Литва мне вымотали нервы.
Какой уж год не так; согласия нет в народе:
бронёй грохочет танк и это ч т о — свобода?!
Кто рад тому, не рад, я выяснять не стану, —
копыта же стучат под рясой и сутаной!
И вижу я хвосты у прежних коммунистов, —
высокие посты определяют мысли!
Рвёт свитер демократ, рвёт галстук консерватор, —
но рожки-то торчат у всех “невиноватых!”
Я, бывший пессимист, не вышел в оптимисты, —
над городом повис смрад, как от сдохшей крысы.
И новый вождь-отец с елейностью невинной
ведет своих овец в кровавую долину.
Силён бесовский дух в литовце, ляхе, русском.
Свет разума потух в глазах. И это — гнусно.
Когда ж, с ума сойдя, я ни во что не верил,
огромный куст дождя шагнул ко мне сквозь двери.
Ветвистою струёй виски огладил, щёки.
Прозрачною рукой замок стальной защёлкнул.
Огромный куст дождя цвёл в комнате надеждой,
и я, в себя придя, потрогал стебель свежий.
И вспомнил, что уже на свете это было,
что главное в душе хранить покоя силу,
и, что она одна не даст расчеловечить
тебя, когда страна и мучит, и калечит.
Огромный куст дождя, ты цвёл. И я услышал,
как бес, в тоске визжа, скользнул под двери мышью.

14-24.01.91

ПРАВО ОДНОГО

Томасу Венцлове

Я думал, этот край — навек родной,
и я ему — родной. Но, хоть убейся,
не понимаю с сыном и женой,
в чём провинилось скромное семейство?..

Да, “у литовца нет земли иной”.
Всё это так. Но скрыть же не пытайся,
что в этой формуле такой простой —
намёк прозрачно-ясный: выметайся!

Народ мне дорог. Ценности его
воплощены в обычаях, свободе...
И всё же выше право одного,
его права не меньше прав народа.

Права народа вытекают из
прав человека, словно кровь из раны
Того, Кто на Голгофе отдал жизнь
за каждого из нас. И очень странно,

когда вошла в национальный дух
сводящая толпу с ума идея
о превосходстве коллектива, двух
друг друга ненавидевших злодеев.

Ещё не раз придется нам жалеть
о смуте духа на закате века,
и, что не Жизнь сказала нам, а Смерть:
— Права народа — в праве человека.

21.05.91

СШИБКА

Добро сомнительно,
зло несомненно...
Их столкновение
канцерогенно...

03.10.00

ПОСЛЕ 11 МАРТА¹

У меня на губах — литовский акцент,
а в гортани — славянское слово.
И скрипит на зубах перестройки цемент,
не связующий жизни основу.
Подхалтурили снова: подлили воды
чересчур, сэкономив песочку...
Рвется Витис² в опор из страны лебеды,
след копыта оставив, как точку.
Ты, куда, иноходец, постой, оглянись!
Видишь, змия пронзает Георгий...
Что ж, была отвратительной общая жизнь
в развратительном бешенстве оргий
воркутинских,

нарымских,

колымских,

иных;

отмерзали у ангелов крылья,
и неверной свободе давали поддых,
чтобы имя ее позабыли.
Рвется Витис в опор, а Георгий конём
попирает ползучего гада.
опаляющего зловонным огнём
либерала и ретрограда.
При оскале времён так опасен раскол, —
в пасти змия губительность яда.
Входит в моду опять пограничный раскрой,
и от этого в сердце досада...
Я не крикну “ура” и не крикну “виват”,
если брякнет тупое железо.
Ни Георгий, ни Витис не виноват
в том, что змий их подталкивал в бездну.
Хитроумной теорией одурена
вся страна, как болезнью зловещей,
и не скоро наступит еще тишина
в излечительности всевещной.
А пока ни звезды на ней, ни креста.
Все мы голы, и все мы Адамы.
И на общей земле пока нищета,
реставрирующая Храмы.

1990

¹ Дата принятия Акта о восстановлении независимого Литовского государства.

² Всадник на гербе Литовской Республики.

РОМАНС “НЕКЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ”

*“Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!”*

И.Северянин. “Классические розы”.

В Рождество вымерз куст смородины,
дворник листья хрусткие сгрёб.
Мы с тобой остались без Родины,
нас в нерусский положат гроб.
В городе переназваны улицы,
я по ним незнакомым иду.
Прежний вождь торопится скурвиться,
чтобы с нынешним жить в ладу.
Скорбь славянки плывёт над империей,
без войны оказались в плену...
Пытка сердца не снилась и бериям,
да не вспомнить наркомов ко сну!
Лист парит с изумительной грацией,
приземляется на сугроб,
как же так я попал в эмиграцию,
не уехав, мать её в лоб!
Это нам изменила Родина:
отобрала и крест, и звезду.
А сулила рай Родина вроде нам,
но послала нас всех...

Отведу

рифму, что лежит на поверхности:
от неё грязь летит прямо в нас —
православных и сирых нехристей, —
Бог за это отчизне воздаст.
Нас страшили “изменой Родине”,
но она изменила сама.
В Рождество вымерз куст смородины,
не сойти бы, ей-ей, с ума...
Обернулась жизнь дикой пародией,
мы добились того лишь, чтоб
роз увядших букет уродливый
бросили в уродливый гроб.

25.12.91

САНИТАРКА

Есть женщина, с которою стихи
не пишутся. Но как же с нею пьётся!
Сама нальёт, халат сам расстегнётся,
перебинтует раны и грехи...

15.01.2010

БЕДНОСТЬ БОГАТЫХ

Здравствуй, город,
где бедность богатых жалка,
где забыли Майрониса и Шекспира,
где протянута за подайнем рука
старика, на углу застывшего сиро.
Здравствуй, город,
где бедность богатых жалка,
где сбивают мемориальные доски,
где сравнялась ценой с осетриной треска;
подавалась в кафе под соусом польским!
Здравствуй, город,
где бедность богатых жалка,
где второй раз убит генерал Черняховский
и где гроб затолкнёт ледяная рука
в приземлившийся скорбный лайнер московский.
Здравствуй, город,
где бедность богатых тупа:
Пушкин сослан в Маркучяй. И философски
те, кого перевёл я, молчали... Толпа
ликовала в убогом раденье шельмовском.
Здравствуй, город,
где бедность богатых жалка,
где Великий князь ведал язык белорусский,
где никто на других не смотрел свысока,
где хватало всем места на улочках узких.
Здравствуй, город,
где бедность богатых жалка,
где один воробей понимает на идиш,
он чирикает, не улетает пока,
хочет верить, что ты его не обидишь.
Здравствуй, город,
где бедность богатых слепа,
где духовная чернь в составе правительств,
помню я: из людей состояла толпа,
но их вычленить может только провидец!..
Здравствуй, город,
где бедность богатых жалка
и который люблю до последнего взгляда,
вижу: влагой наполненные облака
уплывают от нас к Гефсиманскому саду.

14.06.92

ВИЛЬНЮС

Рамуте Скучайте

Здесь мёд — мядус. Санскрит летуч!

Гортань в предчувствии немеет, —

три имени летят из туч:

Марина, Анна, Саломея.

Переливаются слова,

в славянский стих вплетясь узором,

здесь князь татарский воровал

литовок узкоглазым взором.

Здесь мальчик плакал крепостной¹,

ему земля казалась адом.

Здесь пел над быстрою водой

друг Александра юный Адам.

Здесь кровь и пепел, пот людской

впитались в вековой булыжник...

И этот город над рекой

мне с каждым годом сердцу ближе.

Приобретения его

и скорбные его утраты

суть составляют, естество,

рождающееся стократно.

Здесь в узких улочках живёт

неизъяснимое пространство...

Я им дышу из года в год

при возвращении из странствий.

Здесь я стихи перевожу,

стихи с литовского на русский,

и каждым словом дорожу,

двойную чувствую нагрузку.

Здесь сын рождён, здесь мой отец

пророс травой такой зелёной...

Здесь целовался, наконец,

сто лет назад под старым клёном.

Здесь никогда не одарю

друзей лукавостью чертовской,

когда негромко говорю:

“Я русский сын

земли литовской”.

...Но руту, василёк, тюльпан
копытит вдрызг, подобно овцам,
согласная с вождём толпа:
— Литва принадлежит литовцам!
Литва принадлежит? Нет, мы
принадлежим Литве все вместе,
кто не поддался власти тьмы
в своём достоинстве и чести.
И, словно вещь, принадлежать
она не хочет и не может...
”У ней особенная статья...”
Россия это знает тоже.
Принадлежат Литве поляк,
из Крыма правнук караима,
еврей, исчезнувший в полях,
и скромный гуд² неутомимый.
И ложкой дегтя мёд-мядус
не испоганить, не изгадить.
Да не введёт Литву в искус
средневековый вой исчадий...

1988-1991

¹ Юность Тараса Шевченко прошла в Вильнюсе в “казачках” у Энгельгардта.

² Гудай (мн. число), так в Литве иногда называют белорусов.

ХУЛИТЕЛЯМ

Привык. И ваши пакости терплю.
Но вы на свой аршин меня не мерьте:
бездарных, вас, жалею и люблю,
как вы меня, но после жизни, смерти.

10.01.2010

ДВЕ РЕЧИ

Удобна косвенная речь:
всё можно ей в туман облечь.
Она ответственность снимает
с тех, кто нас в жизни донимает.

Вводя спасительное, что
оправдываются: не то
мы говорили, запятую
меж слов воткнули не такую.

И выгодна такая речь,
раз шкуру надобно сберечь!..

Я выбираю речь иную,
предпочитаю речь прямую.

01.06.98

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

“Тогда Ирод... послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже...”

Евангелие от Матфея 2:16-18

...а Ирод прознал, что грядёт Рождество...

Стол пиршественный был накрыт рож на сто.

Рычали и пили, пели, рыгали,

в барашка клинки вонзали из стали.

Вино окровавило ткань полотенца,

волхвы проболтались о тайне Младенца.

А Ирод, предчувствуя “Бурю в пустыне”, шагнул на песок, от луны ставший синим.

И, выпростав пальцем своё естество,

вонючей струёю ожёг пальмы ствол.

За Иродом выползло царское кодро,

одобрило действие, хихикая подло...

Коней им подали. Раб глух был и нем.

Копыта умчали орду в Вифлеем.

Там Ирод, взглянув на соратников-выжиг, прохаркал:

— Под нож всех — от двух лет и ниже!

И бабы, спасая соплят-пацанят,

безмолвно легли под протухших солдат,

но плоть умерла. Младенцев об стены

бил преторианец с воплем обценным¹.

Был “глас в Рае слышен, плач и рыданье...”

И скорбью о том умножим познание.

Печалью окормлено сердце... Застынем, —

скрывается Ирод злым лисом в пустыне.

Горят не костры пастухов, а младенцы!

От запаха трупиков некуда деться...

Во имя Отца и Духа Святого

не произноси ты слова пустого.

На ёлку, сверкнувшую золотом нитей,

скатилась слезою звезда. Помолчите...

19.12.98

¹ Обценная значит непристойная (от англ. obscenity), научное название мата обыкновенного.

СЕМЬЯ

Отец пилил и ладил наструг,
кухарничала ловко мать,

малец срезал пионы, астры
в саду, чтобы букет собрать.

Ещё казался полной чашей
привычный и уютный дом,

на заграничные параши
их не изгнал пока погром.

Роняли пух и перья куры –
начинку будущих перин.

И вдруг – солдат!

Хмельной и хмурый.

Он – победитель, господин.

Режим был оккупационным,
тускнела жёлтая звезда.

Дави и грабь детей Сиона,
чтоб не воспряли никогда!

Втоптался в сад.

— Как звать, жидёнок?

Хвать за ухо! И с детских уст
слетело,

голосок был тонок:

— Меня звать просто:

Иисус.

30.03.2009

ПРО ЭТО

Рамуте и Юозасу

Сижу на бережку и думаю про это...
Благодарю, Господь, за испытанье летом,
когда мне надрезал сухие связки скальпель,
я ощутил лицом всю животворность капель
прошедшего дождя на веточке сирени,
которую жена творила в день рожденья!
Та веточка была махрова и лилова...
Благодарю, Господь, ты поступил сурово
за то, что я бывал порой в угаре винном,
за то, что рисковал я ремеслом старинным,
за то, что надрывал за честь глухих сограждан
я горло... И оно перегорело дважды.
Сижу на бережку и думаю при этом:
а всё-таки оно совсем не злое лето, —
благодаря ему узнал, кому я нужен,
и без корысти кто со мной душевен, дружен.
Я, старый атеист, у Бога на пороге...
Молю Тебя, продли, продли мои дороги!
Сижу на бережку у речки Ратничеле,
свищу, пишу, курю, а как бы вы хотели?

22.10.00

МОЛЧАНИЕ

Самуилу О.

Слышу трубу без горниста,
вижу без лётчика след.

И — без велосипедиста —
медленный велосипед.

Свистнула резко леска,
воздух ожгла блесна,
но не раздалось плеска,
груз не коснулся дна.

Лебедя стон был жуток,
парусник, угол крыла,
чиркнул волн промежуток,
что патефона игла.

Прожил жизнь с голой кожей,
сухие крошки я взял...

Ум обмануть несложно, —
сердце и душу нельзя!

Жизнь моя, ты настрадалась,
всякий глоток — сулема...

Как говорил Нострадамус,
“...долгою будет зима...”

30.10.00

ЗАВИСТНИКАМ

Вы, в завистливом чувстве немея,
жаждой мучась на противном берегу,
учитесь тому, что я умею,
но не сделать вам того, что я могу.

28.10.00

СИРЕНЕВЫЙ ХУТОР

Л. и В. Шуклиным

Поедем с тобою на хутор,
где нас привечают друзья,
где Ляля по озеру утром
плывёт, средь кувшинок скользя,
где Владик напёрсточек водки
разделит с тобой пополам,
где чутким становишься, кротким,
по вере, где миру воздам.

На хутор, сиреневый хутор,
где бабочек станем ловить,
где добрым быть хочешь и мудрым,
без мыслей о будущем жить.

На хутор, в зелёные ветки,
чтоб дома с тоски не завывать,
деление раковой клетки
на воздухе остановить...

На хутор, на хутор, на хутор!
В молочном тумане земля,
где кофе несут нам, как будто
в кафе “Клозери де лиля”¹.

Как шприц, человек одноразов.
Зачем ты над чашкой молчишь?

Тебе ж обещал я в алмазах
сиреневый город Париж...

25.10.00

¹ Сиреневый хутор (фр.).

В ГОД КОТА

Старый год, до свиданья, вернее, прощай.
На сосульках повисло прошлое счастье.
Невзначай пью с малиновой веточкой чай,
кашель грудь раздирает льдинкой на части.

В новогоднюю ночь Иннокентий, мой Кот, —
желтоглазого чудища в мире нет краше! —
говорит, по-немецки мурлыча: “Майн Готт¹,
даже если и шлехт², то держись и не кашляй.
Механизм раскручу лапой наоборот,
ты ж проси-ка айн Шнапсглас³ у Муттер⁴ Наташи.
Ах, мурлыка, мой Кеша, ты спрыгнул с ума,
нам и капли одной не дадут для причастья...
” Но, мин Херц⁵, в вашем Хаузе⁶ и так кутерьма,
без Фляшвейна⁷ не справишься с этой напастью.

Провожаем год Тигра, майн Кот, ты теперь
мне — надежда в пути, искушенье — приятно!
Рыжемордый янтарик, ласковый зверь,
понимаю, хвостатик, тебя непревратно.
За твое предложенье налью молока
от упитанной в бывшем колхозе коровы,
загудим в Нойея⁸ с тобою слегка,
отделим в эту ночь зерно от половы.
Столько я новогодий в жизни встречал,
что уже голова поседела отчасти,
если б старого счастья я не терял,
то надежду терял бы на новое счастье!
Потому, верный Кот, афоризмы трезвы,
в Новый Год, в новый день поспешим спозаранку.
Будем мы с алкоголем отныне на “вы”,
чтоб предчувствье похмелья не портило пьянку.

31.12.98

Прим. автора, хозяина Кота.

Иннокентий был выгнан из средней школы за пристрастие к валерьянке.
Иностранный язык изучал исключительно по вывескам баров в центре
Европы. В переводе незнакомые читателю слова звучат примерно так:
¹мой Бог, ²плохо, ³одну рюмку, ⁴мамы, ⁵мое сердце, ⁶доме, ⁷бутылка вина,
⁸Новый год.

ПЛАЧ ПО КОТУ

Умер мой кот, на себя взял печали
те, что меня до конца истерзали.
Всхлипнул и вытянул вдоль позвоночник,
выключил Кеша негромкий звоночек.
(В горле кошачьем мурлычник устроен,
мигом включал, если был я расстроен.)
И подставлял кот, спрятав когтищи,
маленькой Кате свой животище.
Он, презирая манную кашу,
тыкался носом в маму Наташу.
Нежно лизал кот длинного Глеба,
хоть не кормил тот ни мясом, ни хлебом.
Был благодарен котище Людмиле, —
к доктору в автомобиле возили!
Был Иннокентий необыкновенным:
на разговор отзывался мгновенно!
Он разговаривал с нами хвостом,
толстый, пушистый служил языком.
Если хозяин слегка бывал пьян,
кот обходил стороною диван.
Фыркал брезгливо, мяукал некстати.
Словом, хороший был воспитатель.
Десять лет скрашивал кот каждый вечер,
это, товарищи, век человеческий...
Умер дружище, добрый котище,
мы тебе, Кеша, замены не ищем.
Если когда и кого заведём,
звать будем просто того мы Котом.
Похоронили тебя мы под ёлкой
в белой простынке, чтоб не было колко.
Больше писать я об этом не буду.
Спи, желтоглазое рыжее чудо.

23.10.00

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Как может вор о честности писать,
и блудодей — о верности супруге,
предатель об отечестве и друге,
а лжец о том, что неподобно лгать?

08.07.00

ОДНОМУ ЮБИЛЯРУ

Травил на сейнере, что дворянин и граф,
крестьясь, божась, пошмыгивая носом,
и лыбился в глаза, из рундучка украл
100 долларов, за что был бит матросом.
Он анонимок кипу написал,
след заметая с шельмовством дворняги,
по пьянке граждан ночью раздевал,
врал: “За политику сидел в Гулаге!”
Он, записной антисемит, порой
прикидывался милым юдофилом
и торговал просвирками, мацой,
всем тем, что под рукой в час нужный было.
И христарадничал; заподлицо
в дешёвый переплет чужие боли
сводил. Не знали дети: с подлецом,
а не с писателем встречались в школе.
И, проявив сноровистую прыть,
крал информашки с телетайпной ленты.
Был ТАСС уполномочен заявить,
что не имел таких корреспондентов.
И сам себе пытливый изворот
дал интервью в злосчастный день рожденья,
забыв, что час пробьёт, и у ворот
услышит: “Аз воздам, и Мне отмщенье.”

28.10.00

ТИХИЕ СТРОКИ

Песня дописана? Новую песню сложи,
из перебитых стекляшек спаяй витражи.

Милости
у
жимолости
не проси,

душу на волю из сада пусти и прости.

Лопнули струны, немым стал кузнечик-сверчок.

Знает уже от чего он на волосок.

Грудью вдохни запах жимолости,
помнишь, как было всё в молодости?

Сквозь витражи проникает зрачок,
всё-то ты знаешь... Молчок, дурачок!..

25.10.00

ФЕЙГАЛЕ¹

Феликс Фихман — вильнюсский воробушек
и великорусский иудей —

хряпнет водки под свиное рёбрышко,
заорет: “Гярай, аз ох ун вэй!”²

Бородёнку выставит колючую
и — вперёд! В застолье — интерес.

Понесёт такое он о Тютчеве...
— Некрофил Тургенев, вот те крест!

Знает всё про тайну фараонову,
про мацу на кровушке детей...

Хорошо сидим! Давай по-новому
за неподтверждаемость идей...

Феликс Фихман —
плоть любой компании —
из истории — стервец! — коктейль
так собьёт!.. Душе его в испарине
джина с самогоночкой подлей...

И расскажет он такие случаи.
что на гедиминовых столпах
будет выть железный волк задрюченный
русским бредом, — мальчики в глазах!

Заведёт, коль кто-то катавасию,
о национальности вопрос,
прыгнет Фел на люстру котом Васею,
сунет гою корень в мягкий нос.

А когда о способе адамовом
вспомнит — и на это Фел мастак! —
запуржит с тремя он сразу дамами,
и кровать запляшет краковяк.

А под утро так фигово-фигово,
голос мамы слышится с небес:
“Солнышко, не пей, любимый фейгале,
погулять сходил бы лучше в лес.”

Сам себе он пишет эпитафию...
С кем он пил, то разве вместе был?
Жизнь прошла. Она тебе потрафила,
сионист, гусар, славянофил?..

26.05.98

¹Птенчик (идиш).

² Хорошо, боже мой (лит., идиш).

ФАРОДИЯ

Фуфет.

Фтолик с футылкой.

Ффодят ффри ф:

Феликс,

Феликс Фердинандович,

Феликс Фердинандович Фихман.

Фадятся.

И нефедленно фыпифают.

А за ферью

Фудель Фак зафусыфал “Федифри”.

— Фаф! Фудесно, фогда у тефя ффри фозяина,
люфящих Фармса, Фрамса и Франса... Фаф!

11.10.00

НА ЗАРЕ, НА ЗАКАТЕ ВЕКА

Ничему ни научают пастыри,
и вода в облацех темна...
С воплем: “Бей жидовствующих, пасти рви!”
Уличная православствует шпана.

14.11.00

ВОЗМУЩЕНИЕ СИРЕНИ

Н.К.

Умой лицо в листве сирени,
к губе прилипнет лепесток.
Ещё вчера тускнело зреньё,
от смерти был на волосок.
Плевался плеврой. С наслажденьем
боль прогрызала правый бок.
Курил табак. С самосожженьем
вдыхал синеющий дымок.
Но ты вошла. С движеньем тени
внесла в палатный мой острог
охапку влажную сирени,
рванулся к небу потолок!
И возмущение сирени
плеснулось свежестью в зрачок.
Сирени отдаюсь в призраньё,
но от смиренья я далёк...

20.04.99

ОБЛАКО БЕЛОЙ СИРЕНИ*Петру*

Юность прошла незаметно,
скрылась тактично за садом.

Пахнет прохладой летней,
выдохшимся лимонадом.

В облако белой сирени
я погружаю руки...

Сбрасываю напряжение,
знание чужой науки.

Вот провожает ветер
ту, что ушла тактично.

Шрамиком сердце метит,
впрочем, это о личном.

Опыт моих терпений
стёр мне ладони, локти.

И голубели вены,
воздух буйствовал в лёгких!

Опыт моих сомнений
был мне дарован свыше.

Зря ли я без ступеней
в детстве ходил по крышам?!

Годы моих забвений,
вы на задворках Европы,

где состоянье лени
новый дарует мне опыт.

Мир заключён в палисадник,
провинциально величье...

И спешившийся в ночь всадник
просит на площади спичек...

Грозди сирени. Так что же,
воздух, ты — фиолетов?

Лица у местных прохожих
с европейским приветом...

Что-то не очень воздух
свеж и чист на задворках.

Вот и спасают гроздья,
запах сирени горький.

Трудно не статься циничным
в нашем искусстве опасном, —

общество тянет привычно
к белым, коричневым, красным.

Облако влажной сирени,
ливень, что за оградой,

мне даровали зреньё,
опыт, что ещё надо?..

16.03.98

ИНСТАЛЛЯЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

*Он был зелёным, белым, красным,
хотел стать, рыжий, самым главным.
И что per aspera ad astra,¹
когда ad gloriam per anum.²*

Время концепта требует контрацептива:
поразмножились, предохраняться пора!
Если не можешь голодным быть и счастливым,
втянет душонку серости сытой дыра.
Не говорите со мной о распаде искусства,
греки и римляне знали, что — ерунда.
Если зачах, не зацвёл над асфальтами куст твой,
мёртвая, значит, была в колодце вода.
Бедный адептик антикультурной культуры,
ты восторгался тому, как рычит унитаз,
проинсталлировал кал во флаконе ты сдуру,
чтоб не отрезать свой орган тебе напоказ?
Время концепта несомненно — искусство
нюханья ануса у золотого тельца...
Как извращён, адептик паскудства, вкус твой:
съесть уже хлеба не можешь без дерьмеца?
Так корней в антикультуре, худ-о-жник,
преуспевай в негодяйстве, ногти грызя,
и — вытвориай! Если талантливо — можно.
Если бездарно, то утверждаю — нельзя!

21.10. 00

¹ Через тернии к звёздам (лат.).

² К славе через зад (лат.).

ПОСЛЕДНИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Необъятная родина стала объятной, —
поубавилось тела с толикой ума...

Митинговый придурок со страстью невнятной,
исказив, шпарит Блока: “Мы — скифы, нас — тьма.”

Истошились запасы лучистых энергий,
снова дёгтем запахло, вонючей махрой...

И кого, для чего, почему мы низвергли
не ответит никто “там в дали, за рекой”.

Скребанёшь это тело — сплошная короста,
зуд срывания корок ведёт в жёлтый дом...

До сих пор глеют белые кости в Замостье,
в небеса догрозились дурным кулаком.

Озираясь своей азиатскою рожей,
подмигнули Европе, познавшей закат.

Что ж, Ха-Ха, ты в очко проигрался, похоже,
нас отдав XXI-ому веку в заклад.

Над двухтысячным годом в крови плащаница,
не актёр, — третий Рим погибает всерьёз.

Тэмпус фугит¹, — и в кляксах пустая страница,
втопан в грязь каблуком белый венчик из роз.

14.01.99

¹Время проходит (лат.).

О СУЩНОСТИ ИСКУССТВА

Искусство — это вечная защита моральных ценностей на рынке сбыта. И “Мона Лиза”, даже Ротшильд скажет, не подлежит ни купле, ни продаже.

12.11.00

ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

*“Что стихи, что таинства Киприды,
Если барабаны — как гроза,
Если в пёстрых будках инвалиды
Пучат оловянные глаза?”*

Вс. Рождественский.

Посмотрел и взглядом душу вынул,
никого за сирость не виня...

Наша жизнь проходит в поле минном,
взрывы слева, справа от меня.

Вербы-пальмы славят Воскресенье,
то “осанна!” слышу, то “распни!”

От спасенья так и рвутся к мщенью:
в Божий Суд не веруют они.

Пасха совпадает с Первомаем,
в ней и в нём — людское торжество.

Сакко и Ванцетти принимают
древко флага за зелёный ствол.

Высверк электричества... На стуле
горстка праха скорбно горяча.

Ослепляет человечесий улей
лампочка, вы правы, Ильича.

Ох, уж эти твёрдые ребята
с фанатичной ясностью в глазах...

Численник не в светлых — красных датах,
отсвет их у многих на руках.

И пошла в борьбе за мир работа!

Бесноватый подпалил рейхстаг,
экс-семинарист с большой заботой
строил-ладил на века Гулаг.

“Всё для человека!” И пехоту

Рур с Уралом вмяли в шар земной.

От фронтов в живых остались роты
и вот этот вот старик седой —

победитель города Берлина
при медалях в рваных сапогах...

Что стоит он молча в поле минном
с милостынью в скрюченных руках?

Этого ли от Победы ждали
выжившие к Пасхе на войне?

Снится ль вам ещё товарищ Сталин,
Берия в мерцающем пенсне?

01.05.94

ШОЛОМ-МУЗЫКАНТ

Ш.Платкину

“Утро туман-н-о-е...”

Жизнь без романса —
это бильярд без шаров и без луз.
Если родился, — играй и не майся,
кием разбей наших горестей груз!

“Утро сед-о-е...”

Такая уж карта
выпала с неба служителю муз:
выжил на фронте! Поверил с азартом,
выпадут тройка, семёрка и туз!
С бомбой без форы попробуй сыграй-ка.
В голову врезан осколками кант.
С девочкой-нотой в старенькой майке
кружится в вальсе Шолом-музыкант.
Что из того, что слова в гимне стёрты,
и что зингшпицер¹ ростом так мал...
Вижу маэстро я в той гимнастёрке,
той, к которой металл прикипал.

Так зарифмуй своим перламутром
утро туманное, аккордеон...
Пусть западают песни те в грудь нам,
словно медалей немой перезвон!
В утре туманном, сером и сиром
голос надтреснут... И в стылую синь
выдохни душу и програссируй
о журавлях, превратившихся в клин.
Вспомни про синенький скромный платочек,
падающий с опущенных плеч,
вспомни слова песни без многоточий.
Русской ли речи втуне истечь?!
Вам ли стыдиться, Шолом Моисеич,
русской Победы скромный талант,
кровью заслуженных планок — насечек,
не интегрант вы, а Музыкаки гранд!

Знаешь, Шолом, ты щедрее, богаче
всех меценатов... Твой интерес,
чтоб человечней мы были. Иначе
ты б не стоял, не пел на Пилес².
Знаешь, Шолом, сегодня сыграй-ка
то, что так любит зал и вокзал:
“Тумбала, тумбала, тум балалайка...”
“Славное море — священный Байкал...”

05.05.97

¹ Уличный певец (нем.).

² Замковая (лит.) — улочка в Старом городе.

ПРАЗДНУЮЩИМ 9 МАЯ

И снова май. И — взрыв листвы!

Прищурь, как прежде, глаз.

Эх, отступали до Москвы
в истории не раз...

Где Тохтамыш, Наполеон
и Гитлера, где след?

Пускай хула летит вдогон
и ласточкой — навет.

Пришли такие времена,
кто крут, того и кнут!

Какая в том твоя вина,
что ты остался тут?..

Что для себя завоевал?
Горбатился в цеху...

И проклинал лесоповал,
и тех, кто наверху.

В шкафу тускнеют ордена,
томится кровь твоя...

Но, если бы не та война
Оте-чест-вен-на-я,

где б жил беретный¹ патриот?

(Коль жил бы!). За “зер гут”

в донских степях² стерёг бы скот
иль рабствовал он тут?

Надень за ратный труд металл,
верны слова твои:

“Когда б Москвы не отстоял.
то не было Литвы...”

09.05.90 — 04.05.99

¹ Представитель маргинальной части населения, натягивающей береты во время антироссийских акций.

² По плану “Ост” территория Литвы включалась в рейх; жителей, отвечающих меркам “арийской расы”, предполагалось онемечить, остальных уничтожить или переселить на восток, в район донских степей.

ВЫСОКОЕ ДАВЛЕНИЕ

Графоманы всея России,
графоманы утлой Литвы,
ваши строчки, рифмы косые —
от неразделённой любви.
Изнываяще ждёте признанья,
вы упрямее сорной травы...
Мне б такого святого незнанья,
как O₂ закипает в крови!

04.01.99

МОЛИТВА МАНДЕЛЬШТАМА

“Господи, не хочется стареть,
некому мне простыни согреть,
некому меня перевернуть,
положить сухой компресс на грудь.

Прояви же, Боже, состраданье,
я ль твоё не вынес испытанье?
Я ли был виновен пред Россиею,
Господи, пожалуйста, спроси её!
Я ль не рыскал ночью на помойке,
радовался косточке и корке...
И клыками, клацнув сквозь рукав,
из меня рвал мясо волкодав.

Раз-два-три,

крутись-вертись,
колечко,

чёрной стала и Вторая речка,
Александр Сергеич — на снегу.

Ног не чуя, я к нему бегу...

Нету ни пророка, ни Отечества.

Господи, яви же человечество!

Господи, я знаю: “ Ты еси,
забери меня на небеси...”

Под Владивостоком — бездна. Яма.

Не читайте на ночь Мандельштама.

27.05.98

ПОХМЕЛЬЕ КАНТИАНЦА

Л. Столовичу

Вещь в себе выходит из себя.
Закажу двойной императив!
И в кафе, как брата возлюбя,
Чистый Разум сядет супротив.
— Зарифмуй стакан и Кант, и ка-
тегорический аперитив, —
скажет он, кивнув мне свысока,
зло мирское в благо превратив.

Узнаваем мир и уважаем...
В зеркало вгляжусь — непознаваем!
Ищет содержания всяк сущий
в форме соответствующей...

Кантианство — это окаянство,
несовместно с жизнью постоянство.
И себя, категорически губя,
признаюсь, что я люблю тебя!

10.04.99

ЛИПА ЦВЕТЁТ

*“Липа цветёт. И опять на бульваре
пахнет, как будто разбрызгали мёд.”*

Г.Метельский.

Липа цветёт, Георгий Васильевич,
в дом залетает медовый цветок.
Где то целебное, что вас вылечит,
подсахаринит последний глоток?..
Скромное слово сироткой осталось.
Хворь — это тварь со множеством харь!
Жизнь покидая, постылая старость
переселилась в толковый словарь.
Липа цветёт, Георгий Васильевич.
На перекрёстке житейских дорог,
кто же бывшее и думы насильничал,
взвёл до отказа пальцем курок?

Платим за всё дорогою мы платой.
Плавают в воздухе жёлтый цветок.
В чёрном туннеле больничной палаты
липа цветёт
и летит мотылёк...

12.08.96

ПЕРЕВОДЧИК

Поэт, что много переводит,
себя в чужом вине разводит,
в чужой крови, в чужом признании,
за что такое наказание?..

А за презренную монету:
её в кармане часто нету.

15.10.00

ПРОСЬБА

Дай мне возможность изменить,
то, что могу я, в силах...
Чтоб, как сейчас, счастливым быть
до точки, до могилы.

Дай мне смирения, когда
бороться бесполезно,
чтоб стать водою, глыбой льда
в терпении железном.

Ну, а ещё мне дай ума,
чтобы второе с первым
не путал я. Ведь жизнь сама —
порой такая стерва...

01.06.98

МОЙ ВЕРТЕП

В отсутствие сердца и слуха
тебя оттолкнувшей страны
умейте хранить силу духа,
отчаяньем если полны.
Страна — это не государство,
не скинешь её как хомут.
Рождённый в мучениях дар свой
не дай погубить никому.
Не путай страну с государством,
где ты, как свеча на ветру.
За дар свой судьбе благодарствуй,
верь в собственный разум и труд.
Не верь ни в одно государство,
ты сам по себе должен жить.
И дом, как страну или царство,
ты должен ещё заслужить.
Рождественской ночью колючей
тверди, повторяй, говори,
что “малый вертеп мой получше
прекрасной Синайской горы”!
В отсутствие сердца и зренья
Ты, Око-Звезда, смотришь вниз,
а чудо — не есть ли Рожденье
Той силы, несущей нам жизнь?
Дарующей праздничный случай,
возможность весёлой игры,
где малый вертеп мой получше
далёкой Синайской горы!
Здесь кофе не сладок, а солон,
стакан разбивается пусть,
Он — наполовину полон
и наполовину пуст!

20.12.98

НЫНЧЕ

Жизнь пошла,
куда ни плюнь — посредники...
С ними быть желаньем не горю.
У меня — другие собеседники,
с ними о сакральном говорю...

25.05.98

ОТНОШЕНИЯ

Бог не выдаст, свинья не съест...
Русский русскому — lupus est.¹

10.04.2010

¹ волк (лат.).

БОГАТЫЙ НИЩИЙ

*“На нём бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрёт мороженое...
Пусть жрёт, пусть лопнет! Мы враги!”*

Л.Мартынов.

Богатый нищий воздвигает храм,
велит иконописцу постараться...
Ценитель Шуфутинского и дам
готов мощной при людях опростаться.
Богатый нищий здесь не сам с усам,
а те, кого охрана за притвором,
прошедшие по звёздам и крестам,
людей считающие пыльным сором.
Богатый нищий попирает храм.
Отмыты деньги с подлинным искусством,
и торжествует победивший хам,
мороженое хавкая со вкусом.
Богатый нищий оскверняет храм.
Не пахнут деньги? Да они воняют!
Фундамент гнил и плесень — по углам,
и бесенята между ног шныряют...
Хам торжествует. С ним мы — не враги,
не я с него сдери рукой бесстрастной
из лайки сделанные сапоги
и бабочку, из чёрной ставшей красной.
На зыбуне стоять не может храм,
и освящать его, так зря стараться...
И — “Мне отмщение, и Аз воздам.”
С богатым нищим ты не должен знаться.

12.10.99

НИЩЕБРОД

В. Барановскому

Он не живёт, а жительствоует снуло
в краю, где дешёв хлеб и самогон.
Чтоб сквознячком озёрным не продуло
к крестцу заводит бережно ладонь.
Колени под столешницею сводит,
кость лобную набычивает вниз
он, чуткий к изменениям в погоде,
наянливо терзает плоский лист.
И, сладостно склонясь зрачком к бумаге,
втыкает заскорюзлые слова
в рассказ про горьку ягоду в овраге,
но проза дней нежизненна, мертва.
Ущербной недостойностью томимый
косит под староверский обиход,
опасливо вздыхает нелюбимый,
но всем властям угодный нищеврод.
Со всадником с мечом дружбишку водит,
хвост у коня то вверх торчит, то вниз.
И крестит грудь при всём честном народе,
к фамилии добавив скромно “ис”.
Припрятав выпрошенные медали,
натужно думает: “Какой в них — прок?
Снести б беремья прошлые печали
в заимствованный утренний возок.”
Вдали от шума, городского гула
морщинится портяночным лицом...
И почечуй, приладившийся к стулу,
не жжёт нутро расплавленным свинцом.
На Зарасай нерезкий ветер дует,
лаптёжный дух пластая по стерне.
Он жительствоует. Он не существует.
И кычеть недотыкомка во сне.

13.04.99

ТОСТ

За примат интуитивного подхода
над аналитическим умом,
за поэзию в любое время года
мы шампан стаканского нальём.
Выпьем, чтоб прошли невзгоды мимо,
чтобы не касалась седина
золотого локона любимой...
Вот за это выпьем мы до дна!

31.12.98

МОНОСТИХ

Сколько нищих! И все — из богатых...

02.05.99

ИЗ ВЕНКА ИОСИФУ

1. НО ДЕНЬ ГРЯДЁТ

Нет, мы нисколько не устали.
Ещё пришел не наш черёд.
Но закрывают глухо ставни
в селе, поставленном вразлёт.
Измучив слух до испуга,
замолкли в роще соловьи.
Сырой росой покрылись ивы,
шатёр ветвями синий свив.
Во тьме глухой, во тьме беззвёздной
погас отважный метеор.
... как наэлектризован воздух!
... как ожиданьем полон взор!
А в поле зреют, зреют травы.
Но день грядёт. И грянет бой.
Россия, сколько своенравных
с твоей сливаются судьбой!
Ночь.
Сон глубок.
Надёжны ставни
в селе, поставленном вразлёт.
Спят Игори и Ярославны.
Серп-сторож но небу плывёт,
а молот кандалы куёт.

23.05.64

2. В ТИШИНЕ

*“Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна...”*

Из песен, что пели в юности.

На скалах — ржавый рыжий купорос.
Малина дикая вцепилась в склон корнями.
Мерцанье дальше турецких знойных звёзд
угадывается в тумане.

У кромки моря — пограничный пост.
Прожектора пронзают ночь лучами,
иobelisks, влажные от рос,
недвижны в каменной и бронзовой печали.
Ты стебли южных равнодушных роз
перебираешь пальцами, перстами,
а месяц — риторический вопрос —
висит серпом наточенным над нами.

Пора, пора избавиться от грёз,
пора задуматься о подлости и славе,
чтоб, перейдя через последний мост,
не дрогнув, встретить мог и тьму, и пламень.

Тебя на эмиграцию толкал
чиновник, что без племени и роду...
В изготовленье “диссидентов” толк он знал,
в чём понимал служение народу...

Но что турецкий берег для тебя
И Африка с бананом и кокосом?..
Заткнись, иерихонская труба,
не рухнут стены от немых вопросов.

1980

3. ПРОЩАНИЕ

Не хороните Бродского в России...
У нас и после смерти оболгут.
Когда страна рифмуется с насильем,
поэт всегда — на вскрытой вене — жгут.
Прости стране бессовестное слово,
она жила, не ведая стыда...
Вот оттого сегодня ей хреново
и вспять течёт кровавая вода.
Ты многое открыл в российской речи
и многое в поэзии закрыл...
Тот ватник, что согрел в деревне плечи,
уже тогда похож на смокинг был.
Ты умер там. Наверное, так надо.
Тетрадь в твоём я помню кулаке.
Мы чокнулись, прощаясь, в Ленинграде,
и звон стаканов до сих пор в виске.

31.01.96

4. EHEGI MONUMENTUM¹

Глебу

Поминая Пушкина и Блока,
с юным Бродским, юный поддавал.
Говорили, спорили; эпоха
щами пахла, как столовый зал.
Я ещё застал такое время,
а не веришь, то перекрестись!
Мне стихи мои читал, добрея,
наизусть Красаускас Стасис...
Сам себе ehegi monumentum.
Я с Тарковским знался в дождь и гром,
и Вильняле, пользуясь моментом,
в томик мой плеснула серебром.
Знаю сам замечен кем, отмечен,
Кто велел, вода моим пером,
в затихающей российской речи
стать неразгибаемым звеном.

26.05.98

¹ Я памятник воздвиг (лат.).

НАКАНУНЕ

*“И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.”*

В. Соколов.

Нету во мне уже такого огня,
который сжигает траву на исходе лета,
борьба за права человека не для меня;
прав Соколов. Выкурю сигарету
ночью,

когда звезда стоит за окном,
когда тараканы и те в кухне уснули,
сознаю:

с той борьбою — полный облом,
а нас беспардонно и нагло надули.
Демократической к а к предавались гульбе —
интеллигент всегда к власти перпендикулярен! —
пока Москва отдавалась гражданской борьбе,
кто-то за это был ей благодарен...
И теперь, когда локоть укусить готов
и не сдать бутылок из Беловежской пущи,
вспоминаешь душ человеческих ловцов,
приватизировавших райские кущи,
где сало резал соответчикам эль Краучук,
где с эС Шушкевичем шушукался Бе эН Ельцин.
Растворилась в небытии демагогия двух,
москвича же с похмелья мучает сердце...
Суетня, политическая колготня;
накануне рассвета понимаю ясно:
не зря говорится в Библии про круги своя,
болтовня ж о правах лицемерно прекрасна.

26.05.98

В УСЛОВНЫХ ЕДИНИЦАХ

О. Чухонцеву

Ау, Андреи Курбские, ау...
Чего б вам, голуби, не воротиться?
В острог не поведут, теперь в тюрьму
за неимением мест и не пробиться.
Россия отделилась от Литвы.
Прибалтика ей — во, как! — надоела...
Так, что ж в отчизну не летите вы,
в державе новой разве нету дела?
Россия отделилась от Москвы,
что всех у.е. в условных единицах.
В ней говорит властям:

— Иду на вы!..

Вновь полузапрещённый Солженицын.
Ау, Андреи Курбские, вы где?
В приват-доценты Гарвард взял иль Принстон?
Как чудненько чужих учить людей
и уверять, что с родиною присно,
где нет зарплат, но не едят детей,
и, где народ — знакомая пластинка! —
не принимает рыночных идей,
что социалистичен по инстинкту.
Россия отделилась. Потный нож
ей срезал Закавказье и Подбрюшьё.
Терпи, родимая, переживёшь, —
в заклад отдать возможно мёртвых души!
Ау, ау... И эхом к нам — ату!
И солью крупной — на живую рану.
У церкви нищий пучит бельмоту,
бормочет сказ про Грозного. Ивана.

03.06. 98

БОМЖ

Что́ знаком вам этот человек?
В урнах он вчерашний ищет снег.
И, поддавшись русскому недугу,
по-собачьи воет на округу.

Журналюга с переменной мест
сам с собою совершил инцест.
Оказался интеллектик слабым,
выдавил с телеэкрана:
— Лабас!¹...

“Да, вас клеймил я, служа отребью,
за корку водки, за рюмку хлеба...
Поддай изгою всея Руси,
борца за правду в Литве спаси!”
— Не голоси.

Какое время! Скорбящих — тьма.
Пьет журналюга. Слетел с ума.
Помацал лоб он. Мозг пахнет жареным.
— Щас, валокординчика налью...
Вильнюсские гречи и болгарины,
я вас, незатейливых, люблю!

Ой, ли-ля, ли-ля, глаза ест дым.
Сверлит пис-с-с-атель зрачком пустым.
Краюшка водки, стакашек хлеба...
И всё в порядке, и вся потреба.

30.05.98

¹Привет (лит.).

ДВЕРЬ

Занавес поднят... И ветер ноябрьский в груди
сердце царапнул морозцем; седым Буратино
я перед дверью стою, а ключа не найти,
по полу крыса волочит хвостом паутину.
Так и на пенсию выйду в Стране Дураков,
не любопытствуя впредь, до мозгов деревянный!
Юным мальчишкой на многое был я готов,
с возрастом кажется это, пожалуй, и странным.
Что там за дверью, что скрыто за хитрым замком?
Может, взорвать? Только нет в магазине тротила.
Кукла Мальвина строчит анонимки в партком,
переработана — ах! — на консервы Тортила.
Был непоседой, был как воплощённый вопрос,
верил в приход, наступленье счастливого часа,
тыкался в дверь, острый нос стал вульгарно курнос,
стал, как у всех, чтобы не выделялся из массы.
Что там за дверью, никак не поймёт Артемон...
Нюх потерял он и сделался слабым и старым.
Слышу, за дверью звонит психопат-телефон,
ох, неужели и там есть свои Дуремары?..
Время идёт, ну а ключика всё не найти.
Сжат в кулаке у бровеносного Карабаса.
Занавес поднят, и как тут до сути дойти,
чтобы добро побеждало и властно, и гласно...
Что же за дверью, что сокрыто за хитрым замком?
Если признаться, то я не совсем деревянный.
Не был в Стране Дураков никогда дураком,
вот и казался Алисе с Базилио странным.
Занавес поднят... Нельзя мне со сцены уйти.
Ключик найду. Дверь открою, как в сказке старинной.
Что за порогом? Тебе не отвечу, прости,
ты же хотел Дуремаром стать, не Буратино.

1982

ЗРАК НЕДРЕМАННЫЙ

... роман не пишется. Стихотворенья
витьё оборвано... В водоворот
витийских фраз, внеклассовых борений
ввергается озлобленный народ.
Дух плюрализма вырвался из тела
громадного. В предчувствие чудес
реаниматоры взялись за дело,
кто с верой в воскресение, кто без.
Крестьянства нет и пролетариата,
и деградировал интеллигент:
все р а б о т я г и ,
и — одна зарплата,
социализма жалкий рудимент.
В тьме коллективной — скорби человеческой —
кровавым брашном стол отягощён...
Не аплодируй с мудростью овечьей
держателям отёрханных знамён.
Забудь про ночь и ветер в поле чистом,
стихающий в кварталах городов,
где пёс оставил на снегу пушистом
цветочные созвездия следов;
окрест взгляни, вдохни печаль Вселенной,
когда звезда на землю соскользнёт
росой прохладной, влагой драгоценной,
так остужающей иссохший рот.
И что тогда безумные реченья,
ор митинговый, тот мордоворот,
пытающийся изменить струенье
космических дождей, сибирских вод.
И пусть оратор царствует в пейзаже,
но всё-таки над нашей головой —
Зрак Недреманный... И слеза однажды
с Его ресниц утишит вой земной.
И что с того, что мы амбивалентны,
что всё сумели сызнова начать,
когда, как камень, канем в речку Лету,
не научившись ближнего прощать.

1989-1990

ВИЛЬНЮССКИЙ СИКОМОР

Последним евреям Литвы

На глине литовской керамики
 выстраданные узоры...
 Жёлтенькие кораблики
 в синем, как небо, море.
 Улицею горбатенькой
 катится чёрный уголь.
 Чувствую взор внимательный,
 пахнувший жиром кугель¹.
 Дворик смиренный, что кладбище.
 Под вильнюсским сикомором
 детской лопаткою клад ищи,
 где корни изъел порох...
 Пахнет бельишко в дворике
 вымоченною селёдкой.
 Ицик с женою Двойрою
 пьют на проводах водку.
 Вещи уже отправлены,
 гости танцуют “семь сорок”.
 Что ж, помянем бесправие,
 душашее, как морок.
 Выпьем за эту улочку,
 дышащую тревогой.
 выпьем, закусим булочкой
 охровой, как синагога.
 За горизонтом — смоковница.
 Что же надрывна скрипка?
 Жизнь вороватой любовницей
 дверью тихонько скрипнет.
 В Новом Иерусалиме —
 Вильнюсе — птицы реют,
 припоминая имя
 последнего из евреев,
 уехавшего из города,
 из сквера, разбитого в гетто,
 где мчит без шофёра “скорая”
 к тому, кого уже нету.
 Осколки литовской керамики
 жёлто-зелёно-красные.
 Маленькие кораблики
 в море плывут опасное.

1991

¹ Кугль, кугель — лапша с гусиным или овечьим жиром.

ЗЕМЛЯ

... ты приняла в себя
 литовца и поляка,
лежит в тебе грузин,
 и спит великоросс...
Земля, тебе любой
 из мёртвых одинаков;
солёность знаешь слёз
 и сладость чистых рос.
Что красный соловей
 пел перед страшной жатвой?
А пахота была
 прекрасней, чем мечта...
Зачем же за тебя
 в неистовстве сражаться,
когда объемент же
 всех сущих пустота...
Смущает душу сон
 о княжестве Великом.
Но погляди с утра
 на двор свой хуторской!
Собрал бы ты яиц,
 отпраздновал Великос¹
и лоб перекрестил
 невоинской рукой.
Ну, что до нас с тобой
 красавице Европе,
когда на митинге
 мужик от пота взмок,
а у профессора
 носок женой заштопан...
Да, для Европы ты —
 не Запад, а Восток.
Звонят колокола
 и стонут от позора,
из явора бревно
 пойдёт на тын глухой.
Распятый Сын глядит
 на бранный мир с укором,
в котором гости мы,
 в котором — непокой...

1991

¹ Пасха (лит.).

ШАШЛЫЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Шашлычник жарит собачье мясо...
 Уксусом едким искислен рот.
 Невзрачный сын рабочего класса
 глаза от дыма, сморкаясь, трёт.
 В розницу гегемон первородство
 продаёт, сплёвывая в кулак,
 с нэпманом ни малейшего сходства,
 он — тощим полканам окрестным враг.
 Ему плевать, что Вильнюс, что Вильно,
 всё одно, абы город платил...
 Подливу на кольца лучка выльях,
 он укрепляет семейный тыл.
 До фени “диаматчик” Гензялис¹,
 и “друг крестьянина” Лигачёв², —
 он богатеет марксистам на зависть,
 хранителям идейных основ.
 Ещё не цивилизован Йонас,
 в затылке чешет ещё Иван...
 Прибавочной стоимости совесть
 запрятана глубоко в карман.
 Не записать в националисты
 и с шовинистами незнаком,
 хочет стать маленьким Монте-Кристо,
 построить дочке на выданье дом.
 Ему всё равно, где стоит Пушкин
 (всего два стиха написал не так!..).
 К чему сносить? Он литовцу лучше,
 чем те, кто пели вчера за пятак.
 Мицкевич пускай стоит у речки,
 под аркой Донелайтис сидит;
 они свободы были предтечи,
 зачем их ссорить хотят вожди?
 ...благоухает собачье мясо,
 кто-то украдкой плещет в стакан.
 Жаль мне сына рабочего класса,
 жаль, что за “трёшку” съеден Полкан.

1989

¹ Инициатор выноса памятника А.С.Пушкину из центра города. Поэту вменяется в вину написание стихотворения “Клеветникам России”.

² Секретарь ЦК КПСС.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ

Берег левый, берег правый...
Видим мы: у переправы
бьются насмерть левый с правым,
время ли виновно, нравы?
Сорваны от крика глотки,
бой идет за место в лодке,
у которой дырка в днище,
муть со свистом так и хлыщет!
Дети, пасынки Отчизны
матери сосцы отгрызли,
льётся наземь млеко с кровью,
ненавистью и любовью...
Тянут за бороду Маркса,
ус кавказский вырван с мясом,
и проклятьем заклеименный
на портянки рвет знамёна.
В лодку охнувшей державы
прыгает за левым правый;
кто за правдой, кто за славой,
кто с лекарством, кто с отравой;
зрители хохочут: браво!
Дырку бы заделать в днище,
где там... мы виновных ищем.
Мы, познавшие все “измы”
в замордованной Отчизне,
жившие от тризны к тризне,
в социакapитализме
видим утешенье жизни.
...сerp иззубрен, молот ржавый,
что же с нами, Боже правый?
— Божедурье у державы.

1989

ПОЙМАЛ Я РЫБКУ ЗОЛОТУЮ...

Море смотрит в глаза небесам,
чётки дюн пересчитаны ветром.
Поплавок на воде заплясал
от меня в сорока сантиметрах.
Прямо под носом рыбка моя
золотая; а, ну, как удачу
подсеку? Плавниками звеня,
рыбка выкуп за волю назначит.
Насулит мне, чего только сам
пожелаю в убогом сиротстве,
бросит мир к онемевшим ногам,
с этим миром устал я бороться...
Ну, чего пожелать мне, мутант,
на земле, переполненной скотством,
где второй из прохожих — мудака,
продающий свое первородство?
Мы в дерьме столько прожили, что
слиплись борозды резких извилин,
а разжиженное вещество
лишь пригодно для хлёбова свиньям.
Слышишь, в городе чавкает хряк,
жрёт взахлёб и желанья, и мысли,
и созвездья с названьями Рак,
Скорпион надо мною повисли.
Златопёрку сниму я с крючка,
за свободу цены не назначу...
Уплывай и прости дурака,
размечтавшегося об удаче...
И к чему мне она, если здесь
правят зависть в обнимку с уродством,
если попранные ум и честь
не имеют с достоинством сходства.
Что дворцы или власть?.. С молотка
ведь шестую часть света пустили!
И безвольною стала рука,
обессилевшей мозгом, России.
Всем вот этим прикажешь владеть,
править сонмом подонков и выжиг?
Знаешь, лучше тогда умереть,
если жить для того, чтобы выжить.

Уплывай, золотая, кружись
у других берегов; поколенья
нам нужны, чтоб направилась жизнь,
вызывающая сожаленье.

А пока подыму я глаза
к небесам. Роковой срок назначу.
Навернётся ль у близких слеза,
или вовсе никто не заплачет?..

17.06.91

ПОЧТИ МОЛИТВА

Что-то горек дым отечества,
жизнь пошла враздрай.
Обнищало человечество,
и не виден рай.
Во взаимоистреблении
мы живём и ждём
безнадежно обновления
да баклуши бьём.
Сатанеют все в отечестве,
сумасшедший дом:
всякий в нём сегодня мечется,
борется со злом.
А добра не прибавляется,
худо с тем добром:
граждане друг с другом лаются,
пёсий кал кругом.
В очередь за покаянием —
хитрая игра! —
новый Керенский заранее
встал ещё вчера.
И кликушествуют лидеры,
их несметна рать...
А кнутом нас после выдерут,
станут брать, сажать.
Горек дым в моем отечестве,
на сердце — недуг.
Не о жизни, а о вечности
истомился дух.
Что ж, ты горек дым отечества,
с самого утра?
Водкой белой люди лечатся,
в горле боль остра.
Загаси пожар дыханием,
ранний ангел мой.
Не хочу я греться с хамами
у золы родной.
Чем сильнее полыхание,
тем зловещей тьма...
Знаем, что в ней окаянная
властвует тюрьма.

Горек, горек дым отечества,
не светла заря.
И откуда столько нечисти,
может, жили зря?
Пожалей же человечество,
Господи, спаси
не меня, моё Отечество.
... иже Ты еси...

1991

ЗАПАХ РАЗЛУКИ

Это сирень осыпается нам на разлуку...
Не обижайтесь, пожалуйста, ради Христа...
Я поцелую подъятую лебедем руку
с божьей коровкой, упавшей с густого куста.
Пахнет разлукой... Прошли мы на муку науку
разъединения ожесточённых сердец.
Жизнь промелькнула голодной дворовою сукой,
жадно лизнувшей металл обручальных колец.
Но и такой говорили когда-то мы: здравствуй!
Искренне ей отдавали биенье сердец.
Что же скорбим о скончавшемся вмиг государстве,
нам ли не тяжек венчавший державный венец?
Ветви сирени... И в них пятизвёздное счастье
ищем не мы, а чужой и смешной оголец,
к будущей жизни, не к нашей несчастной, причастный,
если гражданской войны не достанет свинец.
А в остальном всё прекрасно. Вдыхаем разлуку...
Всякий достоин им выбранного креста.
Благодарю за преподанную нам науку,
за осыпанье сирени с куста.

21.07.91

СОПЛЕМЕННОКИ

“Мы — не “соотечественники”, мы — “соплеменники”: трудно без неимоверно напряжённого духовного взора усмотреть в сегодняшней России историческую родину либо духовное отечество.”

Из речи кандидата в члены Сейма

Уже открестились они от отечества
и с ним отрицают незримую связь...
Чтоб выжить, готовы на самокалечество,
плетя в оправданье словесную вязь.
Достоинство имени “соотечественник”
на “соплеменник” сменили они.
Наверное, им приспособиться легче с ним:
в нём за отечество меньше вины.
“Умом Россию...” Зачем же вы Тютчева?
Мерзит, если гордость растоптана в прах.
С угодливым вывертом, знаете, лучше вам
вообще забыть об общих корнях.
Спаси их, Господь, от словесного блуда!
Не ведают, право, они, что творят,
прости, как повесившегося Иуду,
не вынесшего совести ад.

20.12.95

ВСЁ ПРОХОДИТ

Вы, знаете, это пройдет...
Вы, вспомните, всё это было!
Всегда городим огород
в отчизне постылой и милой,
где дикое время ревёт,
где мир не настал в человецех,
и где прозреваю я год
спокойного солнца и сердца.
Не вдруг и не сразу поймёт,
что нет идеального строя,
поверивший в сказки народ
и радующийся порою
жестокой и жёсткой земле,
оттаивающей под взглядом
Того, Кто в сквозной полумгле,
незримо с тобою был рядом...
Достаточно мыслей о все-
возможных державных устройствах.
Гляди: вот идёт по росе
хотящий жить дó ста и просто.
В мартен он пошлёт броневик,
с которого в жизнь-ахинею
Россию позвал большевик,
измучившийся в мавзолее.
Кошунствен был опыт его,
ниспосланный геном бесовским.
Прощай, уходи торжество
идей не объемных, а плоских.
Прими, погребь, Петроград,
того, кто был неумолимым.
Он сам был бы нынче не рад,
что скрыт город под псевдонимом.¹
Прими бранный прах, успокой
гордыню болевшую душу,
был Ленин такой и сякой,
но в общем младенцев не кушал.
Вы, знаете, время придёт,
мы скажем: не с нами всё было!
Не дай Бог, отважный народ
вновь выроет прах из могилы.

21.04.90

¹ В апреле 1990 года Санкт-Петербург ещё назывался Ленинградом.

ПРОФИЛИ

*/И/ се, звезда, которую видели они на
востоке, шла перед ними...*

Евангелие от Матфея 2:1-12

Гроздь рябины. Штамп привычный: кровь
и любовь. Вчера, сегодня, присно...

В звёздной дымке бледен и суров
обречённый профиль декабриста.
Саван над тобою иль покров?..

Мертвен профиль у народовольца.

В мартовскую грязь впиталась кровь,
как любовь твою понять и боль, царь?

Гроздь рябины. И без лишних слов
к стенке повели путём кремнистым
от звезды детей — любовь и кровь! —
тех народовольцев, декабристов.

Гроздь рябины. Снег. И вечный зов
о любви взывающей природы...

Отчего же каменеет вновь
скорбный профиль моего народа?

Гроздь рябины. Затуманен взор,
ищущий звезду на небе мгlistом.

Бальтазар, Каспар и Мельхиор,
что волхвам пурга со злобным свистом?

... пальма превратилась в ёлки ствол,
и любовь приходит к нам из действия...

И ещё не видно в Рождество
крови на запястьях у Младенца.

Гроздь рябины я повешу на
ветку, согнутую мандарином.

Лица пусть порадует она
матери, жены моей и сына,
лица тех, кто навестит мой дом,
п р о ф и л и уже не в силах видеть!
Ты откроешь дверь с тугим замком,
утолишь печали и обиды?..

25.12.93

БЕЛАЯ ШАЛЬ

Вот и уходит в тело Литвы
матери лёгкое тело.

Чёрная боль с тугой тетивы
сердца, куда улетела?..

Белая шаль лица смуглоту
и, обласкав, не смягчила.

А правоту и неправоту
смерть так и не победила.

Белая шаль вокруг головы
снегом стекла на щёки.

Гордо ушла от досужей молвы,
дверь за собой защёлкнув.

Белая шаль твою немоту
перечеркнула мелом.

Адские муки за прямоту
стойко ты претерпела.

Белая шаль плывёт надо мной.

“Боже, Твоя есть сила,
матери дай на небе покой,
прочего здесь хватило.”

Белую шаль не гладил рукой
тот, кто был жизни дороже...

Как же нищ духом самоизгой,
Ты пожалей его, Боже...

В старом Бегосове — холода
и в Черняховске тоже...

Место рождения лебеда
скрыла от глаз прохожих.

Эти слова, смиренный погост,
долго не мог собрать я.

Каркают утром в ярый мороз
сиро вороны-братья.

Тень белой шали, ты — над гнездом
с вытащенной ветвью.

Тень белой шали — в небе пустом.

В горле остуженном — белый ком.

Разворовали вороны дом,
дом, в котором нет свету...

05.01.94

ТРЕЗВОСТЬ

*“Он вальтер достаёт из тёплых брюк
и навсегда уходит в вальтер-клозет.”*

И.Бродский. Два часа в резервуаре

Нет ни Игоря, ни Олега...
Жизни круг стал без них иным.
Подкосила трезвость с разбега,
поддала коленом худым.
Разделил цифры в камне прочерк,
водка с хвоей — вильнюсский джин.
Да, никто из нас, между прочим,
не любил выпивать один.
Заграничную фляжку выну,
словно вальтер из-за бедра.
Плюй струёй, железное вымя,
из горла на горечь костра!

Нет ни Игоря, ни Олега,
есть могилы и этот дым,
и отдавшиеся коллеги
политически голубым.
С ними нынче не то, что к бабам,
вместе в баню и ту не ходить!..
Лучше прочерк, чем почерк рабий,
лучше водкою холмик полить,
чем её отмерять в стаканы.
Вальтер выну из тёплых брюк:
расточатся хари поганых,
расширяется жизни круг!

21.09.95

БЕЗ ВОЛШЕБНОГО ФОНАРЯ

Новый год, мандарины, и месяц в окне, желтизна
непечальной свечи, за стеною играют Шопена —
все реалии детства; и тени скрещаются на
потолке и судьбе, а она не всегда вдохновенна.

...где волшебный фонарь, подаривший отраду глазам
после кори, когда из пещеры измятой постели
наблюдал, как наивно шагает жираф по лугам
африканским, пугая высокой коленкой газелей?

Выздоровливал долго, спал чутко, мучительно и
видел, как пробегала рябина цыганочкой пёстрой,
обронив горечь ягод на губы и руки мои,
чтобы их никогда не касалась проклятьем короста.

Выбегала рябина из плена славянских берёз,
вырывалась, не ведая, что будет вырван из сердца
Вильнюс, в лёгких которого — национальный наркоз,
от которого мальчик из детства на улице сер стал.

Новогодняя ель, и секреты просты, как орех,
что раскрыл скорлупу под резцом дрессированной белки,
отчего ж покатила горошина алая в снег,
отчего на вопросы ответы банальны и мелки?

...где волшебный фонарь, подаривший глазам парадиз?

В нём в барханах постели был римлянином в Вифлееме,
агнцы ели из яслей, звезда задержала путь из
чёрной глубины небес, луч направив в мозжащее темя.

В третьем тысячелетии свет христианских лампад,
восьмидневный огонь, очищающей души меноры,
и кристальный Замзам, из которого пил Мухаммад,
не излечат ли вместе позором болеющий город?..

В новогоднюю ночь ощути под ладонью мюзле —
впилась сеточка в кожу и в пробку — вино колобродит!
— Не стреляй в потолок, — осторожно в бокалы разлей,
пей и не поперхнись от глотка долгожданной свободы.

26.12.95

ПЕПЕЛ РАЗДУМИЙ — ДОБРАЯ ПОЧВА

Пепел перегоревших раздумий, —
чёрные бабочки в жёлтом поле.
Они порхают, отдавшись ветру,
и постепенно темнеет небо.

Надлом судьбы перелома кости
опасней; его не скрепишь гипсом,
но в сумерках комнаты и сердца
алеют дикие маки веры.

Лепесткам суждено цвести сутки:
это не мало, а очень много —
на почве ненависти колючей
умрёт клеветы бледное семя.

Сращенье судьбы, сращенье кости
и болезненно, и благотворно,
а в рассвете комнаты и сердца
пепел раздумий — добрая почва
для всходов не маков, — самой жизни,
которая идет полосами,
по-тигриному пружиня мышцы,
и ты теперь её укротитель.

1985

МАСКИ

I

Друзьями заклЯтыми был ты раздарен,
разобран на части и собран не раз,
тобой торговали: и, как на базаре,
оценивали, смеясь и глумясь.

Мелькали заклЯтые в масках безбровых,
чертовский, бесовский вода хоровод.

И мнилось, что дочиста ты разворован,
и ты замыкал леденеющий рот.

И мнилось, что сердце не выдержит быта
заклЯтых, прикрывшихся словом н а р о д,
качалась земля и асфальтом, и житом —
и был високосным тебе каждый год.

Тебя продавали, тобой торговали,
но всякий поклясться был в дружбе готов.

А ты доверял тем заклЯтым печали,
делил без раздумья и чарку, и кров.

Они хохотали под масками скромных,
таили свинцовость в мышцах тугих.

... так выхаркни правду в маски им с кровью,
когда они лиц не имеют людских...

II

Забить бы это нищеё лицо.
Молящие
грозящих нам — опасней!
Умело всякий раз
меняя маску,
просящий
выглядит совсем не подлецом.
Который год
от мысли этой маюсь...
Ну, что
ему на бедность мне подать?
Он говорит:
— Прости,
не притворяюсь,
я б сам железом выжег
в сердце зависть,
но... друга не могу не оболгать!
За откровенье
злом ему не платим.
В опасном странном дружестве живём.
Онищеё лицо,
каким проклятьем
добро ты заклеишь потом?

1975-1980

СТРАННОЕ НЕБО, СТРАННЫЕ ГОДЫ...

Идут в наступленье роты
набухших зелёных почек.
Ем на бегу бутерброды,
так как спешу очень.
Апрель для меня — ребус,
загадка шальной погоды:
то оттепель, то бьют слепо
морозы по юной природе...
Какое странное небо!
Какие странные годы!
Конечно, смешны бутерброды,
скользящие по пищеводу,
конечно, смешны страхи —
мы управляем атомом ...
Но если всё-таки ахнут,
как в старину по плахе?
То будут ли почки пахнуть
кленовым, берёзовым сахаром?
Какое странное небо.
Какие странные почки.
Как будто войны не было.
Апрель наступает точно.
И в этом, верно, причина,
что ежесекундно на свете
безудержно, бескручинно
рождаются новые дети.
В том нет никакого подтекста,
что вырастет детвора...
И станет им неинтересной
неумных взрослых игра.

1962

КОЛКА ДРОВ

Колю дрова. И звонким треском
наполнен заснежённый двор,
а щепки глухо бьют в забор,
теряя на излёте резкость.

Колю. А пар от губ ясней,
синеет в вымахе топор;
стал ватник на плечах тесней,
вступил он с жарким телом в спор.

Лес рубят. Нужная работа.
Я — неопасный дровосек.

Работа до седьмого пота.
Здесь люди падали на снег...

Южно-Сахалинск. 1959

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Ю. Болдыреву

Проходит ночь и наступает утро;
начать жизнь сызнова дадим обет.
Очистим чувства, как от пыли утварь,
забытую в чулане с давних лет.
Очистим чувства от житейской скверны,
возвысимся над смутой суеты,
в ней ложь — летальной раковой каверны!
отцам и детям оскверняет рты.
Пора, пора сознаться в пораженье,
чтоб отыскать пути сердец к сердцам,
страдающим и страждущим от жженья
успехов мнимых, головокруженья...
Неужто это не под силу нам,
свершившим то, что грезилось и снилось
и явью стало в вихрях бытия?!

Такая мощь в стране, такая сила,
что аллилуйщику ль душить меня...
Как нас учили и как нас лечили,
как проверяли на излом и хруст!
Что заслужили, то и получили...
Возвысимся ж до очищенья чувств!
Готовы защищать свои устои,
готовы, отступив, пойти вперёд;
смиренчество великого Толстого
с великой яростью в душе живёт.
И с малолетства к донорству готовясь,
снесём и самый непосильный груз,
но вот загадка, вот что мучит совесть
и рвётся из отверстых губ иль уст:
— Ответьте честно,
без уловки то есть,
готовы ль мы к п е р е л и в а н ь ю чувств?.

1981

СВОБОДА ВЫБОРА

Жил художник. Незнаменит.

В долг писал,

в долг курил,

жил в рассрочку.

Заедали жена и быт.

И решил он поставить точку

на своём лихом ремесле,

кисть продать, завести крольчатник...

Жить не в долг. Жить как люди все,

жить как в школе учат, в печати.

— Дуралей,

испокон веков

от освенцимов до манежей

на дороге искусства кровь

пьет захлёб чиновная нежить.

Да и каждому ли своё

отпускается в полной мере?

Ты не быт вини, — бытиё,

что лишило тебя веры.

Ну, крольчатник ты заведёшь

и с приплода купишь машину,

обретёшь неразменный грош,

унитаз раздобудешь синий.

Будет это всё вопреки

неисполнившимся надеждам.

Будут в доме гулять сквозняки,

а друзья в нём гулять всё реже.

... кисть купили по сходной цене.

Бытиём он да бытом доволен.

Он теперь свободен вдвойне.

Знаменитым стал. Вольному — воля...

Да, гори ты, мансарда, огнём!

Облака превратились в сажу.

Он пошел известным путём, —

не вернув долгов, — к вернисажу.

1976

И НЕТ В ДУШЕ ПОЛУРАСПАДА...

1. ПО ДОРОГЕ В КОКТЕБЕЛЬ

Планируй над дорогой, дельтаплан!
Так непривычно нам твоё паренье,
с потоком воздуха упрямое боренье,
затем тому же ветру подчиненье,
который от степной полыни пьян.
Шалфей цветёт... Сиреневое поле
к себе притягивает облака,
щекочет ноздри запах табака,
и материт сомлевшего быка
какой-то неизвестный дядя Коля.
Автобус астматически хрипит,
ещё секунда — и мотор заглохнет,
пыль белая на окнах, горло сохнет,
но моря ты угадываешь грохот
и синь прохладную, что взор твой
ослепит,
когда увидишь в профиль Карадаг,
до подбородка влезший в бухту моря,
которое, не мудрствуя, не споря,
приемлет даже тех, кто духом наг.
...и хорошо, что сон глубок Волошина,
не думаю, что видеть был бы рад,
как травят дустом армии цикад,
свой дом, стоящий, столько лет
заброшенным.
где рукописи горестно молчат,
блюющий пивом жёлтый автомат,
ползущий из столовой горький чад,
что лёгкие губил М.С.Волошиной.
Но всё же, всё же нет пути назад,
и месяц целый жить нам в Коктебеле.
Какие звёзды за год здесь поспели!
Не верится, что есть на самом деле
вот этот дом, скамейка, старый сад,
в котором под руку ты бережно ведёшь
сестру Цветаевой — Анастасию, —
сухую веточку несломленной России,
несломленной ни в снег, ни в дождь,
ни в град,
так помнящей к а к и м был звездопад.

1976

2. СПЯЩИЙ МАЛЬЧИК

*“Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата —
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!..”*

М.Волошин. “Дом поэта”

Упрямый мальчик длинноног, нескладен...

Измяв подушку жаркою щекой,
припоминает всё, что было за день
в горах, на берегу и под водой.

Скала краснела ржавчиной, и дали
казались ближе, млели облака,
плоды шиповника, зардевшись, ждали,
чтоб их коснулась детская рука.

Всплывало солнце, и сжималось сердце
от сизоватой блёклости степной...

Ты вырастал из призрачного детства,
вцепясь ступнёй в разлом коры земной.

От пуговицы русского солдата
осталась пыль. Татарского мурзы
истлели кости. Здесь плелись когда-то
волы, таща чумацкие возы.

Над Тихой бухтой был винтообразен
след самолёта. Наши имена —
на крыльях чайки, что спустилась наземь,
на мидиях, устлавших камень дна.

Ты стебельком вонзался в свод небесный.
И женщина сказала:

“Нас из тьмы
он вывел. Он помог забыть о бездне,
но что он в мире, если бы не мы?..

Дрожало море слюдяною плёнкой,
и, замирая, видели втроём,
что даль уже не та за дымкой тонкой,
и голос звонкий смуглого ребёнка
раздался:

“Для чего живём?..”

1986

3. ВМЕСТЕ

Ты проходишь мокрым садом,
ты улыбкам, лужам рада,
сын к руке твоей припал,
смотрит в небо с интересом,
с нами он шагает вместе
по обломкам старых скал.

Вы мне оба как награда.
Дождь идет. В глубинах сада
дрозд вспорхнул, в кустах пропал.
Мир огромен... Эхо песни
бродит старокрымским лесом,
уходя за перевал.

Мне одно лишь в жизни надо,
чтобы по тропинкам сада
с нами долго сын шагал.

Мир огромен и непресен:
из противоречий весь он.
Как изменчив, как небесен
милого лица овал...

31.08.80

4. НА ГОРЕ УЗУН-СЫРТ

На берег обрушились
волны накатом,
горячую гальку волнами смывает...
Тут степь расцветает татарским халатом,
а ты говорила,
что так не бывает.

Планёр ловит в крылья
струи голубые,
качавшие здесь самого Королёва,
но запах от веток сухих чернобыля
полынною горечью
мучает снова.

В распадке мерещится
мчащийся всадник.
Но не от копыта пыль в небо клубится,
но странное облако встало над садом,
но замерли в небе
летающие птицы.

О, странное облако,
чем ты чревато?..
От мыслей мучительных некуда деться.
За всё, что содеял ты, высшую плату
заплатят
принявшие наше наследство,
и вздрогнет
саднящей мембраною сердце.

... исчезнет в степи
след от злого копыта...
Но вынырнет в будущем меченый атом.
И то, что считалось надёжно забытым,
настигнет в грядущем
свирепой расплатой.

1986

5. СПОКОЙСТВИЕ

Уходит в море день, в котором
смотрела на меня с укором,
в котором так была легка
твоя прохладная рука.

... зачем темнели облака,
страшили нас чумой и мором,
и радиоактивным морем?..

Вот луч закатный кости жжёт,
как будто озверевший стронций,
морская соль едка на солнце,
и, распадаясь, красный йод
не исцеление несёт,
а тлен задохшихся колодцев.

А нежных чувств полураспад
опасней, чем смертельный яд.
Прощальным наслаждаясь часом,
плывёшь неторопливым брассом
вдвоём с подругой наугад
в ту ночь, где мотствует набат.
Ни слухов, ни молвы стоустой...
И рек отравленные русла
проклятый ил не принесут
сюда. Не тронет наши чувства
гражданский недреманный суд.
В ночное море б плыть и плыть,
а больше ничего не надо...
И нет в душе полураспада,
когда любовью хочешь жить.

1986

6. РАВНОВЕСИЕ

... лижет прибой
плитку шершавую,
чайка летит
далеко, высоко.
Белый кораблик
с отметиной ржавою —
сколок уплывших
вдаль облаков.
Тихая бухта.
Ни ветра, ни рокота.
Отмель бледнеет;
не так ли и жизнь
с приобретеньем
ненужного опыта
уравновешивает
оптимизм?
Брызжущий след
за корабликом тянется,
глухо стучит
его дизелёк.
Кто там на палубе
улыбается?
Что семафорит
упрямо флажок?
Прошлая жизнь
перечёркнута начисто,
лужами стали
небес облака.
С приобретением
нового качества
не голосует
бездумно рука.
Кончены игры...
Не до дурачества.
К призрачному
никогда не тянись.
Скулами резкими
обозначилась
будущая
нестерпимая жизнь.

1980

ВОСКРЕСЕНЬЕ В ПАРКЕ ВИНГИС

Какая благодать, что день воскресный
и воздух в соснах перевозданно чист!
Непуганой синицы вольный свист
так прост и мил, что даже интересно,

кто разъяснил пичужке высший смысл
перерастанья содержания в форму;
о, как абстрактны и корявы корни,
но как прекрасен и логичен лист!

Весёлой птахе, впрочем, эти мысли,
пожалуй, совершенно невдомёк.
Не станем выводить расхожих истин...

Мы втянуты в людской круговорот;
проверим крепость рук своих и ног;
послушаем, что говорит народ.

17.04.77

ЗАПРЕТ

Нельзя подслушивать и доносить.
Нельзя ломать в лесу деревья.
Нельзя костёр не свой гасить.
Нельзя смеяться над доверьем.

Как хочешь это назови —
сентиментальностью,
слюнтяйством.

Да, заповеди не новы,
но повторять их не устаньте.
В них воплощение души,
благословенная свобода.
А без неё дня не прожить
тебе и мне среди народа.

Летят высокие слова,
высвобождающие душу.
Вступают в высшие права
мои Нельзя, все Да нарушив.

1967

ОППОНЕНТУ

Судьба на сложилась?
Веди не об этом рассказ,
а вспомни тот час,
когда пустота подступала
и втягивала естество
ослабевшее в пасть
и нёбом, гортанью
хрящами сжимала и мяла.
Фортуна, везенье?..
Веди не об этом рассказ,
а вспомни всё то,
что тебя на пути миновало,
как с неба не дали
сверкающим звёздам упасть,
которых так детям,
рождённому тобой, не хватало.
Ты ищешь виновных?..
Веди не об этом рассказ,
а вспомни, как плавился,
выкованный из металла,
в ревушем мартене
тот, чья непомерная власть
тебя возвышала
и равно тебя низвергала.

1979

НЕРАВЕНСТВО

Ты оскорблён имущим власть. Протест
сокрыт, как непроявленное фото.
От крепостного права в этом что-то
в наш век гражданственности есть.
Ты усмирил сопротивленья жест,
незавершённым он остался. Вот как.
Ковёр так мягок! Чувств остывших жесть
податлива, как юноши бородака...
Ты оскорбил его. Превысил власть.
Должно стать государственной заботой,
чтоб власть отнять у всех орущих всласть,
чтоб не служил власть неимущий,
а р а б о т а л.

1979

СОВРЕМЕННОМУ

Свое недовольство ты брось,
сомнений не надо невольных,
хозяин ты в жизни — не гость,
путей не ищи окольных.
Живёшь ты с огромной страной,
испытан и счастьем, и болью.
Судьбою с ней связан одной
с поры детсадовской, школьной.
Какие грядут времена!
Нас в прошлом не переломила
ни выдуманная вина,
ни вражья недобрая сила.
Остался законом закон,
и сыну в глаза смотришь прямо.
Ты всё совершил, чтобы он
от сердца страны не отпрянул.
Ты нежен к стране и суров,
в своих наблюдениях зорок.
И ей отдаёшь мыслей кровь
и пот, что и солон и горек.
Какие грядут времена!
Себе снисхожденья не просим
у будущего. Страна,
мы честно и строим, и косим.
С тобою нам жить на земле,
всё вынесли мы и стерпели.
Россия давно не во мгле
и не во вселенской метели.
Не наша с тобою вина,
что чудище обло, стозевно.
Какие грядут времена
на многострадальную землю?

1980

НА СКЛОНЕ ВЕКА

На самом склоне века мы живём...
Его ровесники весьма-весьма почтенны,
и мы всё реже песни их поём —
всё чаще новым отдается предпочтенье.

На склоне века видится ясней,
взор пристальней становится и строже,
и человек относится честней
к тому, к а к этот век его был прожит.

На склоне века чувствуешь острее
непоправимость сделанных ошибок,
которые не делают мудрей,
но помогают сделать верный выбор.

На склоне века не одни живём...
И, понимая прошлого значенье,
его подвергнем заново прочтенью,
когда с днём будущим останемся вдвоём.

На склоне века в свой верховный час,
когда содеянное подытожим,
так ясно осознаем: мы — лишь часть
отчизны той, что в мире нет дороже.

1980

КОНСПЕКТ К НЕНАПИСАННОЙ ПЬЕСЕ О СМЕРТИ БОГОМОЛА

I акт

Расцвела звезда на небосклоне,
отыгралась без конфликта пьеса,
смотрим на былое благосклонно,
а точнее, не без интереса.
Всё проходит... Что же остаётся?
Тщетно ждать разумного ответа.
И не надо. Маленьким уродцем
богомол ползет к полоске света.
Бедная безмозглая букашка!
Три секунды жить тебе осталось.
Ты помрёшь в неравной ногопашной,
в ней неведома к ползущим жалость.
Хрустнет твой хитон под туфлей летней,
станет вмиг зеленоватым вечер,
дождь пойдёт, споёт тоскливо флейта,
и погаснут у каштанов свечи.

II акт

Облако над городом прольётся,
взбесятся нейроны от нейтронов,
испарятся реки и колодцы,
пролетарии, цари Додоны...
Станет мир бесклассовым навечно,
белый ветер обогнёт экватор, —
никому не нужное колечко! —
и не станет правых, виноватых.

ЗАНАВЕС

Разговоры в фойе:

— Разве мир — подмости для актёрства?
— Скрыта в пьесе страшная идея.
— Господи, так чувствуешь позор свой!
— Граждане, ответьте, где я, где я?..

1985

ПОСЛЕ КИНОФИЛЬМА “ЧИСТОЕ НЕБО”

Да не подкосит души нам усталость!
Шуршу до исступления листьями...
Мне деревья зелёными листьями ласкают лоб.
А на бумаге запятые стаями
ехидничают злобно.
Они мне говорят, что я — синица,
что море не горит и нет огнива,
что я не бодрствую,
что всё мне только снится,
что, как пенсионер,
вяжу на спицах
чулки
несуществующим внучатам,
что жалобы в инстанции пишу.

А я встаю. И окна выставляю.
И запятые исчезают сами.
Догадка пробирается лесами.
Идёт висячими над реками мостами.
И озаряет голову мою,
когда не звёздами,
то, верно, светляками.

И всё, что было раньше моментальным,
становится сейчас монументальным.
И тот, кто был ещё вчера опальным,
привозит с моря Чёрного опалы
и золотой любитесь звездой...

... светает. В проходящую машину
сажусь.

— На тридцать первый километр;
деревня там. И молоко парное.
А вдруг смогу решить то основное,
чего я в городе не смог решить?

Там, вероятно, чутким стану,
как чуток на рассвете лес.

Как поле — зорким...

Будет странной
казаться суতোлка лет.

И через мироощущенье
найду я к миру отношенья.

И вот тогда вино колхозных яблонь
не превратится
в ядовитое вино.

И сноп пшеничный
доброй бабой
войдёт ко мне через окно:
незарешеченно оно.

1962

БЕССОННИЦА

Опять ко мне
приходит он из детства.
Что за привычка
шляться по ночам?
И никуда
мне от него не деться,
и надо отвечать,
а не молчать...
Он выбирает час,
смещает время.
Зачем
он хочет знать,
каким я стал?
И вздрагивает
клеточками всеми,
боясь услышать вдруг,
что я устал.
... был мальчик этот
жёлудю подобен...
Как вглубь вращал,
как ввысь произрастал!
Жил, как дышал,
что значит —
был свободен.
Но этого
пацан
не сознавал.

1978

ТВЁРДОСТЬ

Удивителен мир
и в разлуках,
и в радостях встреч,
и в безумствах любви,
и когда
ты от смерти на волос.
Это чувство
хочу
до конца
сохранить и сберечь:
только мне самому
повинуется голос.
Про чужую беду
никогда не скажу:
“Всё равно...”
И неверную милую
не заревную.
Никогда
вы меня
не столкнёте на дно...
Не советуйте выбрать
дорогу иную.
Удивителен мир.
И должны
в нём себя мы беречь!
Мы растаем в него,
как наполненный будущим
колос.
Пусть окрепнут слова,
станет
полной достоинства речь,
пусть не дрогнет
в минуту сомнения
голос.

1978

ПОСТФАКТУМ

*В 1989 г. в списке кандидатов на соискание
Ленинской премии была фамилия великого
русского поэта А. А. Ахматовой.*

Ленинскую премию Ахматовой?!
Что ей жёлтый кругляшок в гробу...
Ильича соратники лохматою
лапой исковеркали судьбу.
Вот она стоит окаменелая,
царственно замкнув усталый слух, —
не ушла от нас с Россией белою:
с красной испила всю горечь мук.
И блудницей звали, и монахиной;
изрыгал грома державный гнев...
От родных осин ей до Монако ли? —
если брошен в клетку мальчик Лев.
Если трижды будучи обещанной
воину, учёному, жрецу,
бесприютною скиталась женщиной,
каменность придав в ночи лицу.
От родных осин ей до Парижа ли? —
если сумасшедшей липы цвет
кружится над теми, кто не выжили
в ледяной купели жутких лет.

Ленинскую премию Ахматовой?! —
если памятника даже нет
ей и тем, кто очередь разматывал
вдоль лубянок СССР чуть свет.
От родных осин — до Таормины ли? —
лавр чужой согрел сугроб чела...
Осю Осипа¹ судьбина минула,
рыжему билет счастливый вынула.
(...чудны, Господи, твои дела...)
До чего, держава, ты кощунственна!
То вершишь расправы без суда,
то даруешь мёртвым так прочувственно
милость без ума и без труда...

1989

¹ Речь идет о судьбах Осипа Манделъштама (1891-1938)
и нобелевского лауреата Иосифа Бродского (1940-1996).

ПАРАДОКСЫ

Опасны непосильный груз
и еретическая тема...
Но нет страшней незримых уз,
нас пеленающих по темя,
когда младенцем, вопреки
в тебе бунтующей природе,
становишься. И у реки
от жажды гибнешь в половодье.
И тяжек не сомнений груз,
не хмурых истин злое бремя,
а то, что пересилил трус,
крапивное лихое семя.
Оправдывая всё и вся,
он оплетает паутиной
и, руку преданно тряся,
клянется дружбою старинной.
Он — сын безвременья, трибун,
необходимый и удобный,
он, имитирующий бунт,
чтоб всё и вся затем угробить.
В дому он рыщет, точно вор,
и ты, себе почти не веря,
ведёшь с ним честный разговор,
вместо того, чтоб выгнать в двери!
И неестественный союз
рождает жалкое исчадьё
глухих, немых, ослепших муз,
застывших, словно на параде.
Безвременье рождает фарс.
И в этом кроются причины
того, что побеждает вас
трус в героической личине.
Безвременья в стране страшусь,
боюсь быть в дружестве я с теми,
кто, несмотря на возраст, ш у с т р,
хотя ослабли мышцы в теле.
Провинциальный чудодей
не дремлет в равнодушьё сытом,
когда идет борьба идей
и бытия с лакейским бытом...
Прожжённый плут, сам черт не брат,
в свершающемся видит средство
переместить со стула зад
в освободившееся кресло.

1986

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Всегда готовы облака
менять свой облик вокруг светила,
в смешную форму облекать
сокрытую — в мягчайшем! — силу.

Верблюды, зайцы, петухи...

О, что за скудость зоосада!

Широколапы лопухи.

Гляжу сквозь них на мир с досадой.

Он благостен, и твердь свята.

... крыло лениво у радара.

... журчит ручей, сиречь, вода.

... стихи читает кто-то даром.

Набор всего, что есть д о б р о .

Всё связано с детерминизмом.

Идеалист прозрел, обрёл
смысл, если не себя, то жизни.

Жар.

Топот.

Выплески бичей.

Светила луч острее лезвия.

Рёв самолета. Вжаться б в щель!

Не осуди —

инстинкт полезный...

Ф-фу! Что за странная затея

считать на небе облака, —

они ж сольются в тучи. В тело

ударит молнии рука.

Ударит

в твердь,

в крыло радара, —

и в синий луг,

и в жёлтый хлеб.

...бьёт дождь в поля — свои литавры.

Он сир, он сер, он сед, он слеп.

1969

ХАРОН

Над рекой натянут трос.
Перевозчик хилый, бледный,
в кепке, зипунишке бедном
клянчит мзду за перевоз.
Кто толпится у реки,
у последнего парома?
Торопиться не с руки,
в путь решившись незнакомый.
Перевозчик увлечён,
он по головам считает.
Ноет левое плечо,
снег на правом рваном тает.
Он на разных языках
хвалит “транспорт” свой рабочий.
А народ его никак
в давке понимать не хочет.
— Что старик талдычит “Стикс”,
объясни нам, переводчик!
Может, сочиняет стих
старикашка-перевозчик?
Вы ошиблись. Всё не так.
Он — прозаик по натуре.
Здесь —
возьмёт он с вас пятак,
там —
сдерёт с вас по три шкуры!
Он готов перевезти
вас и в долг, возьмёт проценты...
Хочет вас он провести,
ловко пользуясь моментом.
Я его перевести
не способен, дай хоть ренту!
... над рекой натянут трос.
И к последнему парому
с раннего утра до звёзд —
очередь, где все знакомы.

1978

В НЕЩЕДРОЕ ВРЕМЯ

В щедрое время
домашний талант
(выведена порода!..)
уверен,
что славы лукавой
зола
важнее
огня в природе.

В нещедрое время
несеяных чувств,
вечную роль
репетируя,
он пробует жизнь
на цвет и на вкус
зубом своим
рептильным.

В нещедрое время
гений такой,
гражданственность имитируя,
охвачен
почти неподдельной
тоской,
глобальной скорбью
о мире.

Способен
и факел зажечь
на ветру,
если пожарный в отпуске.
А нет —
воровато запрячет трут,
кадиллом помашет
в воздухе.

Седает...
И, славы
предчувствуя груз,
живя в предвкушении
праздника,
готовится всех поразить
златоуст
философической фразою.

В нещедрое время
бенгальских огней,
цепляясь
за тогу шекспирову,
домашний талант,
как на... чем-то репей,
который
некому вырвать.

1979

ДВА БЕРЕГА

... да, предстоит воде, земле остыть;
продрогший грач на борозде молчит.
Соединяют зыбкие мосты
два берега, как плоть и дух — врачи.
Вот ртутный столбик замер на нуле,
жизнь свечечкою теплится во мгле...
Пульсируют над миром провода,
но в забытии ночные города.

А ты не спи. Земную колыбель
сам раскачай сильнее, не робей!
Беспомощность отринь. Твоя беда
в движении исчезнет без следа.
И для чего тогда тебе врачи?
Ты с плотью дух огнём соедини.
... взломают лёд горячие ручьи,
над бороздой закружатся грачи.
И станут пламенем — зелёным! — дни
от заморозков озими лечить.

1978

ЯНВАРЬ, 1983

.. летит звезда по небу голубому,
по-молодому первый снег хрустит.
На Кафедральной ель в огнях стоит...
Как это вильнюсцам давно знакомо.
Но чтобы так вот! — в январе с небес
не снег, а дождь хлестал с напором майским?
И люди к ёлке шли в пальто и без
в нелепо добрых карнавальных масках.
Да, что-то происходит явно в мире,
в моей стране и во дворе чужом,
и даже в собственной, друзья, квартире,
поверьте, микроклимат незнаком.
Чудес полна январская природа:
торгуют вербами, фиалками везде;
смягчается в Прибалтике погода,
смягчается характер у людей.
Так что же происходит в мире, в свете,
исполненном добра и зла всегда?
Неужто впрямь счастливей будут дети
и лучшими — грядущие года?
Как хочется уверовать в природу,
в разумный ход истории самой,
в благоприятную для всех погоду
весною, летом, осенью, зимой.

1983

ЗАКАТ

День догорел, доцвёл, достыл.
За горизонт багровый канул.
И снова сожжены мосты,
и треснул раскалённый камень.
Вновь неизвестно, что постылей —
огонь, рука или река,
иль башни призрачных бастилий,
разрушенных наверняка.
... Водораздел.
— Светораздел?
— Кого, помилуйте, раздели?
— К чему стремится ваш предел?
— Да, как вчера погода в Дели?
Разъятость,

разобщённость,

раз...

Ещё бы раз начать всё снова
и прояснить бы дело словом,
исправить исповедь, ну, словом,
не отводить, не прятать глаз.
... власть всё создать.

И уничтожить...

Власть всё забрать.

И всё отдать.

Власть осознать всю горечь тождеств,
связующих, как цепь, года.

Власть осознать, что всё похоже
и всё различно навсегда.

... мосты горят. И путь отрезан.

И можно всё забыть, чтоб бы т ь.

Но прорываются сквозь время

закон и долг,

что значит — быт.

И вот на этом берегу

вздымают плотники стропила,

визжат, захлебываясь пилой,

вплетаясь в неуёмный гул

работы — лучшей панацеи

от сплетен, танков, суеты...

Дом вырастает. Ввысь нацелен.

И вновь наводятся мосты.

25.08.1968

ОСЕНЬ В ПАВИЛЬНИСЕ¹

Ещё до заморозков долго.
И лист холодной росой
промыт. И в чистоте проволглой
он над покоем вознесён.
И невесома паутина,
спустившаяся на ладонь,
рябины ветки едко стынут,
на них — обманчивый огонь.
И только вскрик ворон гортанный,
к тебе врываясь утром в дом,
ударит в память строчкой странной:
“...таится осень за окном...”

Ей верить не спеши напрасно —
она слепа, как быть — не быть.
Вступает разум с сердцем в распри;
всё детский спор: кому водить?

В минуты, видимо, такие
предназначенье бытия
готово сеть свою накинуть
на мысли острые края.
Соединить навек. Сковать
пока разрозненные звенья.
Ты видишь: падает листва.
А что, когда она развевает
все таинства твоей судьбы,
судьбы несрубленных деревьев?
В ней смерти хлад,
любви пыл.
В ней города твои,
деревни.

Вот душу листопад сечёт!
Он вызолачивает крыши,
он предъявляет сердцу счёт,
стучащему все тише-тише...

1968

¹ Предместье Вильнюса.

КОНСТАТАЦИЯ

Иду тропой до ржави выжженной,
в песке теряется мой след.
Тропой такой скользил на лыжах я.
С тех пор прошло сто тысяч лет.

Неужто впрямь была проложена
прямая чёткая лыжня
и представлялась жизнь несложною
в сиянье снега, в беге дня?

Тропа между деревьем вьётся.
Не та тропа, да что пенять...
Всё чаще езжу в отпуск к солнцу,
босой ногой песок пинать.

Живу спокойно, как положено:
сухое пью, ем виноград...
Я знаю все свои возможности,
и мне теперь сам чёрт не брат.

Уже полжизни мною прожито,
не за горою и инфаркт...
Не дать врагам своим по роже мне,
как ни печально, это — факт.

Становится всё больше сложностей
в размереннейшем ритме дня.
Такой далекой, невозможною
мне видится в снегах лыжня...

1978

ОТДОХНОВЕНИЕ

...где бакен клюквинкой светит,
где вечер пронзают стрижи,
где сохнут рыбацкие сети,
приморский посёлок лежит.
Тут в домике беленьком низком
простой, немудрящий уют.
Нежнейшие тамариски
у самых окон цветут.
Кефалью жареной пахнет,
укропом и чесноком.
В измятой джинсо́вой рубаше
стоишь на дворе босиком.
Немало пройдя по свету,
здесь думаешь только о том, —
как здорово, что на свете
мы всё-таки, всё же живём.
Смежаются светло веки...
И вот мы отстранены
от всех сумасшествий века,
как дынный ломтик луны.

1980

НЕ ТОЛЬКО О ТОПОЛЯХ

Пух белый летает, дыхание сушит,
но снежному тополю люди не рады:
противопожарность домов он нарушил,
так что же — под корень его надо?!

Асфальта
губительна чернота,
когда над ним нету
тени листа.

...и всё-таки тополь, сражённый пилою
обрушился навзничь.
Он скрыл под собою,
под зеленью веток упрямых своих
следы — не злодейства! —
деяний тупых.

...по микрорайону, где нет дымоходов,
борец с пожароопасностью ходит...

1976

СУББОТА

Ф.Дектору

Обычный день. На небе синь.
На взгорке притаился ирис.
А я уже, наверно, вырос,
так как лежу совсем без сил.
Испит до дна познания кубок...
(От скромности не умер я.)
Кто в мир пришел,
тот так же убыл,
не потревожив бытия.
Сентябрь запутался в берёзах,
воздушна паутины нить,
и надо мною ветер сник,
и напоён дремотой воздух.
Ручей звонит как пёс звонком
на травле зайцев. На охоте...
Но эта мысль, как тень проходит
ведь я с охотой незнаком.
Я лажу ковш берестяной —
труд мне доселе неизвестный.
И понимаю неуместность
покоя, благодати земной.
Я пью. Захватывает дух.
И понимаю я, о Боже,
что был я к миру просто глух,
что был не путником — прохожим.
Вода хрустально холодна.
На бересте как будто иней.
Жара. Испейте ковш до дна,
быть может, станете счастливей.

1966

КОРРЕКТНОСТЬ

Приходит в гости к нам преподаватель.

Наук каких-то перепродаватель.

Он — эрудит.

Он знает все права твои.

Падеж любой в устах его — как дательный:
— Кому? Чему?

Сидим. Пьём чай. Смотрю внимательно:
грамматика оттиснута на матрице
его мозгов. Себя ругаю матерно,
что прежде верил в каждый слог его —
догматика.

Сидим. Пьём чай. Взаимно обаятельны:
со стороны — ну, право, — два приятеля.

Тишь снизошла на дом и на окрестность...

Корректность к миру нам дает конкретность
того, что называем взглядом, кредо...

Сидим. Пьём чай. Ведём существование
в борьбе за мирное сосуществование.

1965

ПРОДЛЕНИЕ ЛЕТА

Октябрь.

В Пицунде продлеваем лето.

Прижав

к реликтовой сосне висок,

ты слышишь

неизбывный века ток...

(Но я на отдыхе,

зачем писать

про э т о?)

Лучами солнца

всё насквозь прогрето,

и взгляд красивых женщин

так не строг...

Здесь,

развиваются романы

без сюжета,

в подтекст уходят

тема, стиль и слог.

И — славно как! —

никто не ждет ответа

на взрывчатый

опаснейший вопрос,

который без досмотра

в “ТУ” провёз.

Но, впрочем,

стоит ли

писать

про э т о?

(Ещё прочтут

не так, что между строк,

и призовут, —

помилуй Бог! —

к ответу,

и ты тогда,

уж сетуй иль не сетуй,

поймёшь

казённый

напряжённый

слог.)

Как неизбывен всё же

жизни ток!

Из тьмы веков
сосна —
посланец света —
соединяет
с морем небосвод
такой недвижимый
и такой приветный,
что вдаль глядишь ты
без сомнений и тревог.
Волшебно жить
свободным от наветов!
Волшебно чувствовать,
что юн ты и высок,
не помнить зла.
как Тот из Назарета,
презревший
зависть,
гвоздь
и молоток.
Но только слышно,
как натруженно планета
свершает свой
очередной виток,
чтоб,
заполняя
белый лист анкетный,
слукавить
и сфальшивить
ты не мог,
чтоб нравственно...
(Но мы же
 не об э т о м,
когда нам дан
отдохновенья срок.)
... сосна пицундская
качается под ветром,
скрипит
под босоножками песок.
За все содеянное
ты готов к ответу,
готов
 презреть,
 переступить
 порог...

1976

НЕМЫСЛИМО

Немыслимо

скучным быть в городе южном,
шашлык

не запить от души хванчкарой,
не видеть,

как ветер песок разутюжил,
не гладить

собаку ленивой рукой,

не слышать

гортанный говор базарный,

не пробовать

пламень аджики на вкус,

не спорить

с пройдохой Нодаром азартно

о стоимости

кизиловых бус.

Немыслимо

знать, что вчера ты был хуже,

сойти мог,

свернуть с половины пути,

жену

не позвать на дружеский ужин,

от принципов

собственных отойти.

... на солнце

становится профиль медальным,

а губы

от всплесков волны солонь.

И тонок

печальный запах миндальный,

плывущий

откуда-то со стороны.

... забылись

дома в тумане прохладном,

осины,

чернеющие у реки,

и то, что с трибун

кричали надсадно

хмелеющие

от речей дураки...

1978

ПОЖЕЛАНИЕ

У каждого должен быть свой кузнечик
или, в случае крайнем, сверчок.

Правда, второй — житель запечный,
но я тут ни причём.

Выводят на скрипках своих анданте,
встречая рассвет и ночь,
двое маленьких музыкантов
во всю насекомью мочь.

Солнце на запад катит кузнечик,
сверчок его — на восток.

И все же едины букашек речи:
— Вечен зелёный листок!

У каждого должен быть свой кузнечик.

У каждого — свой сверчок.

А если нету — плакать нечего.

Надейся — будет ещё.

1963

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ НА УЛ. ГОГОЛЯ¹

Я из лесу ушёл. И красный ключ зари
повесил на сосну.

И, что ни говори,
одной калиткой больше
оставленною стало.

Их закрывать уже моя рука устала.
Уходит человек. Скрипит за ним засов.

Покинута страна золотоглазых сов,

где в омутах сомы
вздыхают тяжко-влажно,
где всё имеет смысл
необычайно важный.

Идёшь мимо дубов
уверено и весело,
как добрый птицелов,
насвистываешь песенку.

... всё это позади. Погасли фонари.

И, что ни говори, подумать стоит:

все блага жилконтор
и общий разговор

имеют относительную стоимость.

И одному побыть,
и что-то там забыть

теперь непозволительная роскошь.

Мы понимаем быт,
который в души вбит.

И только улыбаемся над прошлым.

Но часто по ночам
приходят в гости к нам
седые хитроватые медведи.

И желтоватый сот, —
в нём вересковый мед, —
они к нам в изголовья
тихо ставят.

У них глаза горят,
они нам говорят

о позабытом, трепетном и старом.

И в эти полчаса
царят, царят леса!

И жить необычайно интересно.

Но что нас утром ждёт
и что произойдёт,

когда вся смута времени воскреснет?

1967

¹ Переименована в улицу А.Сметоны.

ЗРЕЛОСТЬ

Меняю образ жизни на бегу.
И лёгкие по-юношески чисты.
Ещё за горизонтом скрыта пристань,
где легкое п р о с т и сорвётся с губ.

Зачем же в памяти сегодня берегу
трагедию охрипшего солиста,
застывшего, как дерево без листьев,
в тишайший день на голом берегу...

Что одиночество с собой привносит в мысли:
злой шепоток, оваций прошлых гул,
последний шаг к спасительным кулисам?

Меняю образ жизни на бегу,
вступая в круг софитов серебристый.
Теперь солгать никак я не смогу.

1973

ПОСЛЕ ВСЕГО

Ты выжил,
ты вышел...

Сковал

гипс

колено.

Костыль

заскользил по размытости луж.

Под белой броней возмущённые вены

вспухли железно,— рыхлую пену

мёртвых снегов движеньем разрушь!

С неумоимостью анонима

мусор выносит мутный ручей:

смятые пачки скуренной “Примы”,

письма из Глупова, Жмеринки, Рима,

белый пузырь невыразимый

слогом учительским,

хлюпает мимо

взора.

И вздорна, и нелюбима

сорная мысль изречённых речей.

Реминисценция... Это — вид грима!

Но очищается, впрочем, ручей.

Боль отступает. Неошутима...

Выжил. И вышел из мрачного дома.

Хрустче зазубрин ломких костей

взгляды знакомых; почти невесомо

виснет сосулька до первого грома.

Как же шагнуть:

левой иль правой?

Вязкость сомнений тягучей оскомой

нёбо обложит, высушит рот.

Небо над городом зевом огромным,

рокотом дальнего аэродрома

вымотает до жилочек плоть,

вывернет мускулы наоборот.

Время само раздвинуло стены,

вывело зыбкие абрисы луж,

запечатляя несокровенный

и нетаинственный сговор душ.

Высвобождённо течёт кровь по венам,

этой естественности не нарушь...

1986

ИТОГИ

Что знали люди
при коммунизме?
Бесстрашье в смерти
и трусость в жизни.
При наступившем
капитализме
остатки совести
мышь сгрызла.

2000

МОСТОВЫЕ



Генри Ганнибал

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Речь литовскую в свою перелагая.
городом без устали шагаю.
Совершенство готики меня
поражает сходством со стихами:
в пламени застывшего огня
догорают годы мотыльками.
Только город в сердце сохранит
всех шагающих бесстрашно в вечность.
В зимнем небе колокол звонит,
иней опускается на плечи...

УТРО

Площадь,
кудрявая бронза,
сквер.
Над сквером — гора Гедимины.
Город. Смешение наций и вер...
В сердце — сквозняк. Имя
чьё повторяют
твои уста,
город,
ветрами продутый?
Время...
Даже металл перестал
светиться
на куполе утром.
Старая площадь...
Стрелки часов
вытянулись в единицу.
В русле Нерис
закипает кровь, —
цирта идёт нереститься!
Как серебрится
в реке вода!
Как на заре
серёбрится!
Небо
прозрачнее, чем слюда,
но — позагадочней ребуса.
Время...
Троллейбус искру метнул
на вековую брусчатку.
Конь ипподромный
пугливо всхрапнул,
копыто
в камень впечатал.
Город...
Пчёлы в липах гудят,
медовый ветер струится,
алая бабочка вьется
над
временем и столицей.
Город,
сквозь памятных дат
листопад
время
спринтером мчится.

1972

ПАМЯТЬ

Беззвёздную ночью становится память как глина...
И если ты памяти, Вильнюс, коснёшься хоть чуть, —
прохладу твоих переулков локтями раздвину,
скользну филوماتом¹. Три раза в окно постучу.
Филёр не догнал: видно в яме помойной он сгинул.
Теперь не спасти его никакому врачу.

... пирует здесь разум, творящий и дело, и слово.
Свободно течёт польско-русско-литовская речь.
Как гневен сегодня Мицкевич; клеймит строчкой новой,
и профиль чеканен в мерцающем пламени свеч!

... на белое царство бесправья вы подняли руку.
Союз ваш опасней, чем в жерлах чугунных картечь,
которая завтра в каре молчаливое ухнет,
чтоб снег на Сенатской дымящейся кровью обжечь.
Заречье. Сирень. В тишине осторожно-острожной
шаги всё быстрее, уверенней, чётче звучат...
И если мне трудно, в глаза я смотрю всем прохожим:
ищу в них его, чтоб помог мне в решительный час.

...я в гости иду. На ступеньке написано “Salve”².
Навстречу звучит польско-русско-литовская речь.
Прекрасен союз. Я людское содружество славлю
и разум творящий, который должны мы беречь.

1971

¹ Филоматы и филареты — члены тайных патриотических организаций польской молодежи. С 1817 г. А.Мицкевич участвовал в их создании и деятельности.

² Приветствую (лат.).

АНТАКАЛЬНИС

Антакальнис,
асфальтом мокрым лаковым,
рекой стремительной вливайся в летний лес,
где земляникой сладкою полакомлюсь,
излажу буераки все окрест.

Антакальнис...
Собор Петра и Павла
над паствою вознёс ажурный крест.
Плывёт над чёрной речкой голубь плавно,
крылом лаская гладь и синь небес.

Антакальнис...
Поёт труба горниста,
плац содрогается. И я в строю том есть.
Я жил, как мог. Мне трудно было выстоять.
Но незапятнанной осталась в общем честь.

Антакальнис,
твоя прямая линия
стремительней, чем мчащийся экспресс.
Ты в кровь свою кровиночкой прими меня,
и в ней бесследно растворюсь я весь.

1970

В тупых петлях переулках,
я вышел к улице Арклю¹:
четырёхстопный цокот гулко
взорвал брусчатку, точно ключ.
Гул — в звон!

Такою чистотою
он мне умыл усталый слух,
что я подумал — мир устроен
и сам придумал я недуг.
И всякий раз, идя из дому,
шепчу раздумчиво в размер:
“О Вильнюс мой, я твой ведомый,
ты в новом дне меня заметь!”
Пусть прозвучит молебен звучный
на главной площади с утра
о здравии всех невезучих,
в ком боль, как готика, остра.
И если совесть не умолкла,
тогда войдёт в твои дела
предощущение немое,
pronзающее как игла.

1967

¹ Конская (лит.).

ВЕРБНОЕ, СВЯТО-ДУХОВ МОНАСТЫРЬ

...И — в синий разлет суматошно
зелёная бронза звенит!

Пасхальной радостью, прошлым
качает толпу и зенит.

... всадник теряет стремя,
храмы жжёт татарва.

Но — пробегает время,
вновь оживает трава, —
ластится к чёрному камню,
стрела рассыпается в прах.

И польхают канны
(цветы, а не город Канны),
и горькую пьёт враг.

... застыл я у краешка счастья.

Ни шагу вперёд иль назад.
(Вдруг некто в ушанке бесстрастно
советует в храм не “влезать”).

Стою у свечи атеистом,
неверующим в благодать.

Лишь губы шепчут неистово,
что надо и мне воздать.

Католиком,
православным, иудеем стою.

Поверь же, Всевышний, в главное —
у счастья стою на краю!

Так что же ребром тринадцатым
смущает прапамять меня?

Припомнилась операция
на склоне душного дня....

А ночью над спящим Эдемом
взошла — не погасни! — звезда,

подсказывающая тему
на нарах, в цехах, поездах.

Да, не сорвать “стоп-крана”:
мысли не в такт стучат...

Тело Христово — рана,
кровь — на людских плечах.

... связь с прошлым не рвётся — тянется,
эхом звенит в зенит.

Что с нашим миром станется,
если вдруг лопнет нить?..

1967

ПЕРЕД ВЕЧНЫМ ПРОСТОРОМ

Сойдѣшь в Панеряй¹
и замрѣшь перед вечным простором,
и он пред тобою замрѣт,
и острей станет глаз:
заметит амбар,
что в далѣкие годы построен,
и след самолѣта,
с землѣй сохраняющий связь.
Твой слух обострится;
и тайная песня печали
вольѣтся
спасительной влагою
в вены твои,
и смолкнут все войны
губительные за плечами,
и пеньем зальются
невымершие соловьи!
Пахнѣт не соляркѣй,
а соком
холодным кленовым,
и пар от земли
станет плавно и медленно плыть,
и вздрогнет зерно,
наливаясь надеждою новой,
что завтрашний день
будет солнечным светом залит.
Простые слова...
Но, любимая,
это ж над нами
творились недавно
неправеднейшие дела, —
над мглой воркутинской
витает бессонная память,
там чѣрная пыль
перепачкала
красное знамя,
и помнят глаза
синеватую жуткость ствола.
Мы в поле стоим.
И рассветный туман за амбаром
полощется зыбко
суровым тугим полотном.

Земля просыпается,
птица взлетает из яра,
касаясь кустов краснотала
свистящим крылом.
Любимая, было...
Свершалось всё утренней ранью..
Над вечным покоем,
невечный,
ты молча стоишь.
Войною и миром
так с самого детства изранен,
что кожей чувствуешь
эту щемящую тишь.

1973

¹ Окраина Вильнюса, где гитлеровцами и литовскими белоповязочниками было уничтожено около 100 000 человек, преимущественно евреев.

ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Какая туча надо мной!

Края тяжёлые и ровные
скользят над кронами и кровлями,
и раскалённой мостовой...

Стал город сразу незнаком:
я словно никогда в нём не был.

Вот толчея прохожих немо
на миг слилась в подвижный ком, —
стоокий зрак толпы упёрся в небо;
ещё секунда — и ударит гром.

Я пропущу бегущих горожан,
стремящихся в подъездик тесный.
Лавиной катятся — попробуй удержать!
Пожалуй, позвоночник треснет.

Какое пиршество ликующей воды!
Здесь торжествует брызг легчайший дым!

На площадь Ленина ручьи
врываються с тропинок парка,
под сенью бронзовой руки
мальчишки шлёпают азартно.

... но рассекла ладонь — корявый серп —
мой город пополам: на темь и свет.

Легчайший дым, легчайший дым...

Он ветром без следа развеян.
Уже неловко зваться молодым,
кокетничать неведеньем простым,
когда безверием и верою проверен.

И всё ж, прислушиваясь к гражданам седым,
познавшим путь с рассвета до заката,
сменившим радость вин на грусть лекарства,
не изменю привычкам молодым...

Душа, ты за уверенность прости;
сам знаю — не становимся моложе,
и в кассу времени летит
то, что всего, всего дороже.

Летят прощальный поцелуй
(ну почему, зачем прощальный?),
законченной работы гул
(чудесно как её начало!),
летят на мушку журавли
(потом убийство это “спрыснут”),
а по обочинам земли
летят,

 желтеют

 в осень

 листья.

1967

ГЛАЗА

Пятый год. На Трёхкрестовке ветер.
Над водой, над самой крутизной,
вы целуетесь. Одни на целом свете,
переполненном голубизной.
Нежным её высвечены цветом
облака, гектографы, река.
Сумасбродства гимназических поэтов,
вышедших на прозу баррикад.

Юные, почти ещё что дети!
Шагу не ступили вы назад.
Вижу из своих десятилетий
ваши васильковые глаза...
Не страшит тюремная карета.
Выбрана тернистая стезя,
и полны неугасимым светом
яростные синие глаза...

Сталь иссинь-чёрная браслетом
сжала руки. Сердце — холодком.
Козырным ведёт себя валетом
подпоручик, щёлкая ключом.
— Пли! —

так сладок воздух на рассвете.
... птицы позже загалдят в лесу...
Это воины упали, а не дети,
на голубоватую росу.

... ласковое солнечное лето!
Городом классических гравюр
девушка проходит в платье светлом.
С юношей. В глазах у них — лазурь.

1970

ВЕЧЕР

... не дрогнет камень
арок сопряжённых...
Вцепился лист в брусчатку, —
как разлапист!
Струится ямб в медлительный анапест,
пила в бревно вгрызается со стоном...
Не греет голубя

ни корм,

ни красный камень;

дождями
черепицу моет осень.
На старой улочке
у тверди барбакана¹
два реставратора
в носилках щебень носят.

Пора осенняя...
По стрелкам циферблата
восходит вечер.
Кафедральной площади
не озариться пламенем заката;
зачем внушать,
что стали нынче
проще дни?...
К кому спешит
в плащишке узком женщина,
оставлен к т о? —
кого это касается...
Когда с плеча
струится так торжественно
янтарная змея — коса её.
Троллейбус
искры белые роняет.
За ним с авоською трусит
глава семейства.
Освещена консерватория огнями.
Так не молчи —
поплачь или посмейся!
Стозвучие
неистовствует в доме.
Кто расплескал
в нем по паркетам скерцо?
Всё хорошо.
И всё разумно. Кроме
усталости и равнодушья...

1972

¹ Барбакан — оборонительное сооружение в виде ловушки между наружными и внутренними стенами крепости. Подобные встречаются и в русских северных монастырях и кремлях, называются захаб или кожух.

КОНЦЕРТ ДЛЯ САКСОФОНА НА МОСТОВОЙ

... и город ночной растворился во мне,
я тысячи раз это видел во сне;
и хлынули с неба высокие звуки,
нашедшие тело на гибельном дне.
Мы долго учились ненужной науке
у пустопорожних лукавых людей,
но город, поверив нам, взял на поруки,
булыжники вывернув из-под корней.
...растерянно ищет очки книгочей,
коленями выерзав мостовую,
вперяясь очами в страницу пустую,
под силу кому заполнить такую?..

Нас время качало прозрачной волной,
со дна подымало над ложью и бытом,
и чревом урчал базар городской,
голодных людей переваривал сыто.
Джазмен утверждал на глухих обозясь:
“Не перековать саксофон на орало!..”
Мелодия деревом произрастала,
над “Нерингою”¹ листвою клубясь.
Не надо в расхожих сужденьях спешить,
поспешность в сужденьях порой меднолоба,
отсутствие слуха — случай особый,
безвременье следует пережить.

Сияли софиты, блестели панели,
сетчаткою радужной вспыхивал глаз,
и в клавишах растворялся Ганелин,
и одновременно оплакивал нас.
Субстанция времени в венах густела,
небесную сферу пронзил дырокол,
входила душа в брненное тело,
то, на которое

ты был зол,
когда засыпал и когда умирал,
когда уходит от безумной погони,
когда превращался в холодный металл,
сжигающий

чужие
ладони.

... булыжная кладка — чешуйчатый плащ,
он на землю города сброшен не нами;
укутай им тело. Ни стон чтоб, ни плач
не потревожили старые камни.
Высокую тему ведёт саксофон,
булыжник устал от луны серебриться,
и бродит по улицам призрачный сон,
высвечивая взыскующе лица.

... и город ночной растворился во мне
и плазмой стал в кровеносных сосудах,
и в тело вернулся в сквозной тишине
оглохший, ослепший бедный рассудок.

1985

¹ Кафе в Вильнюсе, в котором когда-то играло знаменитое трио композитора В.Ганелина, В.Тарасова, В.Чекакина.

КОСТЁЛ СВ. АННЫ¹

Переулком иду я к тебе среди прочих
атеистов; рокочет вечерний орган.
Вот брусчатку пред храмом ковш раскурочил.
...листья падают липко на мокрый реглан...
Спотыкаясь о камни, обломки металла,
о кривые рогатины чёрных корней,
вспоминаешь той музыки дивное жало,
низводящее душу и тело на нет.
Не сбежала ты, Аннушка от Бернардинца,
ухватил он тебя над обрывом реки.
... и не в небо взлететь, и не утопиться, —
в краснокаменных складках его кулаки.
Но, скрутив грубо локти, не сделал покорной,
ты презрела насилье, осилила страх,
полыхнула зарёй; и раскаркался ворон,
и крестились кожевник, столяр и монах!
Ты не стала покорной. Тебе прихожане
поверяли о вольности мысли свои,
и бунтарские думы впитала ты, Анна,
и признания тайные первой любви.
Ни женой ты не стала, ни девкой гулящей.
Бернардинец напрасно руки ломал,
нависал над тобою, как коршун и ящер;
кружев алых твоих он так и не измял!
Их касались Мицкевич и Калиновский,
рокотал, раскаляясь, вечерний орган.
... ветер рвёт бернардинской рясы обноски
и к твоим их бросает, Анна, ногам.

1984

¹ Костёл Св. Анны — жемчужина вильнюсской готики XVI в, к которому примыкает Бернардинский монастырь.

РАВНОДЕНСТВИЕ

Арсению А.Тарковскому

Над Вильнюсом гудит листва.
Сегодня равноденствие.
Скользит в полночи Литва;
теряю равновесие...
День равен ночи. Это так.
Но разве смысл во времени?..
Стучат часы тик-так, тик-так
над головой, деревьями.
Но только что же делать мне, —
я ж разделён во времени...
Что есть во мне, что есть вовне?
Неподдавайся бремени!
Железный волк оскалил пасть.
Не мне ли это знаменье —
жить на земле литовской, пасть
в полях её на камни?..
Ты — перекрёсток на пути!
Крещение Ганнибала...
Литву в пути не обойти.
Вот в этом смысл немалый.
Поджарой гончей мчится ночь,
посвёркивая лапами.
Смятения не превозмочь,
не скрыто сердце латами.
Клён изогнулся, тетива
коснулась мочки уха.
Стрела права, когда слова
бьют мимо цели глухо.

15 МАЯ 1984

*Т.А.Озерской,
А.А.Тарковскому*

В Переделкине черёмуха цветёт,
старый мастер в Переделкине живёт.
Плоть изранена, и голос болевой,
самолёт ревёт над белой головой,
соколиные прищурены глаза,
пузырится холодком в стекле нарзан.

... одиночество приходит как вина,
выпить что ли итальянского вина...

На пригорке фиолетова сирень,
у Татьяны Алексеевны мигрень,
бирюзовые прищурены глаза,
говорит она: “Курить тебе нельзя...
Жили разное мы, но разное — никогда,
и на этот раз минует нас беда”.

... горьковато итальянское вино,
вот такое получается кино...

Самолёта оглушительный аккорд!
— Для чего перевела “Аэропорт”?

Засинели купола. В беседке — тень.
Вот бы выдумать от времени жень-шень,
не бывало б виноватых без вины
и Отечественной не было войны,
замечательно всё было у страны!

1984

ОЧИЩЕНИЕ

“Вера без дел мертва есть”!

Снег на Вильнюс сошёл!
Опрокинулось на землю небо,
под ногами прохожих асфальт превратился в каток.
Март такой молодой,
что любой разгадаешь ты ребус
в этой ясной метелице дней без житейских тревог.

... только разве возможно,
когда напряжён ты
и не чувствуешь первых
весенних лучей золотых,
проникающих в кровь,
пропадающих за горизонтом,
согревающих лужи
на выщербленных мостовых.

Я давно уже знаю:
не слово первично, а дело.
Но без слова нельзя
докричаться до праздной души,
что разрушила мозг, обокрала карманы и тело
и глумливо сказала тебе:

“Не дыши!”

От неё я бежал
в рестораны и аэропорты,
но повсюду спиной ощущал наступающий взор:
“Ты не умер ещё?..”

И сжималось упруго аорта:
“Я не умер. Ещё незакончен наш спор”.

... перестуки колес. В неизвестность

и в муки влечение.

Перевёрнуто небо.
Стареет безжалостно мать.
Умирает отец.
И свершается круговращенье.
Только праздной душе
никогда ничего не понять.

Никогда,
никогда
к ней нельзя относиться любовно.
Эксплуатирует праздность
тобой невзраченных детей...
Слово в дело вбиваю,
я сам напряжён, как обойма!
Март такой молодой,
воробьи гомонят так разбойно!
... облака надо мной — тени близких людей.

1982

¹ Соборное послание Св. Апостола Иакова. Гл. II, стих 20.

ЧЕМ ПАХНЕТ АСФАЛЬТ

Пахнет Вильнюс мой в июне
свежескошенной травой.
Я давно, увы, не юный,
не качайте головою...
Чёрный дрозд в закрытом клюве
держит жёлтую ромашку.
Запоёт, и приколю вам
ту ромашку на рубашку.
Замечательно в июне,
что же, туча, небо застишь?
Ветер сумрак с неба сдунет,
окна все открыты настезь!
Сняты старые портреты,
новые завхоз повесил...
Удивительное лето,
почему ты, дрозд, невесел?
Что же мучает, испуг ли —
ты заложник иль наследник?
... дрозд крылом листву обуглил
и пропал в кустах бесследно...
Мы сидели в центре сквера,
вы гадали на ромашке.
Выходило дурно, скверно,
кто виновен был в промашке?
Только всё-таки в июне
замечательно, чудесно!
Чёрный дрозд ромашку склонет
выведет печально песню...
До свидания в июле,
не качайте головою.
В юности нас обманули, —
пахнет сеном, не травой.

1984

ЭПИЛОГ К ГОРОДСКОЙ ПОЭМЕ

Я написал поэму “Мостовые”,
 о чём не ведали ночные постовые,
 моргал беспомощно трёхглазый светофор,
 звезда звезде шептала всякий вздор.
 Летали спутники, вдрызг издырявив небо,
 в нём белокрылый ангел канул в небыль.
 Трель милицейского свистка

хлестнула в уши,
 какие правила движенья я нарушил?
 И предо мною вырос, что укор,
 в рост человеческий глухой забор.
 За ним стоял небритый строгий каменщик,
 но! — не масон; кирпич взлетал сверкающе.
 Так вырастали стены.

Новый город
 был лентою асфальтовой распорот.
 Луной, как жестяной консервной крышкой,
 был в космос вход закрыт над телевышкой.
 Но что нам Мироздание, когда
 ты непонятен сам себе всегда?
 Туннель закупорен.

Задохлось Мирозданье...
 А человек — упрямое создание!
 Дом строит днём, дом воздвигает ночью,
 и видим здание уже воочью.
 Фундамент прочный, он необычайный —
 из душ людских ликующих, печальных.
 А наши спины — это мостовые,
 к чему же разъяснения пустые...
 Дом подмигнул смородиновым оком,
 стою один в сомнении глубоком:
 какое совершил я нарушение? —
 я просто выбрал встречное движенье!
 Я — часть ночной гудящей мостовой,
 ты понимаешь это, постовой?
 И опоясан туго мостовой
 летящий и скрипящий шар земной.

1984

ПРОЩАЛЬНЫЙ РОМАНС

В Саду молодёжи на ветке рябины,
удравший из клетки, сидит попугай.
Прижавшись к плечу, мне шепнула: “Любимый,
ты птицы диковинной не пугай”
... а снег заметает бывшее порошей
и застит глаза ледяною крупой.
”Ар-р-оша хор-роший... Ар-роша хор-роший...”
Он жёлто-зелёный и голубой!
Сидит попугай, в леденец превращаясь,
некомнатный воздух сквозит над рекой...
И я ухожу от тебя, не прощаясь,
мы разной породы птицы с тобой.
Горчит в подъязычье застывшее слово,
гортань вымерзает у соловья!
Прости, ларинголог, за то, что сурово
все раны врачую давно солью я.
Плечо отведу и уйду от любимой,
к чему мне диковинный попугай?
Отдай на прощанье гроздь мёрзлой рябины,
сказав: “До свиданья, — подумай, — прощай...”
Вороны летают в Саду молодёжи.
По ком этот стон и по ком этот грай?
Сторонний прохожий, я всё подытожил.
Что смотришь? Давай-ка отсюда шагай...
Страна дорогая, притихла ты, что же?
Не строятся замки на зыбком песке...
Снежинка слезою стекает по коже,
и больно на русском молчать языке.

1982

ПЕРЕДЕЛКИНО, СКОРБНЫЙ ДОМ

*“Превозмогая обожанье,
Я наблюдал боготворя,
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.”*

Б. Пастернак

I

... а было всё до удивленья просто:
сместились дни, сгорели в виражах.
Последняя затяжка папирсой,
и замер он, себя в ладонь зажав.

В провидческие сомкнутые веки
плеснулся хаос смутой бытия.
Ах, время, ты — нерасторопный лекарь!
Все хвори века — бестолочь твоя.

Прости-прощай...
Нелепость извинений.
Хула с почётом. (О двузначность слов!)
И всё-таки из пребывания в нетях
вернётся истина под этот кров.

II

... не сорваться бы слову неверному с уст...
Дом был чужд, неуютен и попросту пуст;
на полу карандашный огрызок лежал,
на столе коробок записку прижал.
... я вошёл в этот дом после страшной весны,
недоверчивый сын потрясённой страны.
Я берёзовый лист на окно положил,
вытер пыль, шкаф закрыл. В этом доме я жил.
В этом доме я жил, но когда в нём бывал?
Я записку хозяина прочитал.
Я свой почерк узнал. Голос свой услышал.
А ведь эту записку не я написал...

За мою спиной дверь распахнута в вёсны.
Месяц сушит на звёздах сосновые вёсла.
Ты прости. Скорбный Дом, ты не чужд и не пуст.
... чёрным пламенем вспыхнул розовый куст.
Перевозчик уплыл. И не докричаться...
Что ж, за дело пора самому приниматься.

1964

ПОЛДЕНЬ

Сухой, горячий запах сосен
в янтарном мареве июля
в отдохновение привносит
вкус мёда из гудящих ульев.
И, всё приветствуя под солнцем
(благословенны травы, лето!),
мним — мир из радости был создан,
а мы — его точнейший слепок.

Полны вином зелёным чаши,
сыр с хлебом в жёлтый мёд макаем;
как всё размеренно...

Лишь чаще
касаемся цветов руками.
Везде покой, полно всё светом!
И только самолёт в зените,
прошивший небо белой нитью,
заставил усомниться в этом.

... и неожидан был над летом
гул самолёта грозный, тайный...
А что, когда в предчувствие смертном
он вышел на бомбометанье?

1967

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ О СМЫСЛЕ ИСКУССТВА

Ты спорю чистила картошку,
и кожура, как кружева,
скользила медленно в лукошко,
а я стоял, переживал.
Я только что порезал руку —
так острым полоснул ножом,
что срифмовал её с порукой
не лезть на кухню в царство жён.

Но что я, право, о картошке!
Когда изрезана душа...
Как саднит все внутри, как тошно,
когда, безличием греша,
нож кухонный в руке корявой,
“суд правый” наскоро верша,
выкидывает антраша:
строгает,

режет,

тешет,

правит,

а ты молчишь, едва дыша...

Но ювелирная работа
поэта, токаря, врача
в неторопливом развороте
таит энергию плеча.

... искусство с жизнью в споре вечном.
Художник, это разумеи!
Картошка белизной высвечивает —
творение жены моей...

1968

СОВЕТ

Остуда чувств твоих пройдёт.
Всё будет хорошо на свете:
пахнёт жасмином летний ветер,
и вместо “нечет” выйдет “чёт”.

Шлифуя вены, кровь течёт.

И только вечное движенье
изгонит состоянье лени...

Ты чуда ждёшь? Произойдёт

не таинство — выздоровленье
от сглаза, порчи. От сомненья,
что друг неправильно живёт.

Будь щедр всегда — не на мгновенье!
Тогда звезда твоя взойдёт.

1974

КАНИКУЛЫ

Девочка бежит. Зачем, куда?
Стоит ли в мир взрослых торопиться...
Незамутнена в ручье вода,
и легко крыло любимой птицы.

Хрумкает траву на горке конь.
— Вот на нём бы, дядя, прокатиться!
Робко к холке тянется ладонь
позабывшей школу ученицы.
Брошен томик Блока на песок,
князь Болконский по ночам не снится.
... и — велосипедное мельканье ног,
цвеньканье в лесу живой синицы.

Девочка бежит. Зачем, куда?
Сможешь ли в дне новом повториться,
растворяясь в мире без следа,
за невидимой глазам границей?..

10.04.1980

ДВА ВЕРЛИБРА

I

Осень. Вильнюсская. Стало быть, опрятная.

Ветер листья на липах и клёнах косит.

Под ногами, над головой —

жёлтые,

зелёные,

красные.

Я люблю зелёные. Почему же они

решили запестреть, стать элегантней?

Сорву несколько, покажу приятелям

— Смотрите, что я нашёл!

Но мою руку опередил ветер,

листья, медленно кружась,

упали на тротуар.

Шли люди.

Радовались теплу, смеялись.

Изредка прохожие наступали

на расцветенные овалы и треугольнички.

(Сколько стихов написано про угол и овал!)

Листья сухо потрескивали.

Листья стонали!

А грубые башмаки,

лёгкие лодочки не задерживались.

Налетел слепой дождь.

Зелёные листья

с блестящими на них капельками

упруго покачивались на ножках.

Пёстрые овалы

и треугольнички

сморщились

(сами понимаете, форма тут ни при чём).

Под ногами идущих

свёртывались в грязные комочки.

Я не сорвал

ни

одного

листа.

Очень не хотел разочаровываться.

II

... нынче закончились учения.

И ты обнимаешь меня

обветренного, небритого.

Усталость.

Даже не знаю, ночь ли, день ли...

Но до чего приятно

чувствовать свободное от оружия,

подсумка с патронами, противогаза на боку

тело,

ощущать вхождение крови в нормальный бег,

ритм...

В мозгу,

словно рыбины в совхозном водоёме,

плещутся образы, невыразимые словом,

и губы бормочут;

“Милая, люблю! Люблю... милая...”

Мимо, обтекая нас, — толчея людей.

Но что нам до них! Ведь мы — вдвоём.

Ёмкое слово в д в о ё м . В нём

и объём мира,

и бесконечность окоёма.

Но ты об этом не думаешь. Просто обнимаешь

меня.

Поцелуй твои легки и упруги, как теннисные мячи,

стремительно касающиеся земли

и взлетающие в глубину-голубизну

неба...

Сейчас мы придём домой. Я сниму сапоги,

и прохлада белых простыней закружит нас

ослепительностью январского снега,

и на голубых жилках твоей руки

я прочту наше будущее,

которого вчера ещё не было.

Молетай-Вильнюс-Рудниккай. 1962-1970

И ЭТО — ГЛАВНОЕ

С тех пор как день открыл мне тайну главную,
что белый цвет вторичен в нашем мире,
я семь цветов смешал в огне, расплавившем
лёд черноты в моей квартире.

В ней места нет и грану неуместного.
В ней торжествует самое конкретное.
Жилплощадь временна. Всего-то на три месяца!
А там — в Палангу. Или, может, — в Кретингу.
Ведь жёсткие билеты очень дешёвы,
а расстояния до сказочного близкие.
Прожарюсь на песке. В сосняк заброшенный
войду невозмутимо. Даже истово.
Но нет покоя. Нет и равновесия.
И аксиомы надоело слушать.
Уместен не закон, а — случай.
И это — главное. И это — весело.

И белый свет первичен в ясной светлости.
И физики, увы, они не правы...

Вот яблоки, сорвавшиеся с веток,
прячут в саду, не падая на травы.

22.08.66

МИГ

Какие странные глаза...
В них бродят смутные юнии.
Над головою — образа,
я в доме у немой колдуньи.

Здесь пахнет мятой, чабрецом,
лампадным маслом и извёсткой.
Вот проявляется лицо
на желтизне слепого воска.
Идет немая ворожба.
... в эфире —

лозунги о мире...

Наполнен мёдом старый жбан,
прикрытый
“Сельской жизнью”

в дырах.

... лениво ус пружинит кот,
пчела под когтем острым стихла.
Загадочен молчащий рот,
таящий радости и лихо...

И в доме сумрачно, и жарко,
и закрываются глаза,
и тихо катится с огарка
тугая тусклая слеза.

Скрипит сухая половица,
в печи томится молоко.

Нас — двое. Напряжённы лица,
как будто вместе ждём кого.

А за порогом, над смятеньем
и устремлённую сосной
“МиГ” реактивный, миг весенний
прорезал неподвижный зной.

13 06.66

ЗЕМНОЕ

Водопады листвы
низвергаются в травы.

Зайчик солнечный по уши
в брызгах зелёных...

Нет в лесу виноватых.

Равны все и правы
перед дубом,

берёзой,

осиной

и клёном.

Здесь царит демократия высшей ступени.

И поэтому грубость в лесу невозможна.

Солнце катится по небу

яблоком спелым,

сок его

проникает

в мышцы,

под кожу...

Никогда

мы земли своей не покинем.

Нам ещё

позавидуют гордые птицы.

Сын,

расти васильком

чистым и сильным,

чтобы небо

могло

в тебе отразиться.

Длится жизнь.

Вечен лес.

Разожжём-ка огонь мы.

Половодью листвы

в него литься и литься.

Сын к костру протянул

ладошки-ладони...

Отсвет строгий

упал

нам с женою

на лица.

1977

СЕГОДНЯ

Ещё
собираем грибы мы
и сеть не приходит пустой,
ещё
можно руки вымыть
водой ключевой ледяной.

Ещё
молоко пахнет майской
травой такой молодой,
и Глебушка верит в сказки
с Жар-птицей и Бабой-Ягой.

Ещё мы за мир в целом мире
борьбу неустанно ведём,
ещё
верят люди в квартирах,
что застрахован их дом.

Ещё мы такие наивные,
что хочется жить и жить,
ещё называем по имени
тех, кого надо забыть...

1978

НАДЕЖДА

День исполнен полнозвучья,
в почках клейких ветвь...
Этот год, конечно, лучше
прежних прошлых лет.
Дрозд задорно песню свищет, —
слушай, не дыши!
Чем богат и в чём ты нищий?
Думай, не спеши...
Отразься от стёкол окон,
пасмурных людей,
баночку с кленовым соком
солнца луч задел.
Нет отныне равнодушных,
пьяных больше нет.
Нету праведников скучных,
сгинул трусов след.
В чьи же ты прольёшь ладони
платину волос?
Что оставит в нашем доме
этот странный гость?
День исполнен полнозвучья,
ровен тихий свет.
Верим в то, что будет лучше
много-много лет...

1977

ПАМЯТИ ОТЦА

Я задушил бессильный стон,
и жёстче стали губы, резче,
когда служитель, выйдя вон,
привычно выдохнул на свечи.

... и кто-то говорил слова,
стыл орден, жёлтые медали...
И то, что, мама, ты — вдова,
мы до конца не понимали.

Плыл гроб подобием ствола,
оставившего в тверди корни,
кощунственно светла была
мелодия в печали скорбной.

Потом не раз нахлынет боль,
не раз потяжелеют плечи
от мысли: “Не были с тобой,
отец, мы в твой последний вечер”.

Теперь не раз сюда придём,
не раз себе мы суд устроим
за наш осиротевший дом,
который тщетно ты нам строил.

1982

ИМЯ

Стелется, стелется запах жасминный,
облаком белым скрыв полземли.

Я не в отца уже верую — в сына.
Благослови!

Горькая чаша мальчика минет,
горние звезды брезжут вдали.
Только одно повторяю я имя.
Благослови!

Больше никто камня не кинет,
собраны все; недвижны в пыли.
Мчатся по ним — не кони! — машины.
Благослови!

Соль не рассыпем вечером синим,
и не потонут в ночи корабли.
Пахнет жасмином, а не бензином.
Благослови!

Чьё, почему повторяю я имя,
кто там скрывается в чёрной дали?..
Утро прогорклым затянуто дымом,
ветер жасминный,
печаль
утоли!

1980

НОЧЬ

Звезда мерцала синей сливой
на незаметной ветви ночи...
И предугадывался ливень,
и месяц новый путь пророчил.
А в резком посвисте таинственном
стремительно нетопыри,
как истребители, над листьями
преследовали тень зари.

Тревожны твари бессловесные.

Их не пугай! Им не вреди!

Они — непонятые вестники,
не знаю, радости ль, беды.

Но верится:

никто не выстрелит
и не введёт меня в озноб.

И вражий взгляд
не вспыхнет искрою

за чуткою моей спиной.

А сливы, сливы, сливы падают...

Ну что б сдержать полёт одной!

И молния — ночная радуга —
над всей сумятицей земной.

1968

1945

Прошное выносимо,
прошлое выразимо,
долгая память детства,
льют обложные дожди.
Помню твоё имя,
помню и вечер зимний,
помню и некуда деться
от твоего “Подожди!”
Было: мычал телёнок,
плакал голодный ребёнок,
на полустанке вьюжном
остановился состав.
Дым уходил в сторонку,
вычернив похоронку,
кашлял солдат недужный,
на костылях привстав.
Бабка сидела в исподнем,
внук щёлкал вшей подле,
и гармонист безногий
мучил чужой баян.
Фрицев побили подлых,
жить стало можно вроде...
Жрал спекулянт миногу,
сыт, жирнощёк и пьян.
... после была Победа,
это я к ней еду...
Тронулся, “засифонив”,
на запад длинный состав.
На чемоданишке бедном
сплю, словно принц наследный,
худенькие ладони
в стороны разметав...

1982

БАРЕЛЬЕФЫ

1. КАЗИС ВАЛАЙТИС

Зелёным облаком качается сосна,
пикируют иголки на палатку...

И, сладко ошалевший ото сна,
выходит из нее Казис Валайтис.

Валяюсь на траве. За ним слежу:
до хруста он заламывает руки,
шагает, ловит утренние звуки
и подымает старую вожжу,
дабы ошейник сладить доброй суке,
улёгшейся на древнюю межу.

Художник...

Знает:

будет знаменит
в ваянии, мозаике, чеканке.

Он,
запрокинув голову в зенит,
пьёт молоко на клеверной полянке,
припоминая сон:

... рождён без рук,
... велением богов он — Скульптор.
... дана задача: вычеканить круг —
прообраз общности, движенья.

Крупно
природа подшутила над судьбой...
Но прекословить повеленью невозможно.

И вот ваятель
по чекану бьет... скулой!
И поддаётся медь стихии непреложной.

Разбиты скулы. Зубы стисни. Бей!

Губами полируй металл до блеска.

Что делать, если ты родился б е з?

(Круг станет колесом. Стерпи боль, Слесарь!).

... когда ж окончен был тот тяжкий труд, —
ожгла
 кровь с подбородка
 грудь и плечи, —
он ощутил крыла —
предтечи рук.
И трепет неизвестности. И вечность.
Упал. Заснул. А утром пережил
всю непривычность радостного дара.
Кость.
Плоть.
Кулак.
Гуденье пальцев.
Жил.
И торжество победного удара.
Казис смеялся. Солнце-одуванчик,
произрастало важно за рекой.
Ковался день. И осызал Валайтис
изваянное звонкою рукой.

1967

2. КОНСТАНТИН ВОРОБЬЁВ

“Ночью му́кою стали слова,
смутен был отдалённый звук,
и раскалывалась голова
в пальцах обессиленных рук.
Плыл неяркий неровный свет,
от себя был уже я далёк,
курский пел в Литве соловей,
за спиной оставался порог...”

Бессловесие немоты
забирало меня в полон...
— Загипсованы разве рты?
Конвоируют в эшелон?
Здесь на белой кровати лежишь,
как на том подмосковном снегу.
— До чего поразительна жизнь! —
после смерти сказать могу.

Меди бас иль серебряный альт
отпоёт скорбно в мартовской мгле?
— Всё равно... Не звучала бы фальшь
никогда на милой земле.

Ночью мукою стали слова...
Неужели настал черёд?
И скрипит подо мной не кровать,
а неверный мартовский лёд.
Неужели мне никогда
не увидеть, как сын живёт,
как светлеет в реке вода,
как лещом в ней солнце плывёт...”

... ты ушёл, как уходит народ,
вместе с ним сделал всё, что мог.
... как неслышно трава растёт,
как неслышно поёт песок.

1975

Я помню, мы вышли на улицу, —
домой идти было рано, —
деревья Никольской церкви
нам вслед шумели листвою,
закат высвечивал окна
на будке подъёмного крана
и золотил булыжник
старенькой мостовой.
Над Кафедральной площадью
мелькнул белокрылый ангел,
ты знал:

неумолима

будет

к тебе

судьба.

Стасис,
но порою мне кажется,
ты уехал в Палангу
и завтра на вильнюсских улицах
я окликну тебя...

1977

КАК МНОГО ЕЩЁ Я НЕ СДЕЛАЛ...

День солнечный, роза цветёт,
пчелиный народец разумный
вкруг стебля вершит хоровод,
подбрюшья сухие латунны.

Кругом Пугачёва поет,
и вторят ей Маши и Дуни.
В лазурь самолётик плывёт,
в нем аэроклубник юный.

Над розой повис самолёт...
В символике много ли смысла?
Вот тот же кудрявый пилот
станет безжалостно лысым.

В трагический круговорот
не тело уходит, а личность.
И в том, что наступит исход, —
высшая диалектичность.

Но именно ей вопреки
на солнце выковывай тело!
Пульсируют мыслью виски:
“Как много ещё я не сделал...”

Над розой висит самолёт,
он выкрашен краскою белой,
и роза спокойно цветёт,
и пчёлы заняты делом.

А вечером трель соловьев...
Классичен пейзажик подлунный!
И роза растёт без шипов, —
вымерли готы и гунны.

Всё в мире понятно без слов,
и время струится по дюнам.
— Какое сегодня число?
— 22 июня...

И розу обжёт небосвод,
обжёт сиротливое тело;
и выдохнул горестно рот:
— Как много

ещё я
не сделал...

22.06.85

И ЗА ПРЕДЕЛОМ...

С.А.Есенину

В беспамятстве стихов — свобода, воля...

Над изголовьем колкий свет свечи.

Губительная радость алкоголя.

Ночь.

Старый клён, забредший в город с поля,

сухую веткою в окно скребёт, стучит.

Опять не спать —

сух скрип кожанок чёрных! —

без “ятей” открывать души грехи...

Озимой зеленью

след плуга к солнцу взорван!

И с красных строк печатают стихи.

Застолье.

Гости.

Голос — выше, звонче!

За тесный стол садятся 26.

А в уши женщина немилая хохочет.

Зачем она, как звать её, бог весть.

Уже не по Европе призрак бродит...

Он входит в дом, —

слетела с петель дверь!

Он входит в плоть, корёжит дух в народе,

и новый век для вас судья теперь.

... судьба — рулетка?

Так играть по крупной!

И за пределом ваша жизнь светла.

Но в горькой чистоте сомкнулись губы,

но пали с неба в рожь перепела.

“Конечно, лучше уходить иначе”, —

застыли слёзы на обиженных щеках.

... вы так по-детски жаждали удачи,

что некому вас было приласкать.

1971

САМОИРОНИЯ

... давно за сорок,
но отдаться прозе —
признать,
что уступаешь молодым.
Признать
к вискам летящий с яблонь дым,
дарить
жене
не страсть свою, а — розы...
Все это вместе —
стать, увы, и н ы м.

... нет,
не спешу
перо направить к прозе...
Но мучаюсь вопросом я одним:
“Зачем дарил я розы на морозе,
зачем спешил не быть я молодым?”

1975-1986

ТАЙНА РОЗЫ

П.Вегину

На валу у Никитских ворот
в мастерской мой приятель живёт.
Тайной розы он занят с утра,
смотрит в темень глухого двора.
А с обломка корявой доски
стружки вьются точь-в-точь лепестки.
На доске он рисует портрет
неизвестной. Знакомый сюжет...
В карандашном наброске — грехи;
отпустить их нам могут стихи!
Сучковата, дуплиста доска,
чёрный грифель сжимает рука.
Чьё лицо ты рисуешь, поэт,
в чьих глазах полутемь, полусвет?
... в полумгле, в полусне вечера...
Что случилось с тобою вчера?
— Колдовал я любимой портрет,
облик скрыт был от всех толщей лет.
Колдовал, заклинал, был нелеп,
на мгновение, Юрий, ослеп!
Но прорвался снопом сквозь дупло
свет, изгнавший из комнаты зло.
Расцвели на обломке доски
розы выстраданной лепестки.

1985

ВОСПРИЯТИЕ

Воспринимаются
с волнением
ручья задорная вода
и вертолётное
паренье
стрекоз над мудростью пруда.
Воспринимаются
с надеждой
интеркосмический полёт,
и ветер белый
с яблонь нежных,
и солнца утренний восход.
И замираешь,
что акустик,
и чутко слушаешь траву.
Так обнажается
искусство,
являя миру плоть свою.

02.10. 78

МОНОЛОГ ДРУГА

Михе Квливидзе

Снова Джвари¹ всплывает
над мцхетским предместьем, ущельем,
и гортанно Арагви
рокочет в сквозной тишине,
срезал с неба звезду
сталью острою месяц ущербный,
купол Светицховели²
в росе, ирреальном огне.

Сколько ж шёл я сюда,
сколько выболел, прежде чем понял —
неприступные горы
доступней, чем сердце твоё.

Я прощенья молю
и последней клянусь я любовью!

...но уже не могу
я своё изменить бытиё...

Здесь на Кунцевском кладбище
сердца частица осталась,
внучкам в белой Москве
непривычен грузинский язык.

И крадётся за мною
волчицей несытой усталость;
да, не юноша я,
но ещё далеко не старик...

Ночью Джвари всплывает
над улочкой старой Арбата,
мне в огне ирреальном
мерещится цокот копыт,
и за все прегрешенья,
за все дорогие утраты
я хочу одного:

чтобы родиной не был забыт.

29.01.81

¹ Джвари — монастырь, выстроенный в VII веке.

² Светицховели — мцхетский собор, где покоятся останки грузинских царей — Ираклия II и Георгия XII, при котором состоялось вступление Грузии в Русское государство.

ЗАПОВЕДИ

... ветер воду рябит.
В дождик по лужам шагай!
Маму свою люби,
деда не забывай...
Шагай, стебелёк прямой,
каждый твой шаг — риск.
Топая ножкой босой,
маленький, не споткнись!
Топай, не наступи
ты на улитку в дождь,
лёгкостью детской ступни
червячка не тревожь.
Вырастешь, станешь большим,
по головам не шагай,
в ярости лет и зим
слабого не обижай!
Встретишь ты на пути
не одного подлеца.
Такому ты не спусти,
не отведи лица!
Станет ломать жизнь,
чести не отдавай,
шею сверни лжи,
ближнего не предай!
Не поддавайся на лесть,
перед наветом не гнись,
всё в нашей жизни есть,
в гневе своём оглянись!
Жизнь — это, мальчик, — риск.
Как по канату идёшь...
Так не смотри вниз
в снег,
в суховей,
в дождь.

1978

МЕТАФОРЫ

Малиновый бок автобуса
напомнил мне сектор глобуса
огнедышащий и пылающий
миномётным стволом лающий.
В цирке зебра выгнула шею,
вспомнил я о чёрной траншее,
перерезавшей сектор глобуса.
Ты не веришь?

Гляди
в оба сам!

Вот такие
сравненья, метафоры
предлагает двадцатый век
автору.

1984

АЛЛИТЕРАЦИИ

I

Зарасай...
Камышовый край,
птичий грай
над грядой озёрной.
Якорь лодочный
выбирай!
На ладонях —
мозоли — зёрна...
На заре замерцай,
Зарасай,
заалевшей звездой
в затоне.
Позвоночник
сгибай,
 разгибай,
и —
 весло
 под рукой
застонет.
Зазвени,
камышовый край,
заливную песнею
засветло.
Разломлю
золотой каравай,
посолю.
 Нет вкуснее
завтрака.
Замечателен
Зарасай
и зимой,
если озеро в застругах.
Здесь лиса
прожигает леса,
здесь лосиха с лосёнком
здравствуют.

Здесь
застуженная земля
зеленя
согревает под снегом,
здесь
завьюженные поля,
здесь
такое
звонкое небо!
Здесь полозья
звонят по льду,
а под ним —
линии златобокие,
разговоры
со мной ведут
до зарниц
озёра глубокие!
Я вернусь к тебе,
Зарасай,
утром ранним,
как было обещано,
я вернусь к тебе,
так и знай,
если жизнь
не залепит затрешины.

II

Рыжевеют
редкие сады.
Пышут, дышат
жаркие плоды.
А дождя
который день всё нет.
Жёсток
в жести листьев
жёлтый цвет.
Жалуется жалобно
инжир:
“Сок мой
превратился
в сладкий жир!”

В жерлах
ржавых бочёк —
сухота.
Жмётся
пёс Джульбарс
в тенёк куста.
Над жуком
заснувшим
шмель жужжит.
От жужжанья
даже
зуб мозжит.
Капнет
капля пота
на живот —
до кишок
она тебя прожжёт!
Под жердиной
сжался в шар
петух.
Он, прошу прощения, —
протух!
Животворна
только
мысль одна:
“Жахнет,
ахнет
молнии струна.
Чашу неба
дождь перевернёт,
все живое
в жадных струях
оживёт”.

1978-1980

ГРОЗОВОЙ ПЕЙЗАЖ В ЯЛТЕ

Солнца
круг качнулся...
И перед грозой
жёлтой доскою
заскрипел причал.
Над рыбацкой лодкой
парусом лазоревым
бакланёнок весело

про-
кри-
чал.

Гребни моря Чёрного
в высверках багряных.
Серебрится бешеный
перехлёт дождей.
Прут упрямо волны —
белые бараны —
на шершавый камень

пло-
ща-
дей.

Грянуло жестоко,
и — столпотворенье!
Щукой замирает
хищный лимузин.
“Ох, не покушенье ль?” —
с заднего сиденья
кто-то пальцем в небо

по-
гро-
“ЗИЛ”.

Аж закаменели
милиционеры...
Бабка поскользнулась:
“Вот, милоч, беда!”
Бомбой прокатился
помидор по серой
набережной города,
а за ним — вода!

Как поток клокочет!
Город будет чистым.
Всё уравновесят
времени весы...
Станцию любую
выловит транзистор.
Руки вскинет к солнцу
загорелый сын.
Бакланёнок в туче
изумляет взор его,
золотятся Глебовы
карие глаза:
вышли в море лодки,
паруса лазоревы,
и не хочет кланяться
стойкая лоза...

1974

ЗНОЙ

Зной обрушился в сад, задыхаясь в безветрии.
Зной, как огненный коршун, крылья сложил.
И сгорали недвижимые горькие ветви.
И земля напряглась до гудения жил.

Зной взахлёб. Торопясь.

Пил зелёную свежесть.

Зной шалел и хмелел
от победной тоски.

Он уже не хотел.

Он и сам был
поверженным.

И звенели
до боли
сухие
виски.

Зной искал утоленья в неистовстве алчушем,
в нетерпенье своем он глодал. Голодал.

Озверевший, он стал неразумнейшим мальчиком.
Он не взял ничего. Он себя лишь отдал...

1966

ВЕСНА

Лучом взметнулся в небо тополь,
он целит в огненный зрачок.
Лёд взрывчат, точно водка в стопках.
Ещё толчок, ещё глоток!
Река не сдерживает силу,
она бурлит, она хмельна!
Вот белое смешалось с синим,
и — неожиданно! — весна...

08.04.70

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Задержать хочу тебя рукой,
милая, побудь часок со мной!
Посидим вдвоём ещё немного,
отойди, прошу я, от порога.
Отчего на сердце непокой?..
Милая, побудь ещё со мной!
Только милая не отвечает,
к её сердцу у меня ключа нет.
Приключился случай вот такой.
Оттого на сердце непокой...
И живу я в веренице дней
с мыслями, раздумьями о ней,
о её смешном непостоянстве,
не дающем подчинить пространство,
общую для нас вдвоём тревогу,
общую для нас с тобой дорогу,
по которой столько лет иду,
всё иду себе я на беду...
Впрочем, обижаться я не буду,
буду верить будущему чуду —
в постоянство, торжество союза
с милой, скверной девочкою...
Музой.

1980

ЮНОСТЬ

...и непонятная тоска
до жара, холода виска,
неизъяснимого скольжения
по грани самовыражения.
Смушал призывный смутный зов
извечного в крови брожения.
Непонимание азов
науки смерти и рождения.
Косноязычие...
И взлёт
слепящей ясности победной!
И нет провалов и пробелов,
и всё понятно наперёд.
Но вот потерян в жизни брод,
и ясени роняют листья...
И к берегу любви мой плот
не пристаёт: сторела пристань.
Октябрь не выставит плакат:
“Охрана вод в руках народа!”
Над пепелищем — облака,
просящиеся прямо в оды
о всеобъемлющей любви
к трем миллиардам человечества!
... и знали, знали только вы,
что в вас одной — мое отечество...

12.01.67

СНЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Удивительнейшее искусство —
на снегу рисовать цветы...
Крутанись на пятке —
и узкие
расцветут лепестки-следы.
Возникают ромашки, лютики,
чирк носком — готов стебелёк.
Это значит, что я люблю тебя!
Это май
к узким туфелькам лёг.
Удивительное искусство,
заколдованная простота.
Я касаюсь варежкой уст твоих,
не пугайся, я просто так!
Как прекрасен в январском
холоде
синий, розовый, жёлтый снег.
Видишь, там, за берёзою,
холм один?
Он таинствен в летучем сне.
Ни синицы
на веточках кустика!
Даже чёрной вороны нет.
Даже чуткое ухо акустика
не услышит, дышит ли снег.
Но —
 какое пространство
для творчества!
Рисования снежных цветов...
Я, наверное, даже
зорче стал.
Май сменять на январь готов.
... родилась ты весенним месяцем
под созвездием Близнецов
и твоё созвездие весело
осыпается белой листвой...
Не пугайся, приблизь лицо.

13.01.67

ПОД ПРОЖЕКТОРАМИ

Слышу в подъезде чужом затихающий смех,
тщетно вдогон я тянусь помертвевшей рукою, —
шубки-дублёнки вытертый ласковый мех
выскользнул мягко, обжѣг пустотою сквозною.
Знаю, что больше я в этот подъезд — ни ногой,
снег у подъезда и до меня был затоптан...
Тополь без листьев стоит совершенно нагой,
а на такой прожекторы вешать удобно.
Век электричества... Стало быть, освещена
тайна, которой дѳлжно таиться бы в сердце,
вот и она для кого-то овеществлена,
и от сознания бессилия некуда деться.
Свет электрический выжелтил стол и постель,
прошлое высветил он на лице незнакомки...
Тополю голому снится зелёная ель,
что обронила иголки свои, как заколки.
В хвойном лесу, где нет света, стоит перед ним,
знает, что некому их объясненья нарушить.
Будет же свет повстречавшихся душ негасим!
Слух свой замкнѳм, чтоб чужие беседы не слушать.

1984

НОЧНОЙ СНИМОК

Дарует ночь
звезды падучей след,
мерцает грудь, —
не грозди ль винограда?..
Тыходишь в море.
Ты смеёшься. Рада,
что так лукав в Тавриде
лунный свет.
Зажмурь
глаза на миг
до сладкой боли,
отдай плечо
во власть прожекторов...
Пусть
треугольник ослепительный
напомнит,
что дерзновенно в теле
бродит кровь!
Фосфоресцируешь,
губами ловишь брызги,
упругой рыбой
режешь
плоть волны...
Как торжествует луч!
Сейчас он вызнал
всё то,
что
ты
пускать боялась в сны.

18.09.74

ГОВОРИ

Н.К.

На веранде фонарь горит,
бьётся бабочек стая в стекло.

Ты не спи, до зари говори,
как со мною тебе повезло,

говори мне такие слова,
чтоб — завистникам всем назло! —
не седела моя голова,
не дрожало в руке весло.

Слышишь ясный в ночи прибой?
Говори со мной, как волна,
говори, как луч голубой,
как огромная тишина...

Говори мне такие слова,
чтоб солома чернеющих крыш
ожила, как под ливнем трава.

Говори! Ты не слушаешь.
Спишь...

28.08.80

ТОГДА

Как мало о любви мы с вами знали!
Каким счастливым, нет, наивным был тот год,
когда часов, увы, не наблюдали,
не верили, что всё же час пробыёт.
Брусничная поляна пламенела
под ветром рыжих расплетённых кос.
Пылал костёр. И нам — какое дело! —
что оштрафует за огонь лесхоз.
Как весело мы с вами колдовали
на семизвёздной зелени листа,
не ведая, что знак на нём оставил
крестообразный клюв клеста...

Ещё в ладонях ягоды горели
и терпкость губ была вину сродни.
Но стрелки двигались. И сокращало время —
в крови, в любви и в пенье птичьем — дни.

1968

ПРОЩАНИЕ

И вот последнее прощанье с лесом,
с взметённостью в прозрачность строем сосен,
с рекой и с хутором, стоящим слева,
и справа — с восходящим в полдень солнцем.

Ещё печаль разлуки не успела
взять за живое, душу защемить...

Как юно,
трепетно
и мускулисто тело!
И нет людей счастливее, чем мы.

Доверчива твоя щека, и праздник
глаз твоих щедро светит для меня.
Струятся волосы нетерпеливо наземь,
и о разлуке ты не хочешь знать.

В висках стучат стремительно секунды
прощанием наполненного дня,
и никогда меня ты не осудишь
за то, что мир — а в нём тебя — обнял.

1968

ДОСТОИНСТВО

Вы всё придумали. Тот стриж в полете
разрывом сердца не был остановлен.
Любая смерть, поверьте мне, условна,
как слёзы те, что вы сейчас так льёте
на трубку замершего телефона,
которого непостижима власть,
вместившая и горечь ту, и страсть,
что поселяются в сердцах влюблённых
в вас, слезой омывшей яблоко зрачка.
Но встаньте. Вот — тверда рука.
Я проведу, когда со мной пойдёте
в тот край, что в сердце каждого живёт,
где зрим стрижа непрерывный полёт...
Ведь плакали вы, помню, о полёте?

1968

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

... и встала устало у самого входа,
и прядь золотую с лица убрала...
— Какая неверная стала погода,
болеет невзгодами что-то природа,
всё листья скользят на асфальт со ствола.

Все будни, все праздники однообразны.
Приходит вчерашний непрощенный гость.
Его занимаешь беседою праздною
и гасишь в зрачках огонёк неприязни,
и нервно салфетка вминается в горсть.

Кольцо обручальное заledenело,
кольцу с безымянного не соскользнуть.
На гостя непрощенного поглядела
и всё же признаться ему не посмела,
зачем ослабело безвольное тело,
зачем на чужую упала ты грудь.
И воздух молчания пахнет озоном,
и прядь золотая щекочет висок.
Ты очень любила чай с кислым лимоном,
а гость от изжоги совсем изнемог.

Его не заманишь лимоном на ужин,
твой гость не привык к кипячёной воде.
Он был неплохим семьянином и мужем,
теперь о былом он нисколько не тужит,
не служит уже никому и нигде.

Природа законы сама сотворила,
любви и разлуке назначила срок.
Ты так золотой завиток закрутила,
что гость раскрутить поцелуем не смог.

22.08.86

НЕИЗМЕНА

Когда изменила
любимая, бросьте
высчитывать сердцем плюсы свои;
случившееся объясните просто:
луна, притяженье, прилив, отлив.
Когда она изменила дорогу,
то, значит, не к вам и по ней она шла.
А это ведь — не измена родине,
и вы к изменившей не ведайте зла...

1970

ПРОСТИ

Мне больше стихов не писать о любви,
все строки с пера в пустоту улетели,
исчезли они во вселенской метели
и выстудили капилляры мои.

Ты только себя защищала в любви,
в истерике белой глазами пустела,
и сердце моё, вырываясь из тела,
утратило вмиг притяженье земли.

Последнюю ниточку оборви...

Вдвоём совершаем неправоe дело.

Грешно нам с тобой говорить о любви,
когда из квартиры душа улетела.

1980

ЗНАКОМОЙ

Никогда,
никогда,
никогда
вас крылом не заденет беда.
Под надёжной живёте вы крышей,
ну, а я из игры вашей вышел...
Для чего объяснения теперь?
... ключ в замок...
Дважды вздрогнула дверь,
словно голос:
 “Прости!” — и — “Поверь!”

Надо слов этих жалких быть выше.
По ступенькам спускаюсь всё тише.
И такая вокруг немота,
что забылась дня маета.
Ничего у нас вместе не вышло.
Врёт фольклор про закон и про дышло.
Вас крылом не заденет беда
никогда,
никогда,
никогда.

1978

РАЗРЫВ

Закрыта дверь. И отдан ключ.

Прости.

Прости, любовь. Признание иль призванье?

отречься от бесплодного старанья,

увы, в тупик ведущего пути...

(Но ключ решений гибких и спиральных

всегда крамолен и всегда морален;

и нас не разбирают на активе,

где даже горечь в горле негативна.)

Что объективно

или субъективно?

... но дверь закрыта. Слышно, как звенят

пролёты лестниц от внезапной боли,

и кажется, что, пустоту заполнив,

самоубийцы — дни мои —

летят.

Все в лицедействе!

И не в нём причина

того, что предместкома обличит.

Не только женщины — непоняты мужчины.

Но, может быть, мы подберём ключи.

И вот тогда мы подведём итоги

измене, скрипу-всхлипу половиц.

Ограблен дом...

Бросаются нам в ноги

лишь тени прежде милых лиц.

1968

ОТЧАЯНИЕ

... и тогда я подумал,
что будет с любовью
покончено...
Что балдёжная юность
на этот раз отцвела,
легкомысленные
отзвенели в траве
колокольчики,
и повесился месяц
за выгоном у села.
Я сполна заплатил
подневольную плату
оброчную.
А за выкуп из крепости
всё до полушки отдал,
чтобы только мне голову
ты, любовь,
не морочила,
чтоб от звона того
не осталось следа.
И бессонно вода
жёрнов времени в струях
ворочает.
... перемелется всё...
Но — съедобной ли

будет

мука?

Что там
 вороны чёрные
хрипло мне
напророчили
из прибрежного
мокрого ивняка?
Колокольчика звон
из балдёжной весны
не доносится.
Я остался один.
... ни двора, ни кола...
И по ненаступившей
болдинской осени
панихидно звонят
колокола.

08.10.78

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Это было. Было, да...
Вы сказали это слово.
Ухнули в тумане совы,
в речке замерла вода,
с неба в лес стекла звезда.
Слово это, словно пуля,
в сердце ночи, тишины
разорвалось криком, гулом,
стоном порванной струны.
Это было. Было, да ...
... запах камфоры в палате,
шприц — сосулька в мягкой вате,
но уже сидишь в кровати,
снежные бинты, как латы,
посетители в халатах...
Это было. Было, да...
Вы сказали это слово.
Только снова, снова, снова
загорается звезда,
плещет вольная вода.
Вы сказали:
“Никогда...”

21.01.70

ПРИЗНАНИЕ

... и молодое
светится вино,
волнует
обонянье сулугуни.
Платаны, пальмы.
Всюду — зелень, но
сентябрь с гор
прохладой свежей дунул.
Вот
фиолетовый
ко сну отходит сад;
инжир
сладчайшим соком истекает.
Мне хочется
ещё чуть-чуть устать,
чтоб пасть без сил
на солнцем полный камень.
Кем стала,
станешь ты
в моей судьбе?
Ответит ли
напевный звук свирели...
Любимая,
ты знаешь.
о тебе
не вспоминаю:

ты —

со мной всё время!
... над морем
разливается покой.
Так отчего
звезда в горах угасла?
Ныряю в волны
и ловлю рукой —
пусть тщетно! —
рыбку — призрачное счастье.
Цикады
ошалели у воды.
Всё в лунном свете
кажется прекрасным.
И ярче звёзд
горят в саду плоды.
... и ничего
на свете не напрасно...

03.09.75

ТАВИСУПЛЕБА — СВОБОДА

Не зарифмую платаны с туманом,
но заревную тебя на всю жизнь
к ветру, который точным чеканом
выбил на глыбе базальта карниз.
Юноша бронзовый —

в вымахе гибком! —

перебегает к истоку ручья...

Брызги, рождаясь, сиятельно гибнут,
соприкасаясь с металлом плеча.

Тело мальчишечье, в солнечном горне
твёрдыми мышцами бронзовей!

Слышится вольный, слышится орлий
клёкот над долгим излётом ветвей.

Тависуплеба!

Тависуплеба!

Замерли небо и моря слюда.

Если бы даже я в Грузии не был, —
слово с в о б о д а понял всегда.

Та-

ви-

су-

пле-

ба!

19.09.75

В ГОРАХ

Здесь — Кавказ. Там — Литва.
Только всюду по цвету
хлеб один.
Пусть же здравствует хлеба власть!
На огромной палитре
грузинского лета
мягко светятся пятна
горных террас.

... где фундук
расстелил ветви сказочной сетью,
где листва
затаила калёную медь,
щебет ласточек
дружно приход наш отметил —
эху звонкой латыни не умереть!

Крутизной,
глубиною
расселина манит.
И сверкает ручей у скалы на виске.
Брежут краски Чюрлёниса и Пиросмани,
колосится литовская рожь вдалеке...

15.09.75

НА БАЗАРЕ

... свет приобрёл
объёмность, вещность.
Переизбытку солнца рад —
самовзрывается гранат!
От спелых зёрен, —
 вспыхнув резче,
луч отразился. И стократ
усилился.
Сок терпкий плещет!
И зубы молодо горят
у ахнувших
 в восторге женщин...

21.09.75

ПРЕДЧУВСТВИЕ НЕМОТЫ

Снова предчувствие немоты,
закаменелость полуулыбки;
доски скрипят на мостике зыбком,
тянет упасть с крутой высоты.

Не измеряйте решимость бедой,
петлей тугою, горечью яда,
всё это было, ей-богу... не надо!

Ветви застывшие чёрного сада
тронул морозец льдистой рукой.

Вот опадает на землю листва
в предощущении снегопада.

Невероятно ты этому рада,
кружится небо и голова.

Как же прекрасно, что ты права,
что правота для тебя как награда.

Яда не надо и мёда не надо,
не умирайте до срока, слова!

... бродит в потёмках чужая душа...

... с сердцем в груди никакого нет сладу..

Ты оскорбляешь и словом, и взглядом;
трудно молчать, но труднее дышать.

Это ноябрь вступает в права.

Не дотянулся ты до винограда.

Был ли он зелен или же сладок,
знают дрозды да сухая трава.

В этом предвестии немоты,
той, что тебя настигала и прежде,
слышится голос скрипичный Надежды,
в мир проникающий из темноты.

17.08.81

ИДИЛЛИЯ

Полдень...

Поле в жёлтых прокосах.
Вдоль дороги бредёт коза.
И оранжевые абрикосы
раздражают козе глаза.

Водный лыжник
скользит по морю —
сахарист и рассыпчат след.
Мы с тобою уже не в ссоре:
нет любви, но и радости нет.

Будем мирно
мы есть абрикосы,
не вино пить, а только сок.
Нам спокойствие даром приносит
незлобивый куриный бог.

Позабудем
о разной там нечисти,
что мешала любить общий дом;
нет пророка в своём отечестве,
кто сказал, что он есть в другом?

Как отратно
звонят кузнечики!
Как жуёт абрикосы коза...
Мы молчим. И сказать нам нечего.
Даже лень отводить глаза.

Увезём в прибалтийскую осень
избавление от тревог.
А оранжевые абрикосы
передают в колхозе на сок.

1975

15 НОЯБРЯ

Мы с тобою одни.
Только осени мокрое пламя
тычет морду в ладони,
как в миску с овсянкой щенок.

Тишина.

Листопад.

Тонкий ситец дождей над полями
зарябил, зачастил,
затуманил следы наших ног.

Проскрипела телега.

Всхрапнули усталые кони.

На замолкшем приёмнике
светятся капли росы.

На плече твоём лист.

Не моей ли он юности сколок?

Да не ржাবেет сталь позабытой у стога косы!

Ты — как праздник со мной.

От него никуда мне не деться;

чёрных бабочек стая — зола от ночного костра.

То ли срок наступил

равновесия сердца,

то ли снова пришла

нетерпенья пора...

Не ответит никто.

1972

ВЕЧЕРНЕЕ

Старею...
И никак не постарею.
Зачем лицо
в чужих ладонях грею,
зачем тому,
кто дом хотел разрушить,
наивно открывал
и дверь и душу?
Торопит жизнь:
— Скорее, брат, скорее!
Давным-давно
не в молодой поре я.
И с каждым днём
всё чувствую острее,
что флаг не мой
не пике горном реет.
Печальный факт,
печальные итоги...
Не мною пройдены
твои дороги.
С тобою жил
я только по соседству,
и не касалось чутко
сердце сердца.
Живу...
И ни мудрею, ни старею;
когда не ты, —
быть может, я согрею?
Пустеют наших душ
сады, аллеи.
Старею...
А тебя люблю-жалею.

1980

НА ВОКЗАЛЕ

Расстанемся скоро,
и нам станет плохо;
в фуражке пройдёт машинист.
И — “не уезжай, —
ты промолвишь со вздохом, —
я очень боюсь
в доме крыс”.

Какие у нас
разделённые лица!
“... всех крыс изведёт фокстерьер...”
Нам надо расстаться,
нельзя ошибиться,
чтоб з а в т р а не стало т е п е р ь.
Сто лет пребывали мы в полуобмане
и жили мы в полулюбви.
Цветы не растут
на той ясной поляне!
Следа нет зелёной травы!
Лизнёт на прощание
руку собака,
а впрочем,
её не купил...

Не надо корить, а тем более плакать:
ведь каждый из нас правым был.
Разлука поможет нам стать осторожней,
поможет смелее нам быть.
Без ссор мы расстанемся
пустопорожних,
чтоб о б щ е г о не позабыть.
... вот птицы летают
над чёрной поляной,
и сын легконого бежит...

Сейчас не в глаза,
а в сердца нам он глянет,
и как после этого жить?
Нам страшно.
Зашаркан перрон.
И прощаться —
прилюдно, при всех, на года? —
Как странно,
что стало возможным
признаться
в любви навсегда, навсегда...
Заливисто лает
терьерчик мохнатый,
растут на поляне цветы.
И смотрит в сторонку
наш сын виновато
среди толчеи... пустоты...

1982

МОСКВА, ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Я выну из шкафа бинокль
и наоборот поверну,
увиду в шлифованных стёклах,
отплывшую в дали страну,
где в чьей-то квартире, встав боком,
ты трогаешь клавиш немой,
где музыка льётся из окон
неслышно на рябь мостовой,
где сочные грозди сирени
напрасно струят аромат,
где молча зывают сирены
машин, запрудивших Арбат.

Бинокля забавное свойство
тебя отдалило в страну,
в которой моё беспокойство
ты ставишь себе лишь в вино.
Измены, мои перемены
на свой не записывай счёт,
мы — пленные, мы откровенны,
за что и возмездье грядёт.

Не женщиной, девочкой юной,
в стране отдалённой живёшь.
Вот палец снег клавиша клюнул,
и струны рассыпали дрожь.
А стон из пространства в бинокль
продлился, качнувшись волной,
растерянно и одиноко
к стене ты прильнула спиной.
В сорочке из лёгкого ситца,
почувствовав странный озноб,
ты вздрогнула, сжала ключицы,
и прядь скрыла облачком лоб.

Глухое молчание длится,
и зыбок в окне силуэт.
Сирены безмолвствуют, птицы,
и гаснет лазоревый цвет.

Наэлектризованный воздух,
сверкнув, тронул матовость плеч.
Сирень осыпается звёздно,
слова в речь не могут истечь.
Закованы линзы в оправу,
ты из перспективы плывёшь
сюда, где бьют слева и справа,
где летом и осенью дождь.
Бинокль перевёрнут напрасно:
даль ближе становится, и
твоё отдаленье прекрасно
таинственной силой любви.

1986

24-25 ДЕКАБРЯ

Снежный Тракай, декабрь, Рождество,
свадьба, десять гостей, застолье,
ёлки весёлой взметённый ствол,
колокола костельные стонут.

Тонут в купели метельной огни,
озеро спит, погрузившись в истому.

Нас через час соединит
глаз твоих невыразимый омут.

Тальник прибрежный чернеет в снегу,
розвальни лошадь тянет устало,

я обновляюсь и все ж не смогу
перемениться, Ташенька-Тала...

Ритм стихотворный сталист и жесток,
жизнь — что воротничок у рубахи —

давит. Сверчок знает шесток,
но не желает бедный жить в страхе.

Вот и разбиты бокалы. Вино
залило скатерть, и не к чему плакать!

Если с тобой нам не быть заодно,
то нас обоих настигнет расплата.

Я не наивен, не робок, не юн,
приобретения знаю, потери...

Сколько с того дня минуло лун
и запирались наглухо двери?

В память — тавром! — роковое число.

Ни на кого не хочу обижаться, —
выше всего мне моё ремесло;

сколько же минуло лун?

— Тринадцать...

Снежный Тракай, декабрь, Рождество.

Общего прошлого будем достойны.

Высох у ёлки рождественской ствол,

впрочем, об этом думать не стоит...

1983

РЯБИНОВАЯ КИСТОЧКА

Полпятого. Бронхит. Москва.
И в половину лёгкого
летит литовская листва
метелью жёлтой лёгкою.
Вторую половину “смог”
забил бензинным выхлопом.
... я б разлюбить тебя не смог
и пред последним выдохом...
В предсветный задыхаясь час,
живу в незнание выхода:
как без меня дела у вас,
кого я сердцем выходил?..
Перемогу всё, что смогу,
но одного не вытравить
из памяти в больном мозгу —
дороги общей в рытвинах,
как спотыкались мы на ней,
растрачивали чувства...
И жизнь вдвоём сошла на нет,
и это очень грустно.
Поникла в банке ягод гроздь —
рябиновая кисточка,
и жжёт бронхита горький гвоздь,
и сердце — как на ниточке.

1983

ЛЕСТНИЦА

Наташе

Двадцать две ступеньки — вверх и вниз,
лестница крутая винтовая...

Голос свыше тихий: “Не сорвись,
лёгкой жизни нет и не бывает...”

Лестница узка и без перил,
слева, справа — пустота сквозная.

Кажется идём уже без сил,
каждая ступенька ледяная!

Двадцать две ступеньки — это жизнь.

Лёд и пламень, ложь и правда рядом.

Голос свыше тихий: “Не смирись,
балансируй и не жди награды...”

Двадцать две ступеньки — вверх и вниз,
сделал первый шаг, а там — не сетуй!

За руку мою сильнее держись,
через темень мы выходим к свету.

Двадцать две ступеньки... Аноним
из подвала в спины целит взглядом.

А над нами — белый Серафим,
а под нами — сатана из ада!

Каждая ступенька — это год,
и судьба такая винтовая...

В небо

жизни лестница ведёт,
но об этом речь пойдёт другая.

25.12.93

ЕСЛИ ПОСЛЕ МЕНЯ...

Если после меня на земле
будет так же лить летний дождь,
если после меня на земле
будет так же куститься рожь,
если после меня на земле
будет яблоком солнце плыть,
если после меня на земле
будет сын единственный жить,
если после меня на земле
у врага отсохнет ладонь,
если после меня на земле
не охватит мой дом огонь,
если после меня на земле
не захочешь другого жалеть,
то на этой шальной земле
хоть сейчас готов умереть...

19.02.81

В ПАРИЖСКОМ КАФЕ

Седой воробей вспорхнул на бокал
перно; чирикнул сердито
в лицо. Я подумал: “Старый нахал
с выучкою бандита...”

Тут за последние франки пьёшь,
в кармане — вошь на аркане,
а этот гамен, птичий Гаврош,
в кафе за так хулиганит.

Бусинки глаз — седина в перо! —
катит Надин за вырез,
выпадет всё равно же зеро!..

Тут, пернатый, — не Вильнюс.

Пернатый, “перна”-то за так не нальют,
хоть соловьём здесь выльись.

Чирикай, цени европейский уют,
нюхай, как пахнет ирис.

Надин качнула бокал перно
с замершей птицей-клошаром.

Я было подался вперёд, но,
что ж это — выпить на шару?!

И я шепчу воробью: “Ша, галл,
в обществе ты — поэт!

Как говорил старик Марк Шагал:
“Одетта не нами одета...”

— Шампанского! —

И понимает гарсон,
ведь он на Монмартре вырос,
что нужен не алкоголь, а фасон,
и тут же бутылку вынес.

Нет, я не буду писать роман,
буду крутить романы!..

Милая, визави, я не пьян,
просто жена в тумане...

Не знаю, “Клико” пьём или не “Клико”,
воробушек прыгает прыткий,
и рафинад Сакре-Кёра легко
парит наяву, не с открытки.

На площадь Холма, на мольберты глядишь
взором почти победным,
ещё не веря: “Это — Париж,
тот, что стоит обедни...”

Париж. 1994

ДАТСКОЕ ПОЛЕ

В Дании трудом 1 крестьянина производится с/х продукции на 150 человек.

Пшеница, ячмень к Эльсинору
 волною текут, скрасив путь,
 луч бархатный ластится к морю,
 стада серебристей, чем ртуть
 Горчичное датское поле,
 бродить нам в тебе не с руки, —
 квасной патриот недоволен,
 он вянет и чахнет с тоски.
 ”У нас вот в родном Чернополье
 глаз радуют васильки ...
 — Ну кто, чёрт возьми бы, напомнил,
 что эти цветы — сорняки?!
 “У нас вот в родном Чернополье
 коровы погромче мычат...”
 — Но кто, чёрт возьми бы, напомнил,
 что жрать бедолаги хотят!
 Не будут ломиться амбары,
 копь в небе считаешь ты птиц;
 студентом-ветеринаром
 стал в Дании даже принц!
 “У нас вот в родном Чернополье...”
 — Я сам, чёрт возьми, патриот!
 И глядя на датское поле,
 ему говорю: “Обормот,
 когда же в твоём Чернополье
 пускай пятьдесят человек
 прокормит крестьянин? Исполнив
 долг без директивных помех.
 Квасной патриот, дали б право,
 тебя на горчичном лугу
 на выучку бы оставил
 я классовому врагу”.

Копенгаген-Хельсингёр. 1987

МЕЖДУ БУДУЩИМ И ПРОШЛЫМ

*Служителями в Тауэре работают только
отставные офицеры британской армии.*

Синий Тауэрский мост
через Темзу переброшен,
шпиль тюремный — в небо гвоздь —
золотой сияет брошью.

Смиту дышится легко,
пиво стойко пьёт у стойки;
англичанам — охо-хо! —
далеко до перестройки.¹

Чёрный ворон клюв вострит,
в сукнах алых офицеры
отставные; всякий сыт,
и у всех в порядке нервы.
Лейтенант — армейский хват, —
став лихим экскурсоводом,
про истории расклад
бодро говорит народу.

Над толпою, рыжеус,
как по-писанному шпарит.
(Марс с Меркурием в союз
не за так вступил, не даром.)

Лиза Стюарт для него
то, что для меня сестрица.
Попирает твердь ногой,
как средневековый рыцарь.

Он, конечно, молодец,
гуманист и всё такое...
Но медалька за Суэц
на сукне — пятно густое.

В крепости случайный гость,
разговор веду с веками,
тянущими в завтра хвост,
волочащийся по камню.
Синий Тауэрский мост
между будущим и прошлым,
гамлетовский стон-вопрос
дураками умным брошен.
Казематы... Видел в них
разные приспособленья:
если очень умный, вмиг
приведут тебя к смиренью.
Впрочем, нас не удивишь,
сами знаем не такое...
Лондон, Лондон, трубы крыш
целят в небо голубое.
Да, сияет брошью шпиль,
да, военный к штатским вежлив.
Если в жерлах пушек пыль,
значит, место есть надежде.
Я не зря сюда пришёл:
видится большое в малом, —
это очень хорошо,
что тюрьма музеем стала.

Лондон. 1987

¹ Автор побывал в Великобритании, когда на его родине свирепствовала антиалкогольная кампания. Современники еще помнят, что мечта о кружке пива до 11 часов казалась почти запредельной. Впрочем, и после вышеозначенного срока ввиду полного отсутствия “жидкого хлеба” в торговле.

МАЛЬВЫ В КЕМБРИДЖЕ

Мальвы в Кембридже цветут.
Ньютоны спешат гурьбою...
В городке царит уют,
пахнет речкой и травой.
Каждый гений — завтра лорд,
нобелевским лауреатом
станет. А пока он горд
тем, что постигает атом.
Мимо — шух! Шуршанье шин.
На велосипеде шпарит
граф Кью четвёртый сын
с дочкой дворниковой в паре.
Мальвы в Англии цветут...
Ломоносовы усердно
тоже что-то познают
и живут почти безбедно.
Кембридж. Вот на Силвер-стрит
аспирантик по обмену
мне о доме говорит
и о том, как пахнет сено,
говорит, что нет лекарств
от иммуннодефицита
совести. И без прикрас
говорит о здешнем быте.
Мозг и руки для страны
не рождаются без муки.
Принц и нищий, все равны
перед валуном науки.

Если б было так у нас,
не тонули теплоходы,
не имели дома власть
люди подленькой породы,
не сгнивало бы зерно,
битвою страду не звали,
зарубежное кино
в Госкино не обрезали.
СПИД души страшнее, чем
белый шарик в красной крови,
не воткнуть нас в клетки схем,
homo homini¹ — не ровня.
Есть народ, и есть в нём чернь.
(Ни при чём происхожденье!)
Если совесть выгрыз червь,
нет тогда душе спасенья.
Мы синдром приобрели,
сами же его подавим...
...так по Кембриджу брели
с Димою совсем недавно...
Шли по Силвер-стрит вдвоём,
гласности родные дети;
разговор вели о том,
что неплохо жить на свете.

Кембридж. 1987

¹ Человек человеку (лат).

ДОМ ДЛЯ ПОЭТА

Циркачи, музыканты, актёры, поэты
не живут в неподвижных домах;
лучше баржи жилья для художника нету,
охры тень на голландских холстах...
Надоело, положим, смотреть на порядки,
что завёл твой сосед во дворе,
плюнь на всё. И спокойно, без всякой оглядки,
правь свой дом, хоть к театру Карре...
Надоело, положим, что солнце восходит
утром тусклым с правой руки, —
будет с левой всходить!

Буксирок-пароходик
вас в канал стащит с Амстел-реки.
Надоело, положим, быть чинным, степенным,
слышать жёнину дома ворчню,
уплывай в беспорядок холстов Яна Стена,
за собою не чувствуй вину!
А когда в час последний баржу закачает
и ослабнет мятущийся дух,
то в ночи прокричит и развеет печали
золотой протестантский петух.
Покачнётся земля и разверзнется раной,
померещится вдруг Страшный Суд,
и в дымящемся сердце чёрным тюльпаном
прорастёт неизбежная суть.
Дух окрепнет и станет прочнее, чем дамбы,
наведёт там, где надо, мосты;
и тебя поведёт в выси горние, дабы
ты на мир посмотрел с высоты.

Амстердам. 1987

ПРЕСЫЩЕНИЕ

В Брюсселе нету памятника Тилю,
во Фландрии забыли и о Ламме;
о них в стране, где много разных стилей,
напомнит лишь доска в уютном Дамме.
Ум и Желудок Фландрии — в покое,
и пепел Клааса не требует отмщенья,
и Атомиум не снесут, доколе
туристов не достигнет пресыщенье.
Брюссель прекрасен. Став столицей НАТО,
бельгийцам даровал он искушенье
уверовать, что мир живёт, как надо,
и позабыть, что стал Брюссель мишенью.
Брюссель прекрасен. Тилю-диссиденту
с оппортунистом Ламме эта жизнь
не снилась. Выросший без алиментов,
струю пускает, негодуя, мальчик Пис.

Брюссель-Дамме. 1987

ОТСТРАНЕНИЕ

Вот я иду с тобой
по Будапешту
походкою нездешнею неспешной.
но разделяет нас с тобой Дунай.
Базилика рокошет вслед органом,
в зелёной ризе пастырь, парень странный,
взывает к всепрощению, любви.
Стоим вдвоём на Площади Героев,
всех королей враждой обеспокоив,
а в галерее злой насмешник Гойя
нас заклиняет тоже о любви.
Иду по Буде,
ты проходишь Пештом,
горит в губах сладчайшая черешня,
и палинкою косточка горчит.
Идем вдвоём и всё-таки не рядом,
ты радуешься будущим нарядам,
но прошлое раздето догола!
Я выполню желание любое —
немое и глухое, и слепое! —
чтоб только через мост ты перешла!
Иду я Пештом,
ты проходишь Будой...
Давай мы о Дунае позабудем,
что в нашем разделении ему?
Ворота в крепость старую открыты,
химеры спят, предатели убиты,
так что ж тебе мешает? Не пойму.
Вот так и шли
с тобой по Будапешту
устало, отстранённо и неспешно.
Дунай светился влажной полосой.
И с двух сторон
пришли с тобой мы к мосту,
но сделать первый шаг на мост непросто
над разделяющею нас водой.

1985

ЛЕГЕНДА

Это случилось в XII веке. В одну из ночей жителей Кракова разбудил голос трубы: к стенам города приближался враг. И вдруг сигнал прервался. Вражеская стрела пронзила трубачу горло... Но захватчики не прошли.

Краков проснулся,
встревоженно вздрогнули шпили...
Звук оборвался
на кромке серебряной гаммы.
Это гортань
оперённые стрелы пронзили,
взвизгнули хищно
над поднятыми мостами.
Звук оборвался.
Мелодия, всхлипнув по-женски,
пала на камень
костельный под колоколами...
Отсвет багряный
трепещет на кованой жести,
пламенем плещет
в брусчатку, оконные рамы.
Смелый трубач,
голенастый растерянный мальчик,
губы твои
разорвали ночное молчанье...
Девушка нежная
недоуменно заплачет:
юный трубач
никогда не придёт на свиданье.
Краков проснулся.
И в темени аспидно-адской
белый булат
вспыхнул молний буланых светлее,
то горожане
у башни стоят Мариацкой!
Кости захватчиков
в польской дернине истлеют.
Враг не прошёл.
С того дня по сей день ежечасно
голос трубы
раздаётся как предупрежденье.
Коль над отечеством
снова нависнет опасность,
станет любой гражданин
трубачом без сомненья.

1986

У СТЕН КАЛЕМЕГДАНА¹*“Рукописи не горят”.**М. А. Булгаков.*

Дождь в Белграде...

Промок я до мозга костей

и ушёл к стенам Калемегдана:

ядра, пушки и танки, — Военный музей,

там чернеет плита сталью рваной.

Двадцать две метастазы в броне насчитал,

испытатель был точен и ловок,

и наводит на грустные мысли металл:

жизнь убога, честное слово...

Ну, на что разменял интеллект человек?

Лбом своим прошибает железо!

И тускнеют глаза под чугуном веки,

сморщен мозг от трудов бесполезных!

Янычары, австрийцы и прочий народ

лезли с визгом на древние стены ...

Ну а Сава в Дунай как и прежде течёт,

моет гаубицы ливень весенний.

Броневую плиту бог войны не щадил:

оказался ствол дьявольски прочным.

... если жерла мощны, то всегда нищий тыл,

но об этом не думал наводчик...

Впрочем, танки и гаубицы, что? Ерунда.

То ли дело, нейтронная шлюха!

Сохранит эта бомба деянья труда,

от людей не оставив и духа.

Будет чётко работать завод-автомат:

электронике — тьфу! — на нейтроны.

Это верно, что рукописи не горят,

только кто вот возьмёт их в ладони?..

Ты, Военный музей, как больной человек,

заражён, поражён культом славы,

пустотою зияет твой ржавый доспех,

вылущенный течением Савы.

*Белград. 1988*¹ Старинная крепость на холме Калемегдан на “стрелке” Савы и Дуная.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДИОКЛЕТИАНА

“История злопамятнее народа!”

С.М.Соловьев.

Дух Диоклетиана душей ночью
не может отыскать свой бранный прах.
При перестройке храма саркофаг
перевернули. Мраморным стал зодчий:
исчезли кости, растворясь в кустах
пурпуровых, как утомлённый флаг.
Ты тридцать лет провел в походах, цезарь,
ты завоёвывал, освобождал...
Своё при жизни имя в камне врезал,
и Аспалатос Сплитом белым стал.
Ты в серных термах грел, лечил суставы.
Давили греки масло из оливок
в своих подвалах. Внуки выросли,
и мудрый император был счастлив.
Что войны, если позабыл он о походах,
когда глядел на римский акведук;
дать воду жаждущим, гасить вражду в народах,
не к этому ль его стремился дух?..
Почти двенадцать лет он жил беспечно
на отдыхе. Лелеял тех, кто сир,
не упивался злобою увечной,
и никого не высылал в Сибирь.
Снижал он цены и садил капусту,
за что народ боготворил и чтил,
и “Краткий курс” его деяний с чувством
на память раб и гражданин учил.
И всё же тридцать лет он был тираном,
история злопамятней людей!
Пусть саркофаг. Нет Диоклетиана.
... стенает в корчах дух среди камней...

Сплит. 1988

ОСТРОВ ШОЛТА

“Покой нам только снится.”

А.А.Блок.

Я по острову Шолта болтался весь день,
наступал на рыбацкие сети,
отдыхал под маслинами, прятался в тень
известковых расщелин в зной летний.
И такая царила кругом благодать,
что отдался ей, страха не зная...
И казалось, до рая рукою подать,
и юдоль отступала земная...
Зной такой, что его можно трогать рукой,
и покой нам нисколько не снится.
... лодки сохнут. Под пальмой сижу. И прямой
ствол вулканом зелёным клубится!..

Наливают из амфоры тёмной вино
молодое, как девы дыханье.
Я подобный пейзаж видел только в кино,
что крутили нам после собранья.
Почему же припомнился северный Рим, —
если нежит зрачки гладь морская! —
белый снег январей, городов чёрный дым,
синеву испятнавший мазками?
Но, прижавшись к скале раскалённой спиной,
сознаешь: из юдоли ты выплыл...
Так не мучайся выдуманною виной,
съешь оливку, а косточку выплюнь.

*Остров Шолта,
рыбацкий поселок Маслиница. 1988*

“ЗАВТРАК У АНТОНИО”

*“Жомини до Жомини,
А об водке ни полслова”.*

Д.В.Давыдов.

В конобе “Завтрак у Антонио”
едят крестьяне острый сыр;
они с утра пришли в трактир,
сидят, стол придавив ладонями.
Вчера на салпу был улов,
а нынче незадача с морем:
шумит, швыряясь мелким сором
и брызгами поверх голов.
Что ж, в ракию не грех усы
макнуть, чтоб кровь взбудрила жилы.
Всё хорошо, родные живы,
и мирно тикают часы...
Вот вдоль прибрежной полосы
измокший кот пиратом бродит,
шипит при всём честном народе,
с бордюра прыгнув на весы.
Он ракии не пьёт. Природе
кошачьей это не дано...
Трактир чудит, поёт давно
в объединяющей свободе.
В Медене слышен дружный хор!
Пируют южные славяне...
В тарелках рыба, соус пряный
под откровенный разговор
об урожае, об улове,
о том, что замуж хочет дочь,
что в США поехать сын не прочь,
о том, где (ха-ха... ни полслова!)
провел скромняга Ранко ночь.
В конобе “Завтрак у Антонио” —
приют бродяг, морских крестьян;
здесь, чашку кофе сжав ладонями,
молчат, поют, никто не пьян.
... сидят под крышей у Антонио
пришельцы из различных стран...

Трогир-Медена. 1988

РУССКО-СЕРБСКИЙ СЛОВАРЬ

*“Надо мною женщины смеются.
Когда слово я по-нашему молвлю...”*

А.С.Пушкин.

Горни Милановац; горлинка горюет,
я по-сербски, Спиванка, не говорю.
От стыда за немоту свою сгорю я,
но глазами, молча, умиротворю...
Видишь: месяц звёзды над горой ворует;
встретились случайно близким на беду.
Вот напропалую по-российски вру я,
что звезду люблю с неба украду!
Растворю слова славянские в гортани,
переплавлю в горне горла те слова,
что для нас в ночи единственными стали;
очень с русской схожа сербская трава...
Губ сопротивленье поборю я:
спутаешь вечернюю с утренней зарю!
Да, не даром горлинка горюет:
бес затеял с нами вечную игру...
Ткнул в ребро украдкой, тихо озоруя,
и присел невинно к общему костру.
Ничего тебе не подарю я, —
сам тебя домой на память заберу!
Но Карагеоргиевичи восстанут
в Оплence¹; веет воздух грозовой...
Не сопротивляйся, мы словарь составим,
переплёт прошьём неразрыв-травой.
В переплёт попали, не ищи прощенья.
Задыхаясь, шепчешь: “Милий мой...”
Жизнь ещё воздаст нам яростью отмщенья
за грехи совместные с лихвой.
Спиванка, ты слышишь, горлинка горюет!
Распрявилась смятая сербская трава.
Оплетаает Опленец. Вновь на ту гору я
не взойду: на солнце выцвели слова...

Горни Милановац-Опленац. 1988

¹ Церковь-мавзолей княжеской, затем королевской династии Карагеоргиевичей в Сербии.

НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ

Мои стихи, разобранные на цитаты,
эпиграфы, жалеть — напрасный труд.
Они в Германии, Израиле и Штатах...
Пусть там по-человечески живут.

21.12.00

УРОКИ ТАРКОВСКОГО

Генри Ганнигала



Ализариновые чернила

Есть имена людей, с которыми не вяжется прошедшее время. Сколько бы ни прошло лет с их физического отсутствия, дарившие дружбой присутствуют в нынешнем дне то явственным голосом собеседника, то мерещущимся силуэтом на вильнюсских или московских улицах, то фантомным соседством за столиком в кафе, когда пустующий напротив стул никто не занимает, и мнится: предполагаемый визави вышел позвонить по телефону...

Арсению Тарковскому исполнилось бы девяносто лет. А я помню его пятидесятивосьмилетним. Это был 1965 год. Время хрущёвской оттепели закончилось. Из Москвы и Ленинграда — через “Правду” и радиостанцию “Свобода” — доходили вести о перекрывающемся кислороде в литературе. Но на страницах журналов, в альманахах пристальный читатель встречал имена и Мандельштама, и Цветаевой, и Солженицына, и Ахматовой, и молодых тогда “шестидесятников”, фрондирующих формой и даже содержанием. Корневая рифма торчала, топорщась, из стихов “новатора Евтушенко”, против неё с топором-пером наперевес выступал “реакционер Прокофьев”. Принадлежность к левому или правому берегу поэзии определялась порой по этому формальному признаку именно в окололитературных кругах: неточность рифмы отождествлялась чуть ли не с антисталинизмом... Сегодня, конечно, смешно.

Я сидел в некогда знаменитом кафе “Неринга” с известным в будущем переводчиком Феликсом Дектором, когда в простенке малого зала появилась явно не вильнюсская пара. Он, чуть выше среднего роста мужчина в тёмно-табачного цвета пиджаке, опирающийся на трость-палку; она, стройная, ему под стать, в модном брючном костюме-клёш. Бирюзовые глаза прищурились от витающего в воздухе “примного” дыма, и дама, другое слово-определение здесь не подходит, сказала-пропела: “Арсений, давай сядем там, на диван”.

Феликс, казавшийся мне чуть ли не литературным метром, как-то по-мальчишески подскочил и поклонился вошедшим, отличающимся от завсегдатаев какой-то нездешней элегантностью.

— Это кто?

Коллега, живший на два дома, в Вильнюсе и Москве, знавший в литературном мире, кажется, всех и вся, тихо грассируя, произнес:

— Тарковские. Вернее, Арсений Тарковский и Татьяна Озерская. Хочешь, познакомлю?

Я оторопело воззрился на приятеля. Конечно, имена столичных гостей мне были известны. Сборник стихов “Перед снегом”, появившийся в 1962 году и одолженный у приятеля на два дня, я прочитал взахлёб и очень сожалел, что нельзя его “зажать”, а статью Н. Степанова “За четверть века”, опубликованную в очередном “Дне поэзии”, даже законспектировал. К автору, знакомому мне по переводам из Чаренца, Чиковани, Аль-Маари, иных восточных поэтов, я испытывал определённый пиитет, как сейчас понимаю, не всегда свойственный молодым людям. Имя же спутницы — Озерская — вероятно, из-за причастности к поэту показалось тогда мне тоже знакомым. Фамилия аристократическая и, на звук, по-хорошему литературная.

К этому времени я не был таким уж “провинциалом”. Встречался со многими литовскими и русскими поэтами. Но что-то меня удержало от знакомства на этот раз, почувствовал не то чтобы стеснительность, а какую-то внутреннюю непреодолимую скованность и неподготовленность к встрече с человеком, которому подарил второе издание “Камня” Осип Мандельштам, ладонь которого касалась ладони Марины Цветаевой...

Может быть, думалось не так конкретно, но ощущение передано точно. Ф. Дектор пересел к гостям, они о чем-то говорили, пару раз Арсений Александрович искоса взглядывал на меня. Я независимо потягивал апельсиновый ликер — радость и беду многих тогдашних вильнюсских стихотворцев. А за соседним столом чета Тарковских неспешно лакомилась рожками с грибами, которые в ту пору стоили меньше пятидесяти копеек. Вскоре подошла официантка, гости рассчитались и вместе с Дектором прошествовали из зала. Проходя мимо, поэт по-соколиному зорко взглянул на меня и склонил голову с безукоризненным левосторонним пробормотанием в знак прощания. Я чуть не поперхнулся: я же для него посторонний, мы же с ним незнакомы, он же старше меня!.. Впрочем, хватило ума приподняться и сказать: “Всего доброго”.

Вернувшийся Дектор, глядя на мой ошеломлённый вид, довольно похотывал:

— Старик, “мы дети страшных лет России” интеллигентности только учимся, а у Тарковского она в крови. Он видел, что мы с тобой вместе сидели, вот и счёл обязательным попрощаться. Маэстро с женой в Друскининкай едет. Будет у доктора Динейки здоровье поправлять. Дней через двадцать снова в Вильнюс вернётся. Графомань во всю силу, я вас познакомлю, он тебя в чувство быстро приведёт.

Ф. Дектор ко мне относился с симпатией, но стихи поругивал. И вот в первых числах сентября Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна в Вильнюсе. В двухкомнатном номере гостиницы, названной по имени города, мягкий осенний полумрак. Как ни странно, чувствую себя так, словно знаком с А.А. много-много лет. Он привольно сидит в кресле, расстегнув верхнюю пуговицу сорочки и ослабив узел изящного тёмно-зелёного галстука с ромбовидным рисунком. За ручку кресла зацеплена изогнутая рукоять неизменной трости. На столе — яблоки, тёмные сливы, откупоренная бутылка коньяка.

— О стихах говорить не будем. Я напереводился восточных поэтов и ощущаю себя переболевшим тифом. Надо срочно выздоравливать. За выздоровление!

Рюмка с коньяком светится янтарным огоньком в его смуглой руке. И он, задумчиво растягивая слова, произносит:

*Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.*

— А впрочем, переводы для меня не только тиф или чума. Они — и коньяк, что силы укрепляет. Вы знаете, что Кемине — это туркменский Гейне? Так вот я от его переводов просто хмелел...

— Ты не от переводов хмелел, а от того, что они Марине понравились, — это метнула серебряную шпильку в разговор Татьяна Алексеевна. Бирюза глаз словно потемнела от затаённо-любовной ревности к когда-то тридцатидвухлетнему Арсению.

— Вы понимаете, Юрий, он всегда женщинам нравился. Вот и Анна Андреевны Ахматова его самым красивым мужчиной считала. Говорила, что в его облике соколиное есть...

И только тут я сообразил, что речь идет о Марине Цветаевой. Перед войной в литературных кругах Москвы упорно ходили слухи о всплеске чувств некую женщину к молодому поэту.

— Танечка, да я к Марине Ивановне, как вассал к сюзерену относился. Она же мне в “Сверчок” эпитет подарила, “заповедную песню”.

Слукавлю, если не скажу: в душе родилось чисто обывательское любопытство — откуда черпала неизбежность нерастраченных чувств Марина, когда не отмолен был крестный путь трагически канувшего в небытие Сергея Эфрона? Бог, видно, удержал от бестактного вопроса в присутствии

Танечки. Много позже, перечитывая и Тарковского, и Цветаеву, понял непрототу взаимоотношений, возникшую в пространстве между рождением двух стихотворений: Тарковского — “Стол накрыт на шестерых...” и Цветаевой — “Всё повторяю первый стих”// И всё переправляю слово: // — “Я стол накрыл на шестерых”...//Ты одного забыл — седьмого”.

Как поведала дочь поэта Марина Тарковская Ирине Тосунян, отец не знал, “что есть такое стихотворение, ставшее, как говорят, последним в жизни Цветаевой”.

Если не знал Он, то и нам о многом знать не только не дано, но и не велено. А стихи и первые, и вторые любознательный читатель может сегодня отыскать сам и заполнить пространство между ними опытом собственного сердца, не вступая в соперничество с сердцебиением великих. Это опасно. Для жизни.

Сосуд с коньяком на столе почти не пустел. Он просто выполнял функцию гостеприимства, создавая в комнате атмосферу демократической корректности и отдохновения хозяина от роли Мастера в присутствии почитателя. Печатавшийся с 1926 года, ценимый знатоками, он был автором единственной книги стихов. Тридцать шесть лет понадобилось для её издания. Такого срока судьба не отпустила Лермонтову и почти столько же подарила Пушкину. Система “сослала” мастера в переводы и тем, может быть, спасла ему жизнь.

Воздух открытости, доброжелательности заполнял гостеприимный номер, и я не удержался от вопроса:

— А знаете анекдот про то, как вы переводили Сталина?

— Какой, какой??! — заинтересованно воскликнул Арсений Александрович, прочищая мундштук скрепкой от застрявшей в нем табачины сигареты.

Осторожно подбирая слова, я пересказывал услышанное мною от одного знакомого, боясь крутым словом смутить героя литературной то ли были, то ли небывлицы.

А.А. рассмеялся: “Всё так и не так. Факт, как говорят, имел место быть. В начале 1949 года мы с Танечкой жили бедно и неуютно. Бедно потому, что заказы на переводы перепали не так часто, надо было и семье от первого брака помогать, а неуютно потому, что окна нашей квартиры выходили во двор, где были гаражи МГБ.

Только ночью заснёшь, как раздаётся рык через открытую форточку: “Машина номер та-та-та на выезд!” Хлопают дверцы, стук сапог, и “маруся”, тарахтя мотором, выезжает на улицу. Сами понимаете, зачем и куда выезжает. И так за ночь по нескольку раз. Нервы стали шалить дальше некуда...

И вот в один прекрасный или непрекрасный день в дверь раздаётся звонок. Танечка пошла открывать, и в комнату вошел полковник МГБ.

— Арсений Александрович Тарковский?

Сердце у меня так и упало. “Ну всё. Это — финиш”, — только и мелькнуло в голове.

— Да, это я.

— Берите паспорт и собирайтесь. Вас ждут.

Танечка с опрокинутым лицом собирает в мешочек мыло, зубную щетку, полотенце, носки, суёт какую-то снесь. Я, прихватив палку, ковыляю за посторонившимся в дверях полковником. Спускаемся. У подъезда — чёрный лимузин. В машине, помимо шофёра, еще двое. Сердце ёкает, сажусь, мягко трогаем с места. Смотрю, Лубянку проехали, машина затормаживает у дома на Старой площади. Тут мне легче стало, понимаю, что сажать пока не будут. Проверка документов, и вот я в кабинете. Огромный такой, стены бесконечные, окна огромные, а на аэродроме стола — вина грузинские, виноград, фрукты. Не комната — зал! А в нём люди. Тихие, сановитые. Узнаю некоторых. Пospelов, Шкирятов, Поликарпов, кажется...”Садитесь”, — говорят. “Угощайтесь”, — говорят. Сесть-то я сел. Ноги не держали. А уж угощаться — не до этого...Странный какой-то разговор затевают. Об искусстве пытаются беседовать, театре, мнением моим о кино интересуются. Фантазмагория да и только! И вдруг появляется молодой человек и несёт в руке чудный кожаный портфель. Знаете, Юрочка, портфель прекрасной аглицкой работы, цвета ализариновых чернил! Ставит его на край стола и бесшумно удаляется. И вот вся “тройка” буравит меня взглядом:

— Знаете ли вы, товарищ Тарковский, что Иосифу Виссарионовичу в нынешнем году исполняется семьдесят лет?

— Как же, как же — отвечаю, — знаю, как и весь советский народ...

— А знаете ли вы, что товарищ Сталин в юности писал стихи? На всякий случай я промолчал, хотя сей факт мне был известен, как и то, что грузинский классик Илья Чавчавадзе, измученный настойчивостью угрюмого семинариста, дал возможность тому напечататься в одной из газет, посоветовав, впрочем, направить юноше силы на общественную деятельность, полезную людям и обществу. Чему тот и внял, бросив писать стихи. А что из этого вышло, мы уже с вами знаем.

— Так вот, — произнес, не помню уже, то ли Пospelов, то ли Шкирятов, — мы тут посоветовались и решили сделать товарищу Сталину подарок ко дню рождения. Перевести его стихи на русский язык и издать отдельной книгой.

Мне стало окончательно дурно.

— Простите, как же мне переводить товарища Сталина стихами, если я только на семьдесят пять, ну на девяносто процентов смогу сохранить его слова?! Десять-то процентов моих будут...

— Ничего. Вы постараетесь и сделаете. Берите портфель, там весь материал, садитесь, работайте, не спешите и о нашем разговоре никому не говорите.

Назад меня отвезли на другой машине и уже в сопровождении не полковника, а майора, который поинтересовался, есть ли у меня дома сейф, в который бы мог положить драгоценный портфель. Я пробормотал какую-то невнятицу, что майором было воспринято как заверение о наличии стального агрегата. Танечка меня встретила дома со слезами на глазах.

Я приступил к знакомству с «материалом». Это была, я вам скажу, замечательная техническая работа! Текст на слоновой бумаге, отпечатанный на грузинском языке типографским способом. Этот же текст, напечатанный русскими буквами, — транскрипция. Везде проставлены ударения, отмечены клаузулы. На третьем листе — подстрочник, на четвёртом — он же с вариантами толкований и т.д. и т. п. Словом, мечта переводчика! И стихи такие милые, пастушеские. Зарифмованы первая и третья строчки. Начал я переводить не спеша, как мне и рекомендовали. Штук десять перетолмачил за пару месяцев. Опасная работа всё-таки...

— А почему, Арсений Александрович? Вы же — мастер, сделали бы — Сталинскую премию получили.

— Всё-таки, Юрочка, вы молодой ещё человек. А если бы автору перевод не понравился? Или Лаврентий Палыч, а затеято с таким подарком вождю его была, не так на четверостишья взглянул, какую премию, на какой срок бы я получил? Нет, от царей и псарей подальше держаться надо.

Ну так вот. Месяца через два знакомый уже полковник МГБ снова к нам наведаяся. Мы его с Танечкой уже спокойней встретили.

— То, что вам в тот раз в портфеле передали, цело?

— Естественно...

— Тогда берите портфель и поехали.

Путь уже знакомый, кабинет тот же, лица те же. Портфель изымается из рук молодым человеком стёртой внешности и уносится. А товарищ Пospelов изрекает:

— Товарищ Сталин узнал о нашей затее. И с присущей ему скромностью наложил вето на это мероприятие. У вас, товарищ Тарковский, есть какие-нибудь просьбы, пожелания?..

Какие уж тут просьбы могут быть, пожелания? Мне, Юрочка, больше всего портфель жалко было. Такой, знаете, замечательный, аглицкой работы, цвета ализариновых чернил...

Встал я, благодарю за доверие, а тут новый человек появляется и протягивает мне ... портфель. Уж тот ли, не тот, право, не знаю. Как дома оказался и не помню. Танечка на шею бросается. А я портфель открываю аглицкой кожи.

— И что же там было, Арсений Александрович? — не выдерживаю я.

— Гонорар за несделанную работу!

— ???

— Ну, как вам сказать... В этот же вечер мы с Танечкой уехали в Крым и три месяца пробыли там бескручинно и безбедно. Звёзды, вино, собственные стихи, любовь.

Арсений Александрович глуховато засмеялся, Танечка метнула бирюзовые искры на мужа и, кажется, зарделась.

Так стихотворец И. Джугашвили и поэт-переводчик А.Тарковский из-за присущей вождю народов скромности не стали лауреатами Сталинской премии.

Через несколько дней я снова встретился с писательской четой. Уже знал, что Татьяна Алексеевна профессионально занимается переводом англо-американской прозы. На этот раз А.А. попросил меня почитать стихи. Читал я тогда всё на память, стараясь жестом подчеркнуть, как мне казалось, удавшуюся строку. Тарковский слушал внимательно, чиркая карандашиком по бумаге, случайно оказавшейся на столе.

То, что он мне тогда сказал, запомнилось. «Не старайтесь быть современным. К чему эти корневые, неточные рифмы? От них возникает состояние моральной расхлябанности. Точная рифма — категория моральная, в ней глубинная связь (Любовь и Кровь неразделимы!) Выработывайте в себе эту моральную категорию. В детстве меня учила играть на пианино мать гениального Нейгауза. Так она под кисти рук мне, чтобы не опускал их, остро отточенные карандаши подставляла, грифельные острия так в кожу и впивались! Отточенность формы облагораживает содержание. Если поэт — не имитатор, он непременно придёт к естественности поэтической речи. Иногда стоит помедлить с печатанием. То, что у меня первая книга вышла в пятьдесят шесть, может, и хорошо. В ней многих слабых стихов нет.

— Кстати, вы, Юрий, член Союза писателей?

— Что вы, Арсений Александрович, у меня сборник только на будущий год выходит. Без книги, а то и без двух, о Союзе писателей и думать нечего.

— Значит, встретимся через год. Рекомендация за мной.

В следующем году, в сентябре месяце, Арсений Александрович протянул мне рекомендацию, в которой были довольно лестные слова, касающиеся, как я теперь понимаю, моих более чем скромных строф. Я же через несколько дней протянул мастеру свежий номер вильнюсской молодёжной газеты, где было опубликовано стихотворение "Равноденствие" с посвящением человеку, который и определил мой путь в литературе. Впрочем, приём в Союз писателей растянулся на долгих для меня семь лет, а моему А.А. пришлось подтверждать рекомендацию, данную мне в 1966 году.

...Выйдя из гостиницы, я вдруг словно споткнулся: вместо того, чтобы пойти домой, сам не знаю почему, направился в библиотеку. Помните, Тарковский сказал: "...портфель...агличкой работы, цвета ализариновых чернил..."? Да еще дважды повторил. Что это за чернила такие, а-ли-за-ри-но-вы-е? Какого цвета? Слово выпевалось, позванивало, в своем мерцающем "за-ри" волновало неясной загадочностью. Его благородная холодноватость сама так и струилась в стихотворную строку. А от двусложия "а-ли" веяло восточной знойностью.

В прохладе библиотечного зала остужал я нетерпение поиска несуетливым просмотром словарей, справочников, определителей растений. Неизвестное прилагательное оказалось образованным от существительного, которое имело арабское происхождение. В Россию оно пришло из французского языка — alizarine. Вот этот самый ализарин и извлекали дотошные химики-алхимики из корней марены для изготовления не столько чернил, сколько красок. Восемь оттенков красного цвета таило в себе корневище растения, перебравшегося в Европу из стран Средиземноморья и Малой Азии!

Узнал я и о лечебных свойствах экстракта марены красильной. Но тогда, тридцать с лишним лет назад, почки работали, как "водопровод, сработанный еще рабами Рима", и до поисков целительного Цистенала было так же далеко как и до построения коммунизма. Зато прилагательное, столь знакомое елисаветградскому гимназисту, ставшему неоспоримым наследником "серебряного века", стало понятным и вильнюсскому литератору, не задумывающемуся о написании мемуаров не то что ализариновыми чернилами, но и шариковой ручкой, которой, Впрочем, у него и не водилось, потому как редкостью импортной была...

Чудесная охота за ализарином открыла мне вологодское слово маренник, означающее холщовый сарафан, вымоченный и выкрашенный в настое из корня растения; объяснила, что сельских красильщиков да и собирателей сыворотеня

(колдовское ознобное лесное слово! — Ю.К.) называли в деревнях маренщиками. До сих пор вспоминается горьковатая печаль в голосе А.А.. когда он произносил:

*Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скреплённых их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове п р а в д а мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.*

А когда перечитываешь знаменитое стихотворение “Словарь” со всеми “эР и эЛь святого языка”, кажется, — выведены строки немеркнувшими ализариновыми чернилами и каждый знак “зелёный, рдяный, ржавый, золотой”. Не уловила ли и Марина Цветаева будущую НЕВЫЦВЕТАЕМОСТЬ строк поэта, в имени которого крылась стойкая негибаемость? Ведь в переводе с греческого Арсений означает мужественный... Как знать. Приезжал Арсений Александрович с Татьяной Алексеевной в Вильнюс еще несколько раз. Помню одну встречу с ними в 1971 году. Тогда вся огромная страна зачитывалась “Аэропортом” Артура Хейли, переведённым на русский язык Т.Озерской в соавторстве с её полной тёзкой Татьяной Алексеевной Кудрявцевой.

— Татьяна Алексеевна, а зачем “Аэропорт”-то переводили? Это же — явно коммерческая литература...

— Вне всякого сомнения! Но написан роман блистательно профессионально. И он показывает, открывает Америку сегодняшнюю, а не драйзеровскую. А в каком напряжении держит Хейли читателя? В его прозе есть то, что Арсений называет “стремительным темпом”. Кстати, эта работа позволила познакомиться с замечательным человеком. Нас консультировал один лётчик-испытатель, полковник. Помог разобраться в неизвестной терминологии...

Вечером мы сидели и ужинали в ресторане “Вильнюс”, славившемся в те годы замечательной кухней и обслуживанием. Принимал сам бригадир официантов Витаутас Новицкас, кельнер высшей квалификации, начинавший карьеру в каунасском баре “Пале але” ещё в сметоновские времена. Не успевал Арсений Александрович вставить половинку сигареты в деревянный мундштук, как тут же откуда-то сбоку вспыхивал огонёк зажигалки, и наш гость откладывал на скатерть непонадобившиеся спички. Солянка с плавающим солнышком лимона пробуждала аппетит, английский бифштекс, сочащийся кровью, умиротворял алчущий желудок, а ледяная водка в графинчике призывала к застоль-

ной беседе, в которой, отсмеявшись над очередной идеологической кампанией деятелей из Союза писателей, мы перешли к разговору о поэзии — второй реальности жизни, спасающей и врачующей от неодушевлённости.

— С ализариновыми чернилами, Юрий, вы сами разобрались. А вот, что такое облатка, знаете?

— Разумеется. Русифицированное латинское слово, означающее приношения. Даётся в костёле при причастии. Ну, таблетку ещё так назвать можно.

— А помните, в “Онегине” героиня пишет письмо:

*Татьяна то вздохнёт, то охнет;
Письмо дрожит в её руке;
Облатка розовая сохнет
На воспалённом языке.*

Это я говорю потому, что вы как-то восторгались метафоричностью у одного нашего модного гения. А что по сути метафоричность в его понимании? Только — сравнение. Он идёт не столько по-новому пути, сколько по-старому, когда сравнивать можно что угодно и с чем угодно, и этим оправдывает собственные “новации”. А Пушкин само слово делает метафоричным. Письма во времена Евгения и Татьяны отсылались без конвертов, просто складывались особым образом и заклеивались разноцветными облатками, то есть кружочками из намазанной клеем бумаги или кругляшками из клейкой массы. У Александра Сергеевича облатка — *розовая и сохнет на воспалённом языке*. Татьяна — больна, у неё — жар!

Видите, слово вспыхнуло лампочкой на рождественской гирлянде, замерцало и зажгло последовательно соединённые с ним слова. Весь катрен озарён! Электричества не было, а *напряжение* существовало. Как хотите, так и понимайте.

...Мне казалось, что я понимал...

Подошедший к столику Новицкас принес кофе, и я попросил счёт. Арсений Александрович вытащил бумажник, я тоже полез в карман. И тут началось обычное препирательство водевильного характера.

— Вы — гость Вильнюса, так уж позвольте мне и платить.

— А вы, Юрочка, еще даже не член Союза писателей, станете им, тогда — пожалуйста.

— Но вы с Татьяной Алексеевной ...

— Да, мы с Татьяной Алексеевной — сразу два члена Союза.

— Но...

— Никаких но.

И тут седой Витаутас Новицкас, похожий в своём смокинге с бабочкой на посла лимитрофного государства, веско произнёс:

— Платить не надо. Всё — за счёт заведения.

И, подмигнув мне, неторопливо удалился.

Тарковские изумленно переглянулись. А я расхохотался. Уже на улице рассказал им, как несколько лет назад по заданию редакции подготовил к печати материал под названием «Моя профессия — официант». Под статьей красовалась подпись В. Новицкаса. И каждый раз, когда я бывал в «Вильнюсе», метр норовил вернуть гонорар за публикацию, который он получил по почте. Я же, по младости лет, гордо отказывался. Ведь писать приходилось и за директоров заводов, и за секретарей райкомов, и за начальников райотделов милиции, и директоров магазинов. И все получали и воспринимали гонорары как должное. Возвращать же деньги за непроделанную работу, как правило, пытались люди попроще — рабочие, шоферы, колхозники, врачи..

Вот и на этот раз метрдотель, отнюдь не относившийся к пролетариату, продемонстрировал благородство, сопротивляться которому в данной ситуации не имело никакого смысла. Как это он лихо:

— За счёт заведения!

Что ж, гран мерси, тем паче, что ему в уста я вложил какой-никакой, но афоризм: «У хорошего официанта — кисть железная, а ладонь бархатная». Поднос-то действительно порой более десяти килограммов весит, а чаевые ласково брать надо...

А между тем, с моим приёмом в Союз писателей творилось что-то мистическое. Бывая в роскошном особняке на тогдашней улице Рашитою, 6, я не раз слышал из уст одного из секретарей Союза, что приём в члены сообщества — дело решённое, на очередной же приёмной комиссии моё дело непременно будет рассмотрено. Если учесть, что на подачу заявления меня сподобил тот же вышеупомянутый секретарь, то я искренне не понимал: почему так долго длится сама подготовка к предполагаемому «осоюзованию»? Уж и в армию успел сходить послужить, и второй сборник стихов «Выздоровление» вышел. В чём же загвоздка? Наконец, кто-то из начальства сказал: «А твоего личного дела с рекомендациями никто и в глаза не видел». Я так и оторопел.

— Как не видел? А что же мне семь (!) лет подряд голову мочили?

— Ну, не знаю... Давай оформляй всё по-новому, бери свежие рекомендации...

Особо меня умилили — “свежие рекомендации”... Ломиться в открытую толерантно дверь сложнее всего. Перекипев и перепсиховав, взялся за трубку телефона, набрал московский код, а затем накрутил 299-32-78; долгие гудки, затем глуховатое: “Слушаю...”

— Арсений Александрович, здравствуйте, это Юрий. Тут вот какое дело. У нас в Союзе писателей пожар произошёл. Словом, врал я А.А. напропалую. Сказал, что во время пожара сгорело моё личное дело с рекомендацией. А как объяснить за тысячу километров человеку таинственное исчезновение бумаг, которых “никто в глаза не видел”, чего же тогда семь, пять лет, наконец, год назад об этом не говорили?

— Ну, сгорело и сгорело. Что вы так заикаетесь? Сейчас сяду и “свежую рекомендацию” напишу, как изящно ваш секретарь выразился. Обязательность Арсения Александровича просто поразила. Буквально на четвёртый день после моего звонка обнаружил в почтовом ящике синеватый конверт. Во второй рекомендации, как и в первой, были довольно-таки лестные слова в адрес литератора, чьё личное дело исчезло в хм... в несуществовавшем очищающем пламени выдумки.

Через пару лет редакция журнала “Пяргале” переезжала из нынешней “раздевалки” Союза писателей в другое помещение. Мебель уже перетаскали, остался только редакционный сейф, из распахнутого зева коего вытаскивалась разная макулатура. Днище железного монстра подмигивало горлышками пустых бутылок, содержащих некогда негрустные напитки. Когда выгребли запылённую тару, я увидел не менее запаутиненную папку с моей фамилией. Да это было “Личное дело” кандидата в члены Союза писателей Кобрина Юрия Леонидовича. Мд-да, рукописи действительно не горят, особенно, когда они закинуты в сейф с опорожненными сосудами.

Эту-то историю я и поведал Арсению Александровичу осенью 1973 года при обмывании моего “членства” в Дубовом зале цедеэловского ресторана.

И случилось так, что очередная встреча с Тарковским произошла через долгих почти одиннадцать лет, хотя звонил ему в этом промежутке времени дважды: один раз, когда высылал свой сборник стихов “Час сердца” и второй — после дежурной свистопляски в прессе по поводу его знаменитого сына Андрея и, якобы, погибшей на киносъёмках, лошади.

...15 мая 1984 года вместе с группой слушателей Высших литературных курсов я поехал в Переделкино. Арсений Александрович вместе с Татьяной Алексеевной “отбывали” в доме творчества очередной срок. Кто-то из коллег побежал в зда-

ние, а мы расположились в тёплый, благоухающий черемухой день на воздухе, в беседке. Показался Арсений Александрович, вedomый бережно под руку, казалось, ничуть не изменившейся Озерской. Сделав порывисто шаг вперёд, я приобнял А.А., тяжело припавшего на ногу.

— Осторожней, Юрочка. — испуганно вскрикнула Татьяна Алексеевна. — У него же ребро сломано...

Оказывается, несколько месяцев назад Тарковские отдыхали и работали в пицундском доме творчества. И как-то, когда двери лифта распахнулись на первом этаже, в него, не дав выйти пожилым людям, так и влетела хохочущая дурища в мокром купальнике и с лёту вторпедилась телом в неудержавшегося на протезе Арсения Александровича... Только новой физической боли не хватало семидесятисемилетнему человеку, оставившему высоко ампутированную ногу в полевом лазарете...

Конечно же, снедала и душевная мука; он понимал, что уже не увидит сына, приславшего весточку из Италии, сознавал: сил остаётся всё меньше и меньше. Рукопись сборника “От юности до старости” при всей благорасположенности редактора Виктора Фогельсона ужималась и истаивала. Отцы снова отвечали за детей...

Тарковский сидел за столом и всей статью напоминал то ли подстреленного беркута, то ли сокола, а бирюзовые глаза Татьяны Алексеевны укоризненно сопровождали каждую новую сигарету, разминаемую сухими пальцами поэта. Он читал надтреснутым голосом стихи, который то и дело заглушал, забивал рёв пассажирских самолётов, изрыгаемый над когда-то тихим Переделкином. И когда наступило затишье, как-то завещательно прозвучало: “Может, кто-нибудь скажет спасибо // За постылый мой подвиг ночной”.

... А вечером в комнате-одиночке общежития выдохнул я из себя стихотворение, так и названное “15 мая 1984”:

*В Переделкине черемуха цветёт,
старый мастер в Переделкине живёт.
Плоть изранена, и голос болевой,
самолёт ревёт над белой головой,
соколиные прищурены глаза,
пузырится холодком в стекле нарзан.
...одиночество приходит как вина,
выпить что ли итальянского вина...
На пригорке фиолетова сирень,
у Татьяны Алексеевны мигрень,
бирюзовые прищурены глаза,*

*говорит она: “Куришь тебе нельзя...
Жили разное мы, но разное — никогда,
и на этот раз минует нас беда”.*

*...горьковато итальянское вино,
вот такое получается кино...*

*Самолёта оглушительный аккорд!
— Для чего перевела “Аэропорт” ?*

*Засинели купола. В беседке — тень.
Вот бы выдумать от времени жень-шень,
не бывало бы виноватых без вины
и Отечественной не было войны,
замечательно всё было у страны!*

Коллеги, которым я на следующий день прочитал эти строки, единодушно заявили: “Не напечатаеть никогда. Главлит не пропустит. Итальянское вино и кино — это чересчур ясно о чём речь”.

Они ошиблись.

В сентябре следующего года стихи напечатал московский журнал “Смена”. Уже затевалась гласность, и процесс, как любил повторять один из неутомимых говорунов, пошёл. Журнал со стихами, где посвящение “Т.А. Озерской. А.А. Тарковскому” было вымарано цензором, я бандеролькой отправил дорогим мне людям. И хотя процесс пошёл, это же стихотворение неизъяснимым образом “выпорхнуло” из моей московской книжки “Дневник любви”, хотя на дворе стоял 1987 год. Неисповедимы помыслы главлитовские...

А 27 мая 1989 года Арсения Александровича не стало. Сына он пережил на три долгих года... Через несколько месяцев ушла и Татьяна Алексеевна. На душе стало ещё более пусто. Но изредка губы шепчут светоносные строки поэта, обращённые к той, кто столько лет шла рядом:

*Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.
Благодарю за каждый
Глоток воды живой.
В часы последней жажды
Подаренный тобой.*

В моей памяти — они вместе. Всегда.

“... Когда идёт бессмертье косяком ...”

Я задумывался над этими строчками, когда во дворах, в Прибалтике и Подмоскowie, близких сердцу Арсения Александровича, доцветали любимые им сирени. Лиловые, сизые, фиолетовые, белые, обыкновенные и махровые...

Уже десять лет они осыпаются без него, напоминая о минувших днях прошлых надежд, так стремившихся стать будущим.

Недавно А.А. мне приснился. И так явственно, что ощутил легкий запах холодноватого одеколona и пряного трубочного табака.

— Знаете, Арсений Александрович, — сказал я, сидя рядом с ним на одной скамейке Сада молодежи и поглядывая на башню Гедимина. — кажется, вы мне снится, а я точно знаю: вы умерли 27 мая 1989 года. Советский Союз распался, я живу будто бы в независимом государстве и мне нужна виза, чтобы поехать к вам на могилу...

— Прекратите говорить пошлые и глупые фразы. Тоже мне сочинитель фантазийных мемуаров! Вы же — мой ровесник. Вам сейчас ровно столько, сколько было мне в год нашего знакомства. Смерти нет. Я же объяснял ещё тогда. Есть только ничем не подтверждённое представление о ней.

Нам всегда — четырнадцать, иначе бы и стихов не писали. “Я и сейчас, в грядущих временах, // Как мальчик привстаю на стременах.” Недавно вот эти стихи папе, Александру Карловичу, прочитал, так он, прекрасодушный народоволец, рассмеялся: “Все мы — Тарковские — непокоримы и неукротимы. Быть нам поднадзорными от века до века и с властями в вечном споре жить, а потому у нас, Тарковских, для смерти времени нет...”

— Да какие там фантазии, Арсений Александрович, если напечатали ваше:

*Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью хамсы.
Где твоё имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы.*

— Ну напечатали и напечатали. Значит, никого они сегодня не задевают. Их бы тогда, в 46-м тиснули. Сегодня с вами не разговаривали бы... Пыль, знаете, она пыль и есть. Без следа разносится. Я, признаться, и запомнил их.

— А вы поглядите. Вот они в книге “Белый день” на странице 124-ой и помещены.

Арсений Александрович притулил трость к здоровому правому колену сбоку и взял в руки киноварного цвета томик с золотыми виньетками и загогулинами.

— Ай-яй-яй... Вот издали так издали. Будто купцу памятник. Верно вам кажется, что я помер. Они что ж, нынешние, и слова Ахматовой презрели?

— А что Анна Андреевна?..

— Анна Андреевна, мой друг, о сборничке “Перед снегом” такие слова подобрала: “Книга издана просто и изящно — без надоевшего всем золота. Стихи не любят, чтобы их рядили в очень нарядные одежды”.

— Да, Господь с ней, с одеждой-то. Главное, что из содержания ничего не выцарапали. Жаль, что Книпович Евгения Федоровна до этих публикаций не дожила. Очень она вас, Арсений Александрович, ценила...

— Ценила, голубушка, ценила. Тогда, в 46-м, я со дня на день свою первую книжку ожидал. Уже и две корректуры прочёл, и вёрстку в руках держал, и сигналом ладони обжёл. Три штучки сброшюрованы были, и вдруг — ждановская речь, постановление ЦК о “Звезде” и “Ленинграде”. Тут-то внутренняя рецензия Евгении Федоровны и пригодилась, она меня к “Чёрному пантеону” вкупе с Ахматовой, Гумилевым и Мандельштамом отнесла. Да, еще и Ходасевича вспомнила.

— Не желала, но к классикам причислила! Ввела в пантеон бессмертных.

— Да, что вы сегодня всё о смерти и бессмертье? Все бессмертны, только подлецы его боятся. Страшно ведь, если при жизни разоблачат. Давайте я вам кусочек из стихотворения “Жизнь, жизнь” прочту:

*Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт бессмертье косяком.*

— И не бойтесь не подавать подлецам и предателям руки. Живите в ладу с собой, но не страшитесь наживать врагов. Если у вас их нет, — вы людям безразличны, то есть не существуете. Не давайте себе поблажки: поэт только тогда поэт, когда не уступает ни в чем ни себе, ни давлению извне... И потом: “Знает это художник или не знает, хочет он этого или

нет, но если он художник подлинный, время — “обобщённое время”, эпоха наложит свою печать на его книги, не отпустит его гулять по свету в одиночку, как и он не отпустит эпоху, накрепко припечатает в своих тетрадах”.

Я глянул на сухую руку поэта, лежащую на кроваво-алом томике, и подумал во сне, понимая, что это сон: “Удивляюсь, как Арсений выжил с его характером”, — бессознательно цитируя слова, сказанные матерью его детей, — Андрея и Марины — Марины Ивановны Вишняковой.

С его характером нельзя было выживать, можно было лишь пламенеть:

*Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.*

А разве я не хорошо горю...

Сиреневый куст, под которым мы сидели, внезапно качнулся и скрыл сидящего Арсения Александровича пятизвёздочным махровым облаком. Белое смешалось с фиолетовым. И, задыхаясь, я выдохнул: “Арс... Алекс... где вы? Что же это такое поэзия?..”

И прильнувшая к щеке ветвь прошелестела: “...это способ жить и умирать, это дело очень серьёзное, с ней шутки плохи, она и убивать умеет, как Лермонтова, как Цветаеву, как ещё очень многих других”.

— Прощайте, Арсений Александрович, вы жили без поблажки.

*Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжёл
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчёл?*

И вспомнил, как когда-то в гостиничном номере А.А., отстёгивая левый протез и, не стесняясь одноногости, пошутил: “Знаете, Юрочка, о чём я прежде всего подумал после ампутации, придя в сознание и увидев проваленную простыню? Теперь никогда девушки на вокзале не попросят меня поднести чемодан до трамвая...” И, по-мальчишески улыбаясь, почти пропел:

*Наплевать на уговоры нянины,
Только б свет оставила в палате.
И ногой здоровой каждый раненый
Барабанит польку на кровати.*

1996 — 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Эхо поэзии

Юрий Кобрин: послесловие к себе	6
Эволюция души	14
«... до тютчевских высот ...»	17

«... как тот глухонемой ...»

Милосердие	20
Творцы	21
Наследники культуры	23
Памятник	25
Награды	27
Готовность	28
Ничей	29
На своем месте	30
Стойкость	31
Величие	32
Единство	33
Мультикультура	34
Дуборуб	35
Перелётные птицы	36
Пауза	37
На тропе	38
Декабрьские стихи	39
Вечность	40
Свистнул рак	41
Друг для друга	42
Риторика	43
Терпение	44
На собственной шкуре	45
Надпись на книге	46
Графогфрения	47
Соотечественнику	48

Русская поэзия	49
Самоубийца	50
Частное лицо. 6 июня	51
Император	53
Гены Ганнибала	
1. У Чёрной речки	54
2. В час сердца	56
3. И вновь о Натали	57
4. 21 мая	58
5. Пушкинский юбилей	59
6. Татьянин день	60
“Гульбе”. Старая аптека	61
Стихи	62
Прощание с веком	63
О власти и патриотах	64
Убеждение	65
Над обрывом	66
Волна и зонтик	67
МКС	68
Закалка	69
Возможный романс	70
С чесночной колбаской в Париже	72
Когда-то	73
Симон Дах	74
На выставке	76
На взятие телебашни	77
Право одного	78
Сшибка	79
После 11 марта	80
Романс «Неклассические розы»	81
Санитарка	82
Бедность богатых	83
Вильнюс	84
Хулителям	86
Две речи	87

Избиение младенцев	88
Семья	89
Про это	90
Молчание	91
Завистникам	92
Сиреневый хутор	93
В год Кота	94
Плачь по коту	95
Вечные вопросы	96
Одному юбиляру	97
Тихие строки	98
Фейгале	99
Фародия	100
На заре, на закате века	101
Возмущение сирени	102
Облако белой сирени	103
Инсталляция к размышлению	104
Последние реминисценции	105
О сущности искусства	106
Пасхальный день	107
Шолом-музыкант	108
Празднующим 9 мая	110
Высокое давление	111
Молитва Мандельштама	112
Похмелье кантианца	113
Липа цветёт	114
Переводчик	115
Просьба	116
Мой вертеп	117
Нынче	118
Отношения	119
Богатый нищий	120
Нищеврод	121
Тост	122
Моностих	123

Из венка Иосифу

- 1. Но день грядёт 124
- 2. В тишине 125
- 3. Прощание 126
- 4. Exegi monumentum 127

Накануне 128

В условных единицах 129

Бомж 130

Дверь 131

Зрак недреманный 132

Вильнюсский сикомор 133

Земля 134

Шашлычные размышления 135

Диалектическое 136

Поймал я рыбку золотую... 137

Почти молитва 138

Запах разлуки 141

Соплеменники 142

Всё проходит 143

Профили 144

Белая шаль 145

В сороковой день 146

Трезвость 147

Без волшебного фонаря 148

Пепел раздумий - добрая почва 149

Маски 150

Странное небо, странные годы 152

Колка дров 153

Размышление 154

Свобода выбора 155

И нет в душе полураспада...

- 1. По дороге в Коктебель 156
- 2. Спящий мальчик 157
- 3. Вместе 158
- 4. На горе Узун-Сырт 159

Гены Ганнибала

5. Спокойствие	160
6. Равновесие	161
Воскресенье в парке Вингис	162
Неизвестному поэту	163
Запрет	164
Оппоненту	165
Неравенство	166
Современнику	167
На склоне века	168
Конспект к ненаписанной пьесе	169
После кинофильма “Чистое небо”	170
Бессонница	172
Твёрдость	173
Постфактум	174
Парадоксы	175
Перед дождём	176
Харон	177
В нещедрое время	178
Два берега	180
Январь 1983	181
Закат	182
Осень в Павильниси	183
Констатация	184
Отдохновение	185
Не только о тополях	186
Суббота	187
Корректность	188
Продление лета	189
Немыслимо	191
Пожелание	192
Сон в летнюю ночь на ул. Гоголя	193
Зрелость	194
После всего	195
Итоги	196

Мостовые

Вместо эпитафии	198
Утро	199
Память	200
Антакальнис	201
Мольба	202
Вербное, Свято-Духов монастырь	204
Перед вечным простором	205
Чёрная лебедь	207
Во время дождя	208
Глаза	210
Вечер	211
Концерт для саксофона на мостовой	212
Костёл Св. Анны	214
Равноденствие	216
15 мая 1984	217
Очищение	218
Чем пахнет асфальт	220
Эпилог к городской поэме	221
Прощальный романс	222
Переделкино, скорбный дом	223
Полдень	224
Иронические стихи о смысле искусства	225
Совет	226
Каникулы	227
Два верлибра	228
И это — главное	230
Миг	231
Земное	232
Сегодня	233
Надежда	234
Памяти отца	235
Имя	236
Ночь	237
1945	238

Барельефы

1. Казис Валайтис	239
2. Константин Воробьев	241
3. Стасис Красаускас	242
Как много ещё я не сделал	244
И за пределом	245
Самоирония	246
Тайна розы	247
Восприятие	248
Монолог друга	249
Заповеди	250
Метафоры	251
Аллитерации	252
Грозовой пейзаж в Ялте	255
Зной	257
Весна	258
Такая любовь	259
Юность	260
Снежные цветы	261
Под прожекторами	262
Ночной снимок	263
Говори	264
Тогда	265
Прощанье	266
Достоинство	267
Забытое стихотворение	268
Непрошенный гость	269
Неизмена	270
Прости	271
Знакомой	272
Разрыв	273
Отчаяние	274
Выздоровление	275
Признание	276
Тависуплеба — свобода	277

В горах	278
На базаре	279
Предчувствие немоты	280
Идиллия	281
15 ноября	282
Вечернее	283
На вокзале	284
Москва, до востребования	286
24-25 декабря	288
Рябиновая кисточка	289
Лестница	290
Если после меня	291
В парижском кафе	292
Датское поле	293
Между будущим и прошлым	294
Мальвы в Кембридже	296
Дом для поэта	298
Пресыщение	299
Память	300
Отстранение	301
Легенда	302
У стен Калемегдана	303
Жизнь и смерть Диоклетиана	304
Остров Шолта	305
“Завтрак у Антонио”	306
Русско-сербский словарь	307
Невозвращенцы	308

Уроки Тарковского

Ализариновые чернила	310
«... Когда идёт бессмертье косяком ...»	324

КНИГИ ЮРИЯ КОБРИНА

Очереди за небом

Выздоровление

Час сердца

В споре вечном

Gèlės ant akmens

Дневник любви

Мостовые

Вильнюсский синдром

The Poetry of Perestroika

Yuri Cobrin

Anglo-russian motiv

Литовский акцент

Возмущение сирени

Высокое давление

Laisvė pasirinkti

Постскриптум

Post Scriptum

Кобрин Юрий Леонидович
ГЕНЫ ГАННИБАЛА
Избранное

ISBN 978-609-408-372-3

UDK821.161.1(474.5)-1
Ко-21

В авторской редакции
Макет Г.Шуклин
Корректор А.Петрова

Редактор — *Евгений Степанов*
Бумага офсетная
Гарнитура Times
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 10.01.2013
Тир. 1200 экз.

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.